



Оксана Кас

Возрожден
быть

знаменитым

Даниэль знал, какую цену приходится платить за право называться участником популярной к-поп группы. Знал обо всех подводных камнях этой индустрии и с сочувствием смотрел на тех, кто мечтает стать айдолом. Вот только... почему он, когда судьба подкинула ему возможность вернуться в прошлое и начать все с чистого листа, снова выбрал тот же путь? Даниэль — кореец американского происхождения. Начиная свою жизнь практически заново, он твердо решает, что в этот раз все будет иначе.

Возрожден быть знаменитым

Даниэль проснулся с громким криком... да и проснулся ли? Казалось бы — вот на тебя направлен пистолет, ты слышишь хлопок и мир меркнет в одно мгновение... и вот ты с криком вскакиваешь на постели. Сердце бьется в бешеном ритме где-то в горле, пальцы словно онемели и он все не может понять — у него нет дырки в голове, или просто его пальцы не способны что-то почувствовать. Где-то сквозь панику и фантомную боль, сосредоточенную в середине лба, Дан отмечал детали вокруг. Он помнил это помещение. Это... его комната в Нью-Йорке? Он опустил ладони от лба: сухие, без капли крови.

Комната освещается гирляндой и ночником, полки с комиксами и фигурками супергероев, дверь с плакатом «Нью-Йорк Никс»... она распахнулась уже через несколько мгновений, и в комнату вбежал растрепанный и очень испуганный папа...

— Дан, все в порядке?! Что с тобой? — он обнял его на постели, попутно оглядывая комнату, словно искал здесь обидчика его сына.

Дан тяжело дышал, пытаясь прийти в себя и вообще понять — сон это, посмертные видения или новая реальность. Его комната в их квартире в Нью-Йорке, папа еще не такой седой, как он его помнит, в дверях мама...

— Кошмар, — выдохнул Дан. — Просто кошмар.

Его все еще трясло. Он... умер? Или все же нет? Объятия папы казались вполне реалистичными, картинка вокруг — знакомой и правдоподобной. Неужели он попал в свое же прошлое?

Обеспокоенные родители заставили его выпить успокоительное, а на шум из своей комнаты выглянула даже Мэри. Когда за всеми любопытными и обеспокоенными закрылась дверь, Дан вздохнул спокойнее. Сон или реальность? Он воскрес? Или ему приснилась вся его прошлая жизнь?

Не в силах оставаться в постели, Дан встал и обошел комнату. Календарь за 2013 год. Ему тринадцать лет? Дата в телефоне — 23 июля. Значит, еще двенадцать. Но главное — он умер в этот день почти двадцать лет... вперед? Фотографии с друзьями и родней на стене, баскетбольный мяч, его доска почета с медалями за тхэквондо, одежда выглядит так, будто он хочет быть похожим на чернокожего репера.

Ему двенадцать. Ему действительно двенадцать.

Еще не было той волны событий, которая закончилась его смертью в шикарных апартаментах в Сеуле. Он еще не стал даже трейни, и уже тем более не известен как член популярной к-поп группы. Почему так получилось?

Это его шанс все изменить? Или шанс на спокойную жизнь, о которой он иногда мечтал? Попытаться ему влезть снова в ту центрифугу корейского шоу-бизнеса, или пойти в колледж, жениться и воспитывать гипотетических детей в США? Как вообще так вышло? И почему он? Эти вопросы роились в его голове, не давали покоя. Но организм ребенка еще не привык к успокоительным, поэтому вскоре его начало клонить в сон. Он устало лег на кровать и отрубился, едва его голова коснулась подушки.

Глава 1

Со второй странички

Даниэль удивительно легко принял свою ново-старую жизнь. Иногда он сам поражался своему спокойствию. Скорее всего, оно было обусловлено легким ощущением нереальности происходящего. Не то, чтобы происходящее было похоже на сон — все уж слишком реально ощущается, но... жизнь напоминала повторное прохождение какой-то компьютерной игрушки... Он уже был здесь, он примерно знает, что будет дальше. И он, пожалуй, был даже рад этому второму шансу. Даже не зная, что точно он будет делать дальше, Даниэль искренне кайфовал от своих ощущений. Оказывается, взрослая личность в тринадцатилетнем теле — это убойное сочетание. Энергия была через край — ему казалось, что он может сделать все, что угодно, только скажите откуда начать. Вот только в тринадцать он еще не знал, что ему делать, поэтому тратил энергию куда попало. Теперь же он примерно понимал, чем следует заняться в первую очередь.

2013 год был сложным и для него, и для всей его семьи, только в этот раз у Дана есть шанс немного все изменить, пусть даже это и перечеркнет почти все еще знания о будущем в отношении его семьи.

Когда ему было двенадцать лет он стал жертвой школьного буллинга. На самом деле — ничего супер-страшного не происходило: никакого дерьма в школьных шкафчиках, побоев или пожеланий смерти... но достаточно долгое время он был постоянным объектом насмешек. Из-за всех этих словесных издевательств Дан ненавидел школу и себя самого. В буллинге ему было даже неловко признаваться взрослым — просто слова же, а не действия. Его обидчики — не такие уж популярные, они не намного крупнее и сильнее его, их не прикрывала администрация школы. Просто их много и они как минимум казались уверенными в себе людьми. В отличие от Дана — у него в этом возрасте комплексов было даже слишком много.

Огромная муниципальная школа Манхэттена была хороша во всем, кроме одного: количестве работающего персонала. Учителей-то хватало, а вот тех же психологов или кого-то вроде — нет. Поэтому издеательства одноклассников длились несколько лет — постоянные насмешки, из-за которых Дан ходил в школу, как на каторгу.

Смеялись над многим. Тощий азиат. Говорили, что лицо у него как у японской куклы — круглые глаза и губки бантиком. К тому же с веснушками. А еще говорили, что у него ладони похожи на паука — пальцы очень длинные и гибкие, что в двенадцать смотрится и правда немного жутковато. Насмешки над руками в итоге стали причиной того, что он даже год не занимался музыкой, хотя до этого участвовал в конкурсах и ему пророчили будущее выдающегося пианиста — ему начало казаться, что пальцы у него такие жуткие потому что он много тренируется на фортепиано. Веснушки он пытался замазывать тональником, но в итоге еще и начали девчонкой обзывать, поэтому он иногда растирал щеки мочалкой до красноты, надеясь отмыть эту генетическую особенность.

Он не говорил родителям или учителям — стеснялся, боялся... иногда даже считал, что его оскорбляют за дело. Не сказать, что дома это не замечали. Родители видели, что с ним что-то не так, что он ненавидит школу и почти не берет там дополнительных занятий. Они пытались поговорить, но Дан всячески избегал подобных разговоров. В школе... не хотели самостоятельно огорчать родителей. Говорили, что у Дана не самые лучшие отношения с

одноклассниками, но все в порядке.

История с буллингом в итоге вскрылась, когда на уроке физкультуры в него кинули двумя баскетбольными мячами подряд — от первого он увернулся, а второй попал в голову, сбив его с ног. Дан ударился об пол так сильно, что потерял сознание. Его отвезли в госпиталь, выявили сотрясение мозга и сразу же привели психолога — таков уж протокол подобных травм у несовершеннолетних. Дану было так больно и обидно, что он вывалил на подошедшего психолога все, что хранил в себе последние два года — что над ним смеются, что его не хотят брать в спортивные команды, что он урод и никому не нужен. Психолог в госпитале в благополучии пациентов был заинтересован больше, чем учителя (возможно из-за шикарной медицинской страховки Дана), поэтому уже на следующий день в их школе начали расследование по причине буллинга. Зачинщиков нашли, проверили камеры в коридорах, выявили еще несколько фактов нарушения... Тем парням назначили слушание дисциплинарной комиссии... Из-за чего на телефон Дана начали приходить сообщения с проклятиями: ему обещали веселую жизнь в школе, когда он вернется после больницы. Так как он уже был под особым наблюдением родителей, их эти сообщения испугали не меньше, чем Дана, поэтому до конца учебного года он в школу не вернулся. Занимался дома, а экзамены сдавал в школе госпиталя, когда его положили на повторное обследование.

Вообще, после столь масштабного расследования ничего бы в школе ему сделать не смогли — взрослый Даниэль это прекрасно понимал. Из-за того, что он получил сотрясение мозга и рассказал все в больнице, их муниципальную школу трясли так, что взвыли все. Просмотрели все записи, опросили учеников и учителей, нашли огромное количество мелких нарушений. При том, что отец Даниэля был адвокатом... вообще, ему даже говорить ничего не пришлось — его испугались до подачи исков.

Но, когда все закончилось, даже двенадцатилетний Даниэль понимал, что теперь в школе его ненавидят все — и его прошлые обидчики, и учителя, которым влетело за то, что они это не выявили заранее, и тем ученикам, чьи издевательства над другими людьми выявили в процессе расследований. Поэтому Дан закатил слезную истерику родителям, умоляя их переехать. В этом возрасте это казалось самым лучшим способом решения проблемы: сменить место жительства.

Родители его любили, поэтому в июле 2013 года семья находилась в поисках нового жилья — собирались переезжать в пригород. Не то, чтобы загородный дом был желанным объектом именно для его семьи. Папа — адвокат, мама — профессор, они оба выросли в Нью-Йорке и домик с лужайкой не казался им лучшим место для семьи. Проблема в том, что купить квартиру в столь сжатые сроки сложнее, чем найти дом.

Даниэль отлично помнил, что загородная жизнь не слишком подходила их семье. Родители тратили больше времени на дорогу, следовательно меньше времени проводили дома. До этого мама сама вела хозяйство — ее график и то, что раньше она ходила на работу пешком, позволяли. В пригороде пришлось нанять домработницу. И ту удалось найти не сразу. Школа в их новом районе была неплохой, но дополнительных занятий практически не было. Дан не только не смог вернуться к музыке, но и вынужден был бросить тхэквондо. А еще из-за переезда он поссорился со старшей сестрой. Младшие, двойняшки Вайолет и Лаванда, к переезду отнеслись безразлично. А вот Марианна... Мэри... Мэри негодовала. Она старше его на два года и до этого случая они действительно хорошо общались. Когда Дан попал в больницу, она все рвалась найти обидчиков... но когда он потребовал переехать, все изменилось. Из-за него ей пришлось оставить друзей, свои увлечения, образ

жизни городской девчонки, что не лучшим образом сказалось на их братско-сестринских отношениях.

Что самое обидное — и самому Дану переезд не принес счастья. Он так и не завел близких друзей, ему многое не нравилось в новой школе, как не нравился и их новый дом с тонкими стенами, из-за которых невозможно было в своей комнате даже музыку громко слушать.

Все это заставило сейчас Дана попробовать исправить ситуацию. Он сам предложил родителям альтернативу: сменить не дом, а только школу. В их случае — отправить его в частную школу.

Для того, чтобы поступить в другую муниципальную школу, нужно сменить место жительства: таковы правила. Но частные школы не имели адресной привязки — плати деньги и уже не важно, где ты живешь.

Дан не считал свою семью богатой. Но во многом это из-за четверых детей, которых нужно не только одеть и накормить, но и выучить. Папа Дана — партнер в относительно небольшом юридическом агентстве, которое помогает малому и среднему бизнесу как в бизнесе, так и в тех проблемах, которые случаются у владельцев этого бизнеса. Мама — преподаватель в Университете Нью-Йорка, она в штате постоянных профессоров и ведет лекции по поэзии двадцатого века. Их квартира с пятью спальнями находится в собственности, две машины, все необходимое для комфортной жизни. Но все же — в двенадцать лет Дану казалось, что частная школа будет не по карману его родителям, поэтому даже не заикался о подобном. А они не предлагали, потому что считали, что он хочет оказаться как можно дальше в принципе от этого места, а не только от школьных хулиганов. В свои... тридцать, по сути, Дан понимал, что частная школа может обойтись им дешевле всех тех дополнительных трат, которые возникли из-за переезда.

Кроме того, ни Мэри, ни двойняшки в частную школу переводиться не захотели, оставив эту привилегию брату. Родители только немного переживали, что Дан все еще будет встречаться со своими прошлыми обидчиками на улице, но их успокоило, когда к ним домой пришли извиняться родители Стива.

Стив был заводилой в той компашке, что травила Дана. И это он кинул тот мяч, что стал причиной сотрясения мозга. Его родили платили крупный штраф, именно они оплачивали больничные счета Дана, пока представители отдела по работе с несовершеннолетними преступниками пытались решить — отправлять ли четырнадцатилетнего Стива в исправительное учреждение, или нет.

Дан пошел в школу в пять лет, а не в шесть. Ему не исполнилось и тринадцати. А некоторым его одноклассникам, в том числе Стиву, уже было четырнадцать, что делало его частично доступными для исправительной системы страны. Удар мячом все никак не могли идентифицировать: это было ненамеренно, или специально? Так как в спортзале камер не было, окончательное решение по этому вопросу зависело от родителей Дана: если они будут настаивать на умышленном нанесении вреда, Стив отправляется в детское исправительное учреждение, если случайность — то просто находится под надзором за факт школьного буллинга.

Родители Стива клятвенно обещали, что их сын больше никогда не подойдет к Дану. Что даже не появится рядом с ним и, если они случайно встретятся на улице, сам отойдет от него подальше. Стив стоял рядом и покорно кивал, соглашаясь. Когда они ушли, Дан сам согласился с тем, чтобы парня отпустили: так как сотрясение вылечили еще до того, как он

вернулся в свое тринадцатилетнее тело, все произошедшее уже казалось просто подростковой ошибкой. Он бы уверен, что Стив больше его не потревожит.

Но некоторые люди тупее, чем вы думаете.

Глава 2

Ученик частной школы

Мама нашла несколько школ, куда Дан мог бы добираться сам без кучи пересадок. Так как жили они в Гринвич Вилладж, то подобных заведений в округе было достаточно: есть из чего выбрать.

Даниэлю понравилась школа искусств имени Тревиса Смит-Вестон. Небольшая по числу выпускников, но достаточно просторная. Большое пятиэтажное здание основного корпуса, внутренний дворик с крохотным парком и фонтаном, массивная пристройка со спортивным и актовым залом. Дану понравилось, что это была не совсем классическая школа искусств: все занятия танцами, пением или рисованием являлись скорее кружками, а не основным видом деятельности. Просто выбор этих кружков было по-настоящему огромным... в отличие от кружков другого типа: ни тебе клуба робототехники, ни футбольной команды, ни научных исследований.

Учась в этой школе он, с одной стороны, все еще мог хорошо подготовиться к экзаменом и поступить на какую-нибудь нормальную профессию, с другой — записываясь на разные творческие дисциплины, он подготовится к возможной карьере айдола.

Даниэль еще не был уверен, что вернется в Корею для дебюта. Было много всего, что любого человека навсегда бы убедило в губительности сферы развлечений этой страны. Одна его смерть — явный пункт против возвращения. Вот только... Сцена — это наркотик. У него был шанс ее оставить несколько раз и он каждый раз не находил в себе достаточно сил для этого.

Просто, возможно, он останется в США. Он может стать профессором в колледже, как мама — это ведь тоже, в некотором роде, сцена. Или пианистом — у него очень хорошо получалось и год перерыва в таком возрасте не станет причиной вылета из «высшей лиги» профессиональных музыкантов.

Дан успокаивал себя этим но, когда выбирал себе предметы для первого семестра, уроки фортепиано туда еле влезли. Записался на вокал, потому что уметь хорошо петь — его давняя мечта. Потом танцы. Уроки классического балета для общего развития и кружок современного танца для души. Корейский язык — нужно же как-то легализовать свое свободное владение. Дисциплины из списка обязательных, к тому же не хотелось отказываться от тхэквондо и поэтому забить каждый день занятиями с утра до вечера — не вариант.

Да и... пожить нормальной, подростковой жизнью хотелось. И пожить в Нью-Йорке тоже. Хотелось ходить с друзьями в кафе, ведь их в округе тысячи, посещать баскетбольные матчи, ходить в театр и на концерты. Раз уж его семья осталась жить в Нью-Йорке, стоит наслаждаться этим.

В новой школе он удивительно быстро нашел себе друзей. Уже на первом уроке корейского познакомился с Брэндоном, который в этом классе даже слишком выделялся. Корейский учило немного людей, в основном — азиаты. А тут — афро-американец. Они удивительно быстро сошлись. Все звали его БигБи. [*Big B — что-то вроде Здоровяк Б. Это частое прозвище для крупных детей с длинными именами — оставляют только первую букву имени.*] Он не был глупым, но... немного странным в плане скорости мышления. А еще он категорически не понимал иронию и сарказм — чаще воспринимал их как агрессию в его

сторону. При условии, что в свои четырнадцать БигБи выглядел на шестнадцать и вымахал уже до метр восьмидесяти, многие его опасались. Но Дану он нравился. Если привыкнуть к тому, что БигБи нужно все объяснять, общаться с ним — одно удовольствие.

С Джереми Дан ходил на уроки вокала, с Эйданом — на математику. Но вчетвером они сошлись потому что вместе занимались в клубе современного танца. Как-то совпали взглядами и любовью... к разным событиям. Сначала начали после школы вместе ходить в кафе — каждый раз в новое. Потом брали билеты на театральную постановку. Потом ходили на баскетбольный матч — все четверо были фанатами Нью-Йорк Никс. [*Баскетбольная команда, базирующаяся в городе Нью-Йорк.*]

Вне школы они действительно много общались и Дану даже было комфортно с ними. Сначала он немного опасался, что четырнадцатилетние мальчишки будут казаться ему детьми, но сколь многое решает образование и контекст. В нем самом бурлила эта подростковая энергия и все глупости и обиды быстро стирались из-за яркости новых впечатлений. А сами парни — из интеллигентных семей верхней границы среднего достатка, образованные и умеющие уважительно относиться друг к другу... проще говоря, глупые детские поступки проступали разве что во времена странном чувстве юмор и легком налете подростковой озабоченности девчонками.

Но БигБи девчонки не особо интересовали. Или он стеснялся об этом говорить. Дан общался с ним больше всего, они и жили совсем близко. Вместе ездили в школу и часто — домой после школы.

И в этот день на встречу тоже шли вдвоем. Эйдан и Джереми должны были встретить их у входа в метро, чтобы вместе поехать на один из этапов соревнований по уличным танцам. Иронично, что именно в такой момент — когда вполне уверенный в себе Дан, да еще и в сопровождении друга, шел на, в некотором роде, культурное событие, — он встретил Стива и его компанию.

В Гринвич Вилладж немало небольших аллей, где обычно стоят скамейки, детская или баскетбольная площадки, иногда какой-нибудь ларек с хот-догами. Парками эту территорию сложно назвать — со всех сторон через деревья просматриваются жилые дома — но все же бетонными джунглями эти районы уже не являются. Дан с БигБи как раз пересекали такую аллею — до входа в метро оставалось совсем недалеко.

Он уже не помнил своих обидчиков. Стива помнил — и потому что он был заводилой, и потому что летом он приходил с родителями просить прощения и в это время Дан уже был собой нынешним, то есть взрослым. Но остальные парни начисто стерлись из его памяти — он даже не был уверен, что этим вечером вместе со Стивом на скамейке сидели те же, кто когда-то травил Дана.

Видимо, угрозы родителей и собственные пять минут позора не особо повлияли на Стива, потому что сейчас он, завидев Дана без сопровождения взрослых, расплылся в мерзкой злобной улыбке.

Что по-своему поражало: даже понимая, что сейчас он умнее, что он уже не тринадцатилетний беззащитный школьник, Дан интуитивно поежился. Разбираться с подростковыми дрызгами ему совсем не хотелось.

— Кто это тут у нас? Ты, Дэнни, себе папика завел? — встал со скамейки Стив.

— Папика? — непонимающе переспросил БигБи.

Он традиционно не распознал — издевка это или дружеская шутка, для БигБи это нормально. Дан чуть улыбнулся: он знал, что друг не обидится за подобные слова даже когда

после Дан ему все объяснит, а немного взбесить Стива почему-то хотелось.

— Он намекает, что ты ему понравился, хотел бы быть твоей парой, — улыбнулся Дан. — Просто стесняется спросить прямо — не гей ли ты?

Би, будучи ребенком супер-толерантной нью-йоркской пары, спокойно ответил:

— Думаю, я гетеро, но вообще пока что секс меня не интересует.

Дан прикусил щеку изнутри, чтобы не расхохотаться — он ведь знал, что шутки и намеки БигБи не понимает и всегда отвечает максимально честно.

— Что за придурок? — брезгливо сморщился Стив. — И ты что, меня только что пидаром обозвал?!

— Он мне не нравится, — чуть развернулся к Дану БигБи. — Только не говори, что это твой друг.

Как всегда — предельно честен и искренне не понимает, почему его честность раздражает людей.

— Нет, не друг. Он кинул в меня баскетбольным мячом и я получил сотрясение мозга, — охотно пояснил Дан.

БигБи медленно развернулся к этим четверым парням, смерил их уничижительным взглядом и обернулся к Дану:

— Понятно. Те придурки. Пойдем?

Дан улыбнулся этой невозмутимости. Во многом именно поэтому ему и нравился БигБи. Наверное, если перед ним упадет НЛО, он просто спокойно уточнит — не мешает ли кому эта тарелка и куда нужно звонить, чтобы ее убрали, потому что на его взгляд она портит облик города.

Их спокойный разговор, разумеется, еще больше взбесил Стива. Он набычился и недовольно направился к ним:

— Из-за этого стукача меня едва не исключили! Мало я тебе мячом засветил, нужно добавить!

И он замахнулся на Дана кулаком. Тот автоматически уклонился назад, но драться даже не пришлось — БигБи схватил Стива за воротник и с долей неверия произнес:

— Совсем идиот? Ты решил драться, когда рядом стою Я?

Воротник затрещал. Дан усмехнулся и покачал головой:

— Реально идиот. Твои родители приходили к моим просить, чтобы мы не написали заявление на тебя. Хочешь, чтобы я сделал это сейчас? Хочешь отправиться в исправительную колонию?

Стив сморщил лицо в недовольной гримасе. БигБи все еще меланхолично держал его за воротник. Подпевалы Стива хоть и встали со скамейки, подходить ближе не спешили — смотрели на все со смесью ужаса и неверия. Кажется, даже они не ожидали, что Стив полезет драться. По дорожке сквера к ним обеспокоенно шагала пожилая дама — в лучших традициях Нью-Йорка, она была в ярком пальто и красивой шляпке и уже доставала из кармана сотовый телефон. Предсказуемо, что еще пару секунд и эта дама позвонит в полицию.

Стив сердито рванул воротник своей куртки и бросил своим парням недовольное:

— Пошли отсюда!

Вместе они встали и встали и направились к выходу из сквера. Подошедшая дама обеспокоенно спросила:

— Все в порядке?

— Да, спасибо за беспокойство, — вежливо улыбнулся Дан.

Он знал, как это выглядело со стороны. Они двое — пусть один из них огромный и чернокожий парень — но все же в приличной одежде в полуофициальном стиле, а напротив четыре парня в мешковатых джинсах и худи. Каким бы грозным не выглядел БигБи, весь его внешний вид буквально кричал об ученике частной школы. Да и жители Виллидж в своем большинстве гордились своей толерантностью и отсутствием расовых предрассудков.

День был не слишком напряженным — никаких встреч, только работа с документами. Гарри зашел по дороге в цветочный, попросил флориста собрать что-нибудь небольшое по размеру, чтобы поставить в низкую вазу. С букетом настроение стало еще лучше — он любил делать жене вот такие незначительные подарки, они как будто снова делали их влюбленными студентами.

Энди хлопотала у плиты. Гарри предлагал нанять домработницу — они могли себе это позволить — но Энди согласилась только на приходящий клининг. Готовить она любила.

— Цветы? — удивилась она, отвлекаясь от плиты.

Гарри вручил жене букет, нежно поцеловал и только тогда снял пиджак. Пока Энди ставила букет в низкую пузатую вазу, он успел помыть руки.

— Где дети?

— Летти и Венди пошли к подруге с ночевкой, будут ужинать там. Мэри гуляет с подругами, должна скоро вернуться, Дан пошел посмотреть какие-то соревнования по танцам, обещал поужинать в городе... могу поспорить, это будет либо гамбургер, либо острая лапша, но да ладно.

Гарри засмеялся, устраиваясь на высоком барном табурете:

— Да уж... не думал, что мы так рано начнем ужинать вдвоем.

— Это случайность, все потому что наши драгоценные дочери пользовались нечестными приемами, чтобы уговорить меня отпустить их с ночевкой. А Мэри и Дан вернутся, просто позже.

Она помешивала на плите что-то с ярким сливочным ароматом и улыбалась.

— Дану нравится его новая школа, — тоже улыбнулся Гарри. — Я сначала сомневался, что это поможет, но он прям расцвел. Завел друзей, стал таким занятым человеком — то в театр, то в кино, то на танцы.

Энди тоже засмеялась. Варочная поверхность на их кухне стояла так, чтобы Энди могла видеть, что делают дети в гостиной... или смотреть глаза в глаза своему мужу, когда он сидит за барной стойкой, которая отделяет кухню от гостиной и столовой зоны.

— Он еще и модником стал, — весело добавила она. — Школьная форма — это ладно, но у него теперь вся одежда... под стать ученику частной школы. Кстати об этом. Сегодня у меня Мэри выпрашивала кожаную куртку в качестве подарка, и я заодно спросила, что Дан хочет на окончание первого семестра в новой школе. Знаешь что он сказал?

Гарри удивленно вздернул брови — обычно их сын просил какие-то гаджеты или игры. Тут, видимо, было нечто иное.

— И что же это?

Энди отложила ложку и достала из кармана фартука свой телефон:

— Он сказал, что хочет рюкзак от люксового бренда. Я нашла вот эти два, спросила у него — ему все равно какие именно. Но, думаю, надо бы купить их не в аутлете, а в бутике... раз уж он начал интересоваться, то надо нарабатывать историю покупок.

Она протянула телефон Гарри и перелистнула скриншоты на экране туда-обратно. Рюкзаки были похожи внешне, только один был весь в лейблах.

— Prada и Louis Vuitton, — продолжила говорить она. — Оба стоят примерно одинаково, не кожа, полностью синтетика и все говорят, что они очень хороши в носке. Но Prada сейчас модный, его могут не продать людям без истории. Думаю, нужно будет после получения табелей сходить с Даном в бутик, купить ему первую брендовую вещь... раз уж он заговорил об этом. [*Не все товары в люксовом бутике может купить любой человек с улицы. Редкие и культовые предметы выносят только для постоянных покупателей. Есть бренды, которые эту практику возвели в абсолюте, но указанные здесь бренды практикуют лишь откладывание самых популярных моделей. Рюкзаки обычно в список самых желанных вещей не входят.*]

Гарри посмеялся. Работая адвокатом, он покупал бренды вынужденно. И костюмы на заказ тоже шил вынужденно — это было частью его работы.

— В частной школе носят бренды, — качал головой он. — Ему тоже надо... Да и позволить мы себе подобное можем.

— Ну, это однозначно лучше дисков с компьютерными играми. Нужно написать Нари — она наверняка тоже с радостью вышлет ему деньги на что-нибудь подобное. Хотя, конечно... тринадцать лет и рюкзак за тысячу баксов, — весело говорила Энди.

Гарри тоже засмеялся. Но, раз уж их сын получает элитарное образование, он его понимает — хочется хоть немного соответствовать окружению. Встречают все равно по одежке.

Глава 3

Время благодарностей

В прошлый раз, когда Даниэлю было шестнадцать, его заметили в торговом центре — он решил подзаработать и раздавал там флаеры. Широко улыбался, охотно провожал людей ко входу в кафе и вообще старался быть максимально милым — очень хотелось личных денег. Не то, чтобы родители давали ему мало карманных расходов — тетя так вообще неприлично баловала — но собственные деньги казались значимым достижением на фоне посредственности его жизни.

Кроме того, что от его работы был в восторге хозяин этого кафе, Дан получил еще и визитку корейского агентства талантов КАС. Скаут агентства был достаточно упорен в своем желании уговорить Дана стать айдолом — он пристал к нему и мешал работать, рассказывая о том, какого успеха может достичь Дан в Корее.

Его слова упали на благосклонную почву. Дану тогда осталось учиться год и он не понимал, что будет делать после школы. Профессия отца казалась скучной, а обязанности перенимать бизнес не было — Мэри нравилась юриспруденция, она жаждала поскорее закончить образование и начать работать с папой.

Прибавить к этому тот факт, что из-за постоянных проблем с общением Дан чувствовал себя неуверенно. В новой школе над ним не насмехались, но его постоянно преследовало ощущение, что люди смеются за его спиной. А еще он четко ощущал — его друзья его совсем не ценили. Они брали его с собой «за компанию», но сам по себе он был мало кому интересен. Слова скаута о том, что где-то на земле есть место, где ему позволят стать популярным и успешным, казались какой-то сказкой.

Дан на самом деле очень хотел стать звездой, чтобы все, кто презирал его в школе, пожалели о своем поведении. Спойлер — никто не пожалел, только писали сообщения в духе «ну мы же дружили в школе, пришли автограф и пару тысяч долларов».

Дану было сложно уговорить родителей на подобную авантюру, ему было очень сложно в Корее, ведь он не знал языка, ему было тяжело дебютировать, а еще сложнее было долгие годы жить с ощущением своей никчемности.

Все дело в том, что он стал трейни, имея весьма посредственные навыки. Он не умел нормально петь, он не занимался танцами, он не умел вести себя на сцене. Все, что у него было — это редкий по красоте баритон и невероятно привлекательная для азиатов внешность. Красивых парней традиционно учили танцевать. С Даном поступили так же. В свою бытность трейни он занимался танцами иногда по восемь-девять часов в день, в то время как уроки вокала и репа давали хорошо если раз в неделю. Он дебютировал, потому что группе нужны были вижуалы, но в течении двух лет ему давали всего по несколько строчек и редко позволяли петь их вживую.

Все его строки становились вирусными — это заслуга голоса. Его внешность часто признавалась одной из самой выдающихся на к-поп сцене. Он хорошо справлялся с танцами, хотя так ни разу и не стал центром во время дэнс-брейка [*знакомство с к-поп заморочками номер один]). В песнях традиционно есть небольшой кусочек только с музыкой, когда все танцуют чуть более сложную хореографию, чем во время исполнения куплетов и припева. Вот этот кусочек называется дэнс-брейком. Участники группы обычно выстраиваются в некоторое построение, в центре которого оказывается самый лучший танцор группы. Так как

хороших танцоров может быть несколько, то позиция центра дэнс-брэйка может меняться в зависимости от трека. Но не всегда, разумеется. При этом позиция центра для танцоров является важной скорее для галочки в несуществующем резюме, на деле эти пятнадцать секунд мало что решают.*]. Но при этом агентство постоянно напоминало Дану, что он не умеет петь, что он недостаточно хорошо танцует и что нравится поклонникам только благодаря определенному образу. Образу милому парня с несколько детским поведением.

И он верил этому. Долго верил. Ему потребовалось попасть в больницу, пролежать там почти месяц, лечиться от депрессии и постоянно работать с психотерапевтом, чтобы понять, что не просто так скаут корейского агентства развлечений ходил за ним по пятам в торговом центре — он был выдающимся уже тогда. Просто человеком с низкой самооценкой проще управлять, поэтому они не позволяли Дану почувствовать, на что он способен.

Но, когда он это осознал, было уже поздно устраивать кардинальные перемены. Он долго избавлялся от образа «большого ребенка», потому что опасался, что резкие перемены вызовут слишком сильный гнев фанатов. Ему плохо давалось пение — тяжело научиться этому после двадцати, особенно когда нет времени на регулярные занятия. С рэпом было лучше — он неплохо справлялся. Его популярность стала причиной некоторых споров в группе, но центром его так и не признали, а на личное продвижение соглашались со скрипом, объясняя это фокусом на групповой активности. Во всех этих боевых действиях Дан многое упускал, многое не замечал, в итоге даже не понял, как его лучшие друзья могли пережить подобное, а он и не заметил. После Дан винил себя. Знал, что это глупое чувство вины — он не мог ничего сделать — но продолжал думать о том, что будь он чуточку внимательнее к своим друзьям...

Если он все же вернется в Корею и к-поп, он должен как минимум попытаться не допустить повторения этих событий. И первый пункт — заняться своим образованием до того, как за него это попробует решить агентство. И начать с вокала. Вообще, все ожидали от него возвращения к фортепиано — все же столько наград брал — но Дан, прозанимавшись на факультативе пару недель, отчетливо понял — это больше не его, ему скучно и на соревнования он уже ездить не будет.

Однажды, пока они в классе ожидали их преподавателя вокала, Дан задумчиво перебирал клавиши учительского рояля, играя на память некоторые классические мелодии. Многие собрались рядом с ним, наблюдая за игрой.

— Ты ведь понимаешь, что любой пианист за твои руки душу дьяволу продаст? — весело спросил один из его одноклассников.

Микки, хоть и занимался вокалом, был скорее пианистом. Они пересекались раньше, еще до этой школы — на конкурсе. Дан тогда выиграл, Микки занял третье место.

— Руки? — не сразу понял Дан.

Он прекратил играть, а Микки сел с ним рядом и положил на клавиши свою ладонь, предлагая сравнить. Пальцы у Дана и правда длинные — тонкие, с явными суставами, они «достались» в наследство от бабушки по маминой линии. Но вообще, Микки имел ввиду скорее не длину, а гибкость. Дан никогда специально не работал над этим, но его пальцы могли действовать отдельно друг от друга, что смотрелось даже немного жутковато, но позволяло быстрее разучивать мелодии и быстрее играть, потому что его пальцы могли работать отдельно друг от друга. За «паучьи» ладони его тоже дразнили. А вот здесь, среди людей, которые желают играть на пианино, эти же ладони стали предметом восхищения. Вообще, длинные гибкие пальцы стали причиной того, что Дана проверяли на генетические

заболевания. Ничего не нашли: его гибкие суставы оказались просто гибкими суставами, без мутации генов и риска возрастных осложнений.

— Это генетика, — пожал плечами Дан.

— И ты прекратил заниматься фортепиано, хотя у тебя для этого есть все генетические показатели — и слух, потрясающие руки, — вздохнул Микки.

— Еще у меня ноги выгибаются... в смысле — строение тела подходит для балета. Мне разорваться на два фронта? — улыбнулся Дан.

Микки недовольно цокнул. Он начал наигрывать одну простенькую мелодию — на ней учили играть в четыре руки. Дан улыбнулся и подключился. Зря Микки жалуется — нормальные у него руки. Обычные. И он прекрасно все успевает играть без всяких супергибких пальцев.

А вот у Дана проблемы с вокалом. Они были и раньше — несмотря на частные занятия в бытность успешного айдола, Дану все никак не удавалось запеть так, как хотел он сам. Уловить правильное состояние не получалось, из-за чего вокал оставался нестабильным, он часто пел невпопад, срывал высокие ноты. Он надеялся, что более ранний возраст и большее количество усилий помогут добиться результата, но ко Дню Благодарения он все еще не достиг особого прогресса.

Они справляли День Благодарения. Не с тем посылом, что большинство американцев, но все же родители считали, что это праздник скорее семейно-государственный, поэтому нет повода от него отказываться. Вместо индейки делали курицу в кисло-сладком соусе, наполняли стол корейскими закусками и приглашали к себе всю американскую родню.

Обычно приходил папин сводный брат. Дядя Джон традиционно приводил на ужин новую девушку и каждый раз клятвенно обещал, что она точно — та самая. Впрочем, так как ему еще не было тридцати, все относились к этому с юмором и никак не показывали девушке, что она в этом доме не первая. Еще приходили мамы младшие сиблинги — тетя Рэйчел и дядя Роберт были двойняшками, но друг с другом постоянно ссорились, вопреки всем утверждениям про связь близнецов. Оба — с супругами, и последние несколько лет еще и с детьми. Все кузены Дана были ровесниками Летти и Венди, так что он с ними мал общался — сказывалась разница в возрасте.

Его сестра Марианна старше его на два года. Они неплохо ладили, прекрасно общались, пусть закадычными друзьями никогда и не были из-за разницы в характерах. Но еще у них были младшие — Дан старше их на восемь лет. Родители хотели еще одного ребенка, а нечаянно получилось два — Вайолет и Лаванда. Двойняшки — разные внешне и по характеру, но они та еще криминальная банда. Дан даже иногда завидовал их дружбе — с годами она не ослабла и девчонки всегда стояли друг за друга горой.

Но этот день благодарения отличался тем, что утром он пошел к БигБи — доедать более традиционную индейку без кучи острых специй. Мама, разумеется, надавала ему с собой лоточков с закусками — всего по чуть-чуть, ведь кимчхи присылала бабуля из Кореи и эти закуски людей не щадили.

— Осторожнее, — предупредил Дан, выставляя угощения на столе. — Лучше приготовьте стакан с водой.

— Так остро? — удивлялась миссис Пирс.

— Ну, это бабуля делает, доставка выходит дороже содержимого, — улыбнулся Дан. — Нам нравится, но мама, например, выросла в США и практически ничего из этого не ест — говорит, что невозможно остро.

Мистер Пирс уверенно подцепил вилкой большой такой кусок капусты и заявил:

— Я люблю острое!

Под внимательными взглядами всей семьи отправил кусок в рот, немного пожевал, а потом выпучил глаза, быстро проглотил и практически побежал к графину с водой под смех всех домашних. Впрочем, остаток дня он все равно подьедал острые закуски, просто теперь брал по чуть-чуть и заедал чем-то менее острым.

— Слышала, у тебя не получается с вокалом, — задумчиво заговорила миссис Пирс.

Дан стыдливо кивнул:

— Такое ощущение, что я не могу что-то уловить...

Она улыбнулась:

— Ну, во-первых, ты начал учиться примерно в то время, когда начал меняться голос. Уже звучишь низко, а будешь наверняка еще ниже.

— Почему вы так считаете? — удивился Дан.

Ему потом часто говорили, что его голос ему не подходит — он выглядит мило и даже немного женственно, в то время как его голос является чем-то из области озвучки порно-асмр для одиноких дам. Даже родители не ожидали, что у него будет настолько низкий голос.

— Просто знаю. Я могу попробовать научить тебя петь, — внезапно заявила миссис Пирс. — Не смотри, что я сейчас этим не занимаюсь, у меня образование преподавателя вокала, просто так сложилась моя жизнь, что я решила выступать, а не учить.

Дан удивленно хлопал глазами — заявление и правда неожиданное. Миссис Пирс посчитала, что его беспокоит что-то кроме удивления, поэтому продолжила:

— Бесплатно, разумеется. Мы очень благодарны тебе за нашего Брэндона. Его часто избегали, но благодаря тебе у него теперь есть друзья и он по-настоящему счастлив. Я бы хотела что-то сделать и для тебя.

Дан вздохнул: не только его родители переживали, что их сын не вписывается... Получается, у мистера и миссис Пирс были те же опасения в отношении своего сына. Поэтому Дан улыбнулся в ответ:

— Не стоило, конечно, но я соглашусь... просто... Брэндон ведь рассказывал, почему я перевелся в эту школу?

Миссис Пирс улыбнулась:

— Да. По той же причине, что и Брэндон когда-то. И ему было гораздо комфортнее в этой школе, чем в муниципальной, но он проучился несколько лет и часто жаловался, что вроде все неплохо, но ему даже некого пригласить домой. А теперь есть.

Дан нерешительно улыбнулся. В некотором роде они действительно нашли друг друга. Медлительность БигБи — то, что казалось странным, но к чему достаточно быстро привыкаешь. Но Дану с ним было особенно комфортно из-за какой-то взрослой основательности. С ровесниками ему бывало сложно из-за этой разницы в фактическом возрасте, он нередко ловил себя на желании по-стариковски на них ворчать. С БигБи такого почти не было. Он медленно думал, но зато поступал совсем как взрослый. Со своими тараканами, конечно, но взрослый.

Глава 4

Вокалист

Удивительно, но с помощью миссис Пирс его занятия внезапно дали плоды. Внезапно — потому что это получилось быстрее, чем он ожидал. Видимо, все это время ему просто не хватало персонального подхода. Миссис Пирс давала множество странноватых упражнений, которые тренировали скорее умение чувствовать связки. Причем они постоянно пробовали новое, чтобы найти способ, который подойдет именно ему. Как только Дан понял на практике, как это работает, он стал учиться просто с бешеной скоростью. Высокие ноты все еще срывались, но он понимал, что с этим делать и тренировался для лучших результатов.

При этом миссис Пирс не переставала его поддерживать в какой-то непередаваемой атмосфере афроамериканского церковного хора — она постоянно его хвалила, говорила, что все у него получится, просто нужно пробовать решить проблему разными способами. Возможно ее непоколебимая уверенность и помогла Дану самому поверить в то, что его проблемы с вокалом не являются крестом на его умении профессионально петь.

Проблема Дана, скорее всего, была как раз в том перерыве в уроках сольфеджио, который у него был после того, как он бросил уроки игры на фортепиано — они же шли в комплекте. В детстве не было ни намека на то, что у него будет низкий голос — он говорил как все дети, высоко и звонко. И петь учился так же, причем, кажется, искусственно завышал свой голос, чтобы проще было брать высокие ноты. Сначала его дурную привычку не заметили педагоги — ничего удивительно, ведь в классах всегда много детей. Потом он вообще перестал петь ровно в тот момент, когда начал ломаться голос. Вернувшись к занятиям во взрослом возрасте, он постоянно слышал от преподавателей, что он искусственно завышает голос, что так не правильно и именно поэтому у него не получается. Миссис Пирс смогла понять причину проблемы и они вместе нашли его комфортное звучание.

Уже через месяц он перестал ходить на ее занятия. Просто иногда они на три голоса горланили песни афроамериканских джазовых певцов на кухне семьи Пирс, и она же впоследствии помогала Дану освоить некоторые техники, которые не получались во время занятий с классом.

В школе его хвалили. Из отстающего в своей группе он стал юным дарованием — широкий диапазон и хороший слух у него были всегда, просто он категорически не умел этим пользоваться. Научившись, он так искренне кайфовал от всех заданий, что, казалось, мог тренироваться сутками.

Больше всего это походило на езду на велосипеде. Когда-то он тоже долго не мог понять, как держать равновесие и поэтому постоянно падал. Но поняв основной принцип, он потратил все лето, таская велик в парк и катаясь, катаясь, катаясь. Так и сейчас — он пел, пел и пел. С утра в душе, пока одевался, пока помогал маме с готовкой или уборкой, напевал во время танцев, пел вечерами просто потому что ему хочется петь. Вся семья вынужденно смирилась с тем, что Дан горланит песни 24/7. Папа в шутку на Рождество подарил всем по набору беруш — это, разумеется, не было основным подарком.

В первый год обучения его еще не ставили на главные вокальные позиции — голос ломался. Но уже к первому выпускному балу его баритон звучал достаточно стабильно и все

пророчили ему главные партии в школьных постановках и отчетных концертах. Для Дана это было действительно приятным достижением — казалось, что задуманное начинает получаться.

Вообще, в новой школе у него было мало свободного времени. Он набрал много внеклассных занятий, в том числе с друзьями ходили на вечерние репетиции танцевального клуба. Все еще старался поддерживать высокий средний балл, много занимался вокалом. Выходные у него постоянно были заняты. Они с парнями часто вместе ходили куда-то. Иногда на баскетбольные матчи — мистер Пирс помогал достать хорошие билеты на все домашние матчи Нью-Йорк Никс, потому что работал спортивным агентом. Иногда ходили в театры Бродвея, крупные выставки и всякие танцевальные конкурсы. Жизнь в Нью-Йорке щедра на развлечения и они вчетвером в одном идеально подходили друг другу — очень любили находиться в движении, получая настоящее удовольствие от активных выходных.

Даниэлю казалось, что прежде он упускал огромный пласт жизни. Именно культурный пласт. Он и в своей прошлой школе много чем занимался после уроков — плаванием и баскетболом, немного рисовал, много играл в компьютерные игры, ходил с друзьями на все вечеринки, куда его звали. Но все это было сосредоточено в их небольшом пригороде. Оставшись в Нью-Йорке Дан для себя открыл мир искусства и культуры в самом современном его проявлении.

Одни выходные они ходили на балет — миссис Пирс достала им билеты. Потом среди недели по вечеру посещали соревнования «уличных» танцев. Бывали на концертах хип-хоп исполнителей, а потом на бродвейских постановках. Устраивали себе домашний вечер классического кино, а потом ходили в кинотеатр на очередной супергеройский фильм.

В его школе искусств во главу системы обучения ставили тот факт, что все современное, насколько бы маркетинговым и ярким оно не было, берет свое начало из прошлого. И, если ты хочешь преуспеть в создании нового, лучше бы знать, что уже было изобретено до тебя. В окружении ровесников, которые с одинаковым рвением обсуждали фильм про Железного Человека и книги Фицджеральда, было сложно не заразиться этой атмосферой. Дан начал понимать, почему выпускники этой школы редко становятся артистами, но очень часто — креативными директорами, рекламщиками и сонграйтерами [*англицизм, но зато он объединяет и текст, и музыку, что сейчас нередко делает один и тот же человек. То есть сонграйтер — это человек, который пишет песни.*].

По сути, их готовили к творческим профессиям, которые не всегда воспринимались именно как творческие. Больше всего среди выпускников школы было маркетологов, креативных директоров, а еще дизайнеров и сценаристов. Сильная творческая база позволяла видеть мир искусства как карту бесконечных отсылок, где в сюжете современных фильмов угадывались как древнегреческие мифы, так и упоминания попсового сериала пятидесятых годов. Дану нравилась эта атмосфера, он с удовольствием погружался в мир образованного творческого человека.

Дан уже к концу года знал, какие курсы он возьмет в следующем году. Были у них основы, где объясняли принципы написания музыки и стихов. Например — композиторские курсы, в ходе которых учили работать как с партитурой, так и с современными программами микширования треков, но при этом честно предупреждали, что чуда не будет: они дают знание инструментов, а не чутье. Но Дан хотел знать хотя бы это.

В прошлой его жизни их группа сама писала свои песни. В основном, конечно, это была работа Вика — он создавал музыку, он почти полностью писал слова, лишь частично

обращаясь к Инсону и Чхансу для корейских текстов. Те тоже писали, но главными треками всегда становились работы Вика.

Дана иногда звали для работы над английским текстом — все же он знал этот язык лучше Вика. Было даже несколько лирических мелодий, где текст написал полностью сам. Причем Дан и до отъезда в Корею писал стихи, но они были не только ужасны, но еще и очень депрессивны. Как, впрочем, и его песни — они все были про расставания.

Если так подумать, то как раз его сольные треки не только набирали больше всего стримов, но и всегда имели высокую оценку у немногочисленных критиков к-поп музыки. В агентстве обычно говорили, что повезло, или что его фанбаза обеспечивает высокие показатели. Но на деле у Дана было несколько умений, которые позволяли ему «угадывать» как должна звучать песня, чтобы она понравилась большинству.

В прошлом, проводя много времени в интернете, он поглощал информацию из разных сфер, что позволяло ему очень чутко улавливать модные течения. Из-за этого он всегда безошибочно определял, какая песня в альбоме может стать по-настоящему популярной. И это всегда сбывалось.

Кроме того, у него действительно хороший музыкальный слух и умение понимать гармонию на каком-то интуитивном уровне. Вот есть люди, которым цифры кажутся чем-то максимально простым, но Дана же было удивлением осознать, что люди не слышат так, как он. Что не распознают, когда ноты звучат как-то не так. Возможно, это связано с тем, что он какое-то время занимался фортепиано профессионально, где умение распознавать фальшь является важным навыком. А может это тоже генетика — в его семье все прекрасно воспринимали информацию на слух и были очень хороши в иностранных языках, что тоже косвенно связано с умением слышать.

Дану казалось, что он сможет писать и музыку, и тексты, если поймет основной принцип. Но ему нужен какой-то... фундаментальный способ, а не то, как это делали Вик и парни. Музыка они создавали из семплов, собирая трек начиная с битов как какую-то мозаику. Тексты писали с позиции рэперов — выражая экспрессию и полагаясь больше на ритм, чем на рифму. Для Дана, с его слухом и почти классическим музыкальным образованием — пусть и не законченным — это было некомфортно. Он свои песни начинал создавать со стихов, а не битов. Потом стихи накладывал на мелодию в голове, потом пытался сыграть это на фортепиано. Проще говоря, он все делал ровно наоборот — не так, как парни, которые мелодичность добавляли в последнюю очередь.

И сейчас у него есть возможность научиться этому. Как минимум попробовать научиться.

Глава 5

История семьи

Как и положено у эмигрантов, семью Хан сделал успешной один талантливый и упорный человек. Дедушка Даниэля — Джисон, или по-английски — Джексон.

Он переехал в США вместе с родителями, когда был подростком. Они, в целом, даже неплохо устроились. Прадед Даниэля легко получил должность управляющего в небольшом цеху, где работали молодые эмигранты, а бабушка, будучи женщиной достаточно напористой, умудрилась ворваться в кабинет местного кутюрье, который делал свадебные платья для богатых женщин, и показала свои навыки вышивки. Несмотря на то, что женский труд оплачивался в те годы не особо высоко, за такие навыки платили прилично и прабабушка Даниэля словно задала семье Хан моду на своевольных и уверенных в себе женщин.

Нормальный заработок родителей позволил Джексону хорошо закончить школу и поступить в университет. Закончил он его с дипломом переводчика, владея на достаточно высоком уровне сразу четырьмя языками — английским, корейским, китайским и испанским. Вместе со своим знакомым, тоже сыном эмигрантов, просто из Европы, они на двоих открыли маленькую юридическую фирму, где помогали платежеспособным эмигрантам уладить дела в США. Чаще всего помощь касалась маленького бизнеса.

Постепенно фирма росла, набирали новых сотрудников и практически любой более-менее обеспеченный кореец или китаец, приезжая в Нью-Йорк, шел к ним за юридическими консультациями. И большая часть этих людей оставались с ними даже когда обустроивались в стране и начинали свободно говорить по-английски. Многие из этих фирм становились весьма успешны, что сказывалось и на доходах соучредителей юридической фирмы. К тридцати трем годам Джексон Хан был достаточно обеспеченным человеком.

Но при всем невероятном для цветного эмигранта успехе, его родители — прадедушка и прабабушка Дана — старательно капали сыну на мозги, что работа-работой, а жениться уже пора. И непременно на кореянке. На то, чтобы как-то завлечь американку нужной национальности, у деда не было времени — это же нужно долго ухаживать, потому что местные девушки уже знают себе цену. И он поехал в Сеул, где обратился в брачное агентство. Тогда его познакомили с бабушкой. Она была моложе его на тринадцать лет, не говорила по-английски, но очень хотела замуж за обеспеченного и красивого мужчину — дед ей подходил. Через полгода переписки они поженились, бабушка переехала в США, через год после свадьбы родила папу, а еще через год — его младшую сестру, Лили. Или Нары, на корейский лад. Но за все это время бабуля едва научилась покупать продукты на английском.

Ей не нравилась страна, не нравились нравы, не нравилось полное отсутствие почтительности, не нравился шумный Нью-Йорк. А деду не нравилось, что его дети мало говорят по-английски, потому что дома принято общаться на корейском. В общем, папа первым отправился в школу с пансионом, через год такая же судьба постигла тетю, а еще через год бабуля решила, что в США она нужна только на каникулах и умотала обратно в Корею. Дед, к слову, к этому капризу жены поначалу отнесся по-джентельменски — купил ей небольшой домик в пригороде Сеула, высылал деньги на проживание и оплачивал ее перелеты: она бывала в США на Рождество и летние каникулы.

Но годы шли, дети становились старше, бабуля начала ездить еще реже... они начали ссориться, а потом дед и вовсе завел любовницу — вдову, у которой уже были дети. Так получился дядя Джонатан: незаконнорожденный ребенок, которого старательно баловали все его старшие братья и сестры, потому что он им годился в ранние дети.

Появление ребенка на стороне очень огорчило бабулю... и она вообще перестала приезжать в США. Она всегда хорошо готовила, стала готовить кимчи и разные маринованные овощи сначала для некоторых знакомых, потом — в ресторан высокой кухни, а со временем начала преподавать традиционные рецепты молодым девушкам, которые хотели этому научиться.

В ссоре родителей тетя Нари больше сочувствовала маме, которой ей особенно не хватало. И после школы, вместо того, чтобы поступить в колледж, тетя уехала в Сеул, поступила там в университет, а после и начала работать. При этом в профессии она пошла по стопам отца — тетя Нари работает переводчиком. Она тоже полиглот — знает и японский, и испанский, но при этом работает преимущественно как специалист по англо-корейскому направлению. Дан иногда видит тетю в новостях — многие государственные встречи переводит именно она.

В отличие от младшей сестры, папа Дана остался в США, получил профессию, женился на американской кореянке, которая по-французски говорит лучше, чем на родном языке. Как итог — дома не говорили по-корейски, разговоры с бабулей часто переводил папа или тетя, потому что ни Дан, ни Мэри, ни уж тем более младшие, не изучали родной язык. Это после Дан его выучил за полгода, потому что решил стать айдолом.

Тетя Нари была его крестной — вся их семья формально является католиками. Тетушка его балует и даже не пытается сделать вид, что у нее нет любимчика. Она дарит ему дорогие подарки, вечно подкидывает денег на карманные расходы и поддерживает в большинстве авантюр. Именно она помогла ему освоиться в Корее в прошлый раз — если бы ее и бабули там не было, родители гарантированно бы не позволили Дану становиться трейни в другой стране.

Раз в год-два Мэри с Даном летали в Корею в гости к тете и бабушке. Мама называла это «гастрономическим туром», потому что они очень любили острую корейскую кухню, с удовольствием уплетали рисовые сладости и даже считали вкусной бобовую пасту, которую мама не переносила категорически. В целом, их знание родной культуры во многом едой и ограничивалось. Тетя пыталась привить им какие-то историко-культурные знания, но они сопротивлялись, бабуля пыталась научить корейскому, но они хорошо знали только названия блюд. В общем, они долгое время были нагловатыми американскими внуками. Но не в этот раз. Этим летом Дан прилетел в Корею, умея говорить по-корейски.

— Ты не мог за один учебный год научиться так бегло говорить по-корейски, — уверенно говорила Мэри, когда они выходили из кафе.

— Но я же говорю, — резонно заметил Дан.

— Только не надо вот того же, что и родители говорят — гены. Никакие гены не позволят так уверенно орать на официанта, когда весь учебный год ты учился петь и танцевать. Я тебя вообще за домашкой по корейскому не видела! Чтобы выучить язык, недостаточно родиться в семье с талантом к его изучению, — бурчала Мэри.

— Спал со словарем под подушкой, — веселился Дан. — Включал на ночь к-поп в наушниках... на самом деле, мы с БигБи общаемся между собой на корейском, знала?

Мэри сердито толкнула его в плечо. Хотя последнее было частичной правдой. Дан не

имел ни малейшего понятия, почему афроамериканец в частной школе выбирает в качестве иностранного именно корейский язык, но БигБи вместе с Даном ходил в группу для тех, кто уже разговаривает по-корейски, а не только начал его изучать. При устройстве в школу Дан сказал, что немного знает язык потому что говорит с тетей. Дома свои знания объяснил хорошим учителем. И только Мэри все пристала с требованием объяснить происходящее... как будто он может.

— Ты это сделал мне назло, — буркнула Мэри. — Теперь на твоём фоне я выгляжу невежей и хамкой. Ещё и кланяется по-особенному... позер.

— Хочешь научу? — весело спросил Дан.

— Говорить?

— Нет, кланяться. Для изучения языка придется записаться на нормальные курсы.

Мэри хитро посмотрела на него и ехидно уточнила:

— А как же словарь под подушкой и к-поп в наушниках? Генетика?

— Может у тебя мамина генетика? Она по-корейски хорошо умеет только материться.

Мэри засмеялась, соглашаясь. Но сомнительно, на самом деле, что их мама не могла выучить корейский. Скорее — просто не хотела. Она была занята изучением английской литературы разных лет.

— Ты вообще какой-то странный последний год, — внезапно сказала Мэри.

Они вдвоем зашли в один из местных классических магазинов и Дан купил им лед и кофе в пакетиках. Они уселись на высокие барные стулья и неспешно смешивали себе напиток. [*В Корее большая часть небольших, городских супермаркетов снабжены специальными местами для того, чтобы съесть то, что вы купили. В понятие «специальных мест» входят не только столики, но и термос с кипятком и микроволновка. В самих магазинах продают не только заварную лапшу, но и целые наборы из нескольких блюд, которые можно съесть, просто открыв упаковку. То же касается и напитков. В Корее очень любят напитки со льдом и купить их можно в супермаркетах. Отдельно продается пластиковый стаканчик с готовым льдом, отдельно — пакет с напитком. Это может быть сок, кофе, коктейль. Пакет переливают в стакан со льдом и можно пить.*]

— Странный? — переспросил Дан.

Они говорили по-английски и на них иногда с любопытством поглядывали.

— Да. В школу новую перевелся, будто с цепи сорвался — стал таким примерным учеником, что мама уже устала тобой хвастаться, — весело добавила Мэри.

В её голосе не было зависти. Скорее — интерес. Дан нерешительно повел плечами. Родители, если и считали его поведение странным, наверняка боялись вопросами «спугнуть» его настрой. А вот сестра о подобном не переживала.

— Не знаю. Сначала подумал, что можно было бы попробовать завести друзей — меня же никто не знает. А потом... там такая атмосфера — все так много делают, что и мне захотелось

— Разве? — уточнила Мэри. — Даже БигБи называет тебя монстром учета. Сколько у тебя классов было и сколько ты планируешь в следующем году?

Дан усмехнулся, признаваясь:

— Я беру все, что влезает в расписание, а остальное добираю кружками, пока время окончательно не закончится... театральный не влезает. Эх, не сыграть мне Ромео.

— Азиатский Ромео? — скептически уточнила Мэри.

— Ну в этом году была же чернокожая Джульетта, — пожал плечами Дан. — Это

школьная постановка, на главные роли берут лучших, а не тех, кто подходит внешне.

Мэри уже потягивала свой айс-американо с ореховым вкусом, но продолжала пристально смотреть на Дана.

— Но с тобой же все в порядке? — внезапно спросила она.

— В смысле? — удивился Дан. — Что со мной не так?

Та пожала плечами:

— Просто... вот тебя травят в школе, ты долго лечишься, мы планировали переезжать, а потом ты... просто будто решил чего-то добиться и поэтому много работаешь. Вот и спрашиваю — с тобой все в порядке? Не слишком ли ты... много на себя берешь?

Дан глупо заморгал. Он и не думал, что сестра может обратить внимание на это с подобной стороны. Если так подумать — да, с ним не все в порядке, раз он решил снова залезть в корейский шоу-бизнес, потому что хочет спасти несколько хороших людей и отомстить нескольким нехорошим людям. Но это не та проблема, о которой он может рассказать.

— Все хорошо. Просто решил брать от жизни все, — улыбнулся он.

Мэри, хоть и кивнула, продолжила сверлить его пристальным взглядом. Явно не поверила.

Беспокойство сестры по-своему согревало. То, что в свою бытность айдолом он вынужденно отдалился от семьи, его всегда волновало. Вот только для родителей расстояние и занятость не сказывались на их отношении. А вот с Мэри он со временем общался все меньше и меньше, что огорчало. Когда они были совсем малышами, они были не разлей вода, но с каждым годом словно все сильнее отдалялись друг от друга.

Она так и продолжала его подкалывать, называя подхалимом. Бабуля явно объявила Дана любимым внуком и своей предвзятости не скрывала. Когда он поболтал со многими ее соседками, вообще стал образцом внука. Compliments о внешности теперь сыпались на него, как из рога изобилия — все тетушки в округе желали сказать Дану, каким красавчиком он растет.

Он был высоким для своей семьи даже в свои четырнадцать — успел вымахать до метр семидесяти. И до семнадцати прибавит еще тринадцать сантиметров, а к двадцати рост остановится на невероятной для его семьи отметки в метр восемьдесят пять. Все в его семье были ниже. Даже папа. Так как рост в Корее являлся важной составляющей красоты, ему уже сейчас желали продолжать так же хорошо расти.

Вообще все, за что насмеялись в прошлой школе, в среде бабулиных подружек было предметом восхищения. Маленький нос, пухлые губы, большие глаза. То, что он похож на азиатского пупса, было предметом подколов в США и ставилось на пьедестал совершенства в Корее. Уже к шестнадцати спадают щеки, прорисовывая нехарактерные для азиатского типа лица высокие скулы, отчего его постоянно называли ненастоящим. Говорили, что он — будто герой манхвы [*Комикс/манга в корейском стиле. Он немного отличается внешне от японских. Лица узкие, с более реалистичными пропорциями, черты ближе к азиатским. Впрочем, и в японской манге встречается такая рисовка, но для манхвы она более характерна.*].

Когда в своей прошлой жизни Дан ездил к бабуле в Корею в свои четырнадцать, он не знал корейский и не понимал восхищения окружающих, поэтому так и вернулся в американскую школу, абсолютно уверенный, что он — урод. Это потом он понял, что мнение о прекрасном может меняться в зависимости от страны. Знал бы он заранее,

возможно, у него было бы меньше комплексов.

Глава 6

Английская поэзия

В этот раз в Корее он не только ел. Посетил с Мэри некоторые достопримечательности, пофоткались в традиционной одежде и побывали на концерте традиционной музыки. Еще он закупились косметикой, вещами и даже книгами. Все это предстояло отправлять в США посылкой, но бабуля была так рада тому, что внук интересуется родной страной, что была готова даже за перегруз в самолете заплатить. Мэри на эти хороводы вокруг брата цокала и весело жаловалась маме, что у них тут новая религия — Даниэльство. Оно и раньше процветало из-за тети, а теперь в дело вступила и бабуля, получив наконец возможность говорить с внуком на родном языке.

Бабушка у него была из небогатой, но очень традиционной семьи. Католичество она приняла, но в церкви была четыре раза — на своем крещении, на своей свадьбе и на крещении своих детей. В то время, когда она уезжала из Кореи, она еще свято верила, что жена должна во всем слушаться мужа. Дедушка научил ее быть смелой и свободной — он юную супругу не ограничивал и даже надеялся, что она выучит язык и поступит в колледж... да, судя по рассказам, дедуля к супруге относился самую малость как к ребенку. Тринадцать лет разницы, что поделать. Удивительно, что он вообще на ней женился.

Бабуля прекрасно готовила. А еще она хорошо пела, умела танцевать народные танцы, но главное — была идеальной домохозяйкой. Умела делать по дому, кажется, все. Их было три дочери в семье, каждая старалась стать идеальной невесткой, чтобы не остаться в старых девах.

Что по-своему поражало, несмотря на всю ее драму в браке, она всегда очень хорошо отзывалась о дедушке. Он умер, когда Даниэлю не было и года, поэтому как раз из рассказов бабули-долгожительницы (судя по всему, она пережила и Дана в прошлой жизни) он узнавал о дедушке. Вроде между ними столько всего было — огромная разница в возрасте, разница менталитетов, взглядов на жизнь, они не сошлись в стремлениях и целях, после рождения детей по сути и не жили вместе, потом была измена деда... но она все равно рассказывала о нем с теплотой и уважением. А еще говорила, что Дан на него похож, только выше. Это было частично правдой. У него были такие же глаза, форма носа и даже губ, но другой овал лица и общая «тонкость» скелета сильно меняли ощущения от внешнего вида. Пожалуй, Дан был похож на офтофо пленную фотографию дедушки — будто его внешность подправили под современными стандартами.

Но спорить об этом Дан не хотел. Похож так похож.

Здесь же, вдали от шумного Нью-Йорка, Даниэль впервые начал писать песни. Разобрался немного с программами, купил себе совсем портативный вариант синтезатора — когда клавишные можно свернуть в рулон, потому что они сделаны из специального силиконового материала. Звук такие клавиши, разумеется, сами не давали — только через компьютер, но это все равно ему было удобнее, чем прописывать все вручную.

Но больше всего ему не хватало каких-то фундаментальных знаний. Пока что у него выходило только что-то простое, ровное и незамысловатое. Но его новые вокальные возможности буквально требовали, чтобы в песне можно было показать все, на что он способен.

То же самое со стихами. И, если в плане музыки научить его могли только в школе, то

с поэзией был учитель поближе. Мама.

Она профессор литературы и поэзия — ее главная страсть. У них все полки в доме заставлены сборниками стихов, она читает лекции по этой теме. И хотя сама она стихов не пишет, она нередко говорила и Дану в том числе, что поэзия — то же мастерство. Человек, не имеющий выдающегося таланта, вряд ли напишет Шедевр, но делать что-то достойное и интересное постоянное — это по силам всем, кто более-менее в этом разбирается.

Когда они вернулись домой, Дан вечером нерешительно заглянул в ее кабинет — небольшая комнатка с одним окном, где кроме книжного стеллажа во всю стену и письменного стола влезла только мягкая софа. Мама работала с бумагами, сидя за столом, а с ноутбуком — сидя на этой софе. Само наличие кабинета объяснялось тем, что в университете ей пошли навстречу и позволяли работать из дома, присматривая за детьми, и ей было необходимо место для работы.

Дверь в кабинет редко когда до конца закрывалась, но сейчас Дан стыдливо прикрыл ее за собой. Мама, посмотрев на него поверх своих компьютерных очков, удивленно вздернула брови:

— Что-то случилось?

Дан качнул головой. Вот вроде бы ему на самом деле уже не четырнадцать, но сейчас ему было очень волнительно говорить об этом с мамой. Как бы ты там ни было, но стихи — это что-то личное, особенно когда ты не уверен в их качестве.

Не дождавшись его ответа, мама захлопнула крышку ноутбука и отставила его на стол. После сняла очки и похлопала рядом с собой, предлагая сесть.

— Что не так?

— Все так, — нерешительно улыбнулся Дан. — Просто мне неловко это показывать и просить у тебя помощи... Я... начал писать стихи.

Мама удивленно вздернула брови, но сказать что-то не успела, Дан поспешно продолжил:

— Мне не нравится, что получается. К тому же — я хотел бы, чтобы это стало текстом песен, но получается что-то крайне скучное. Я бы хотел понять, как это делать правильно.

Мама явно удивилась еще больше. Она повернулась к нему всем корпусом и уточнила:

— Хочешь научиться писать стихи?

Дан кивнул:

— Иногда у меня возникают какие-то строчки, я их записываю, но... хотелось бы, чтобы там было не пару удачных строчек, а полноценная лирика.

— Показывай, что там у тебя, — улыбнулась мама, а сама встала с софы.

Дан пролистал блокнот до стихотворения, которое ему более-менее не стыдно показать, а мама в это время нашла какую-то книгу на полке, вытащила ее и вернулась обратно на софу.

— Меняем, — улыбнулась она.

Дан протянул ей блокнот, а она ему — книгу. Сборник поэзии. Увесистый том. Дан пролистал его — стихи написаны достаточно мелким шрифтом. Сколько их тут? Тысячи?

Еще не начиная читать то, что он ей дал, мама пояснила:

— Любое мастерство строится на тренировках и наблюдении. В случае с поэзией — нужно больше читать стихи. Ты же сам рассказывал, что в вашей школе постоянно говорят, как важно знать основы? Вот, это твои основы. Не нужно читать всю книгу целиком. Так, пару стихов в день. Отмечай те, что тебе понравились, пытайся понять, почему они

показались тебе хорошими. Если особенно понравится какой-то автор — скажи, возьмешь его индивидуальный сборник.

Дан кивнул. И что ему это раньше в голову не пришло? Мама между тем углубилась в чтение. Она чуть прикусила губу и иногда слегка улыбалась. Стихотворение не было написано из-за каких-то событий в жизни Дана. Он боялся, что за подобные строчки его точно заподозрят в сумасшествии — там слишком уж недетские темы. Поэтому вырывал из блокнота все лишнее и оставил только нейтральные пробные темы. Это стихотворение вообще было вдохновлено просмотром фильма.

— Вообще, это неплохо, — похвалила мама.

— Ты говоришь это как литератор, или как родитель? — уточнил Дан.

Она улыбнулась:

— Одновременно. Я же не сказала, что это хорошо. У тебя неплохо получается, ты умеешь управлять словами, но не ритмом, из-за чего стихотворение и кажется пресноватым. Это как... как однотипная мелодия. Простая рифма, все ровно и одинаково. Тут дело не в том, что это какие-то ошибки. Дэни, это просто нехватка опыта. Если хочешь — можешь выбирать стихи, которые тебе понравились, и мы будем с тобой вместе их обсуждать... в принципе, тексты некоторых песен тоже можешь приносить, только где лирика зацепила, а не мелодия.

Дан тоже улыбнулся ей в ответ. Мама положила его блокнот поверх своего сборника и чуть приобняла за плечи. И начала выспрашивать неловкую информацию, которая всегда так важна родителям — давно ли пишет, планирует ли заниматься этим серьезно и все в этом роде. Но все же ее внимание и забота, пусть и немного смущали, скорее радовали. Хотя в свои настоящие четырнадцать он бы уже сбежал от ее обнимашек. Не то, чтобы ему сейчас так уж нравилось терпеть тисканье в исполнение мамы, но относился он к этому философски: ей надо, она заслужила. Возможно, будь у него дети, он бы тоже хотел их затискать.

Глава 7

Немного о прошлом

У Дана были сомнения в том, стоит ли возвращаться в Корею и шоу-бизнес в этот раз. Он мог бы найти себе какое-нибудь другое призвание... танцор, актер... мог бы даже попробовать себя в качестве американского артиста, пусть шансы и малы.

Причин не желать возвращаться у него немало. Обид на агентство у него накопилось предостаточно, и это если не брать в расчет обиду за друзей.

Начать стоит с того, что он приехал в Корею по сути ребенком, которым вряд ли будет в свои нынешние семнадцать. Миленький симпатичный мальчик, которому тут же «вручили» определенный образ. Причем они не сказали напрямую, что он должен так себя вести, они словно дрессировали его методом кнута и пряника, формируя представление, что он популярен только потому что он красив и ведет себя инфантильно. Они навязали ему образ фембоя, несмотря на то, что он мало походил ему по характеру. Воспитанный в семье с тремя сестрами, он нормально относился к уходу за кожей и странным прическам, к тому же не боялся быть смешным, поэтому первоначально все правила поведения казались ему даже веселыми. Немного кривляния, немного актерской игры...

После веселья сменилось на уверенность, что он вне образа не интересен фанатам — агентство старательно внушало ему эту мысль. Через пару лет Дану стало самому от себя противно. Это был редкий случай сексуализации парня, такой гейский вариант идеальной постельной грелки — миленький, глупенький, маленький. Ему даже в спортзал ходить запрещали, а его выдающийся рост нередко старались скрыть, чтобы он выглядел более хрупким. При этом он был обычным пацаном. Да, с широкими взглядами, но все же пацаном — ему нравился спорт, компьютерные игры, он не особо любил сладкое... да и привлекали его однозначно девочки.

Это психологическое давление и неуверенность в себе — ему ведь так старательно внушали, что он без умения петь и быстро читать рэп не может состояться как артист — привели к крупным проблемам с психикой. Впоследствии ему диагностировали депрессию. Впоследствии — это после попытки самоубийства. Тогда в Корею приезжали родители и скрыть все это от фанатов агентству удалось только потому что Дан сам попросил не портить будущее всей группы. Были подписаны дополнительные контракты и Дан получил больше свободы.

Тогда он вернулся на сцену — его отсутствие обставили как травму. Попрошавшись с тесным образом, проходя терапию и начав полноценно ходить в спортзал, Дан начал меняться и внешне, вести себя смелее... становиться еще популярнее, что явно было сюрпризом и для маркетологов агентства. Через пару лет он стал самым популярным участником группы, поэтому и работал больше всех. В суматохе успеха, известности и огромных заработков он несколько упустил из вида важные вещи. Какие-то удалось исправить, а какие-то шокировали Дана настолько, что он больше не мог быть прежним.

У них были хорошие отношения внутри группы. Не сказать, что такие же идеализированные, как они показывали на камеру, но некоторых мемберов он действительно готов был назвать братьями. Ему казалось, что он знает их достаточно хорошо. Но человек, которого он считал лучшим другом, сделал то, что в прошлый раз не успел закончить Дан. Покончил с собой. Это было незадолго до истечения семилетнего

контракта и никто не ожидал от сильного и уверенного в себе парня подобного поступка.

Для Дана эта смерть стала настоящим ударом, но еще большим ударом было понимать, сколько всего он не видел и не замечал вокруг себя. Не только в отношении умершего друга, а вообще. Не осознавал даже то, что не так уж тщательно скрывали.

Дан не стал перезаключать контракт, ушел из агентства. Вот только так, как он, в индустрии еще никто не уходил. Обычно все, кто покидает свое агентство, уходит в маленькие компании или создает собственный бизнес. Но Дан поддался на уговоры знакомых и перешел под крыло настоящего мастодонта этой сферы.

На новом месте, вместе со славой, Дан начал узнавать слишком много вещей, которые предпочел бы не знать. Все больше и больше тайн всплывали наружу, заставляя чувствовать себя глупцом и жертвой. Что его нынешнее агентство саботировало работу его прошлой группы, например, в том числе не позволяли получать некоторые награды.

Все это сейчас становилось для Дана предметом постоянных размышлений: как он может исправить произошедшее? И может ли в принципе он сделать хоть что-то?

Агентства любят деньги. Корейские агентства больше взаимодействуют с поклонниками и любят кормить их сказками про братство, творчество и высокие помыслы. На деле они более циничны, чем многие американские. Деньги, деньги и только деньги — вот что их интересует на самом деле. Они много вкладывают в обучение артистов, делают яркие выступления, но на деле все крупные игроки одержимы идеями сверхприбыли, ради которой урезают расходы на все, что не будет заметно поклонникам. Проживание, качество обучения, менеджмент, охрана — все это делается по минимуму. Одноразовые группы, даже к лучшим артистам отношение нередко как к какому-то механизму. И уважение можно заработать только в том случае, если ты сам контролируешь количество получаемой сверхприбыли.

Проще всего тем, кто сам пишет музыку и тексты. Это самая выгодная сфера, потому что авторские отчисления в эпоху платного стриминга просто колоссальны [*Имеются ввиду гонорары, которые платные стриминговые платформы — Spotify, YouTube, Apple Music и другие — отчисляют правообладателям. Суммы там могут показаться крошечными, но чем больше слушателей — тем больше гонорары. Они могут достигать несколько десятков долларов в месяц*]. Так же много приносят рекламные интеграции, особенно — взаимодействия с люксовыми брендами. В какой-то момент Gucci платили Дану сто пятьдесят тысяч долларов за то, что он появлялся в их одежде в своем инста-аккаунте. И это — просто одно фото, к тому же у него и так был долгосрочный контракт с ними.

Сначала Дан планировал только научиться писать песни. Но через год своей новой жизни задумался и о медийном влиянии. Он — подросток в Нью-Йорке. Его родители достаточно обеспечены, чтобы он мог позволить себе стильно одеваться, к тому же у него достаточно насыщенная для подростка жизнь и он хорошо выглядит. Четырнадцатилетний он, возможно, мало кому будет интересен, но вот в пятнадцать вполне можно завести блог. Начать продвигаться самостоятельно, а не будучи айдолом. Неизвестно, пойдет ли агентство на его условия, если он будет уже популярен, но шансов явно больше, чем если он будет просто симпатичным парнем.

Проблема в том, что Дан мало что знал о правильном ведении соцсетей. Раньше почти все делали менеджеры — они его снимали, они помогали выкладывать в срок, проверяли подписи. Да и то, что он уже известен, давало возможность не заботиться о каких-то важных вещах именно для блогеров. А ведь особенности наверняка есть — иначе все подряд имели

бы по миллиону подписчиков. А это значит, что эту тему ему тоже нужно изучить за год. И налегать на нее нужно не меньше, чем на музыку и лирику, потому что сейчас его познания о ведении соцсетей касались скорее умения показывать личный бренд, чем какие-то технические навыки по управлению страничкой.

Они с мамой обсуждали стихи каждую неделю. Иногда вдвоем, иногда с ними сидел папа или Мэри. Их семейные разговоры давно стали достаточно... снобскими — кажется, с тех пор, как Дан начал ходить в новую школу. Они обсуждали старое кино, театральные постановки, на которые теперь ходили достаточно часто и всей семьей, говорили о музыке, литературе и о том, как строится бизнес. Мэри быстро включилась в эти разговоры — она всегда была умнее его, так что такие разговоры ее воодушевляли больше родительских попыток вызнать, все ли в порядке у них в школе.

И это действительно сказывалось на том, как Дан писал. Мама не объясняла ему фундаментальных вещей — они не разбирали досконально термины и приемы, только проходилась по верхам, не перегружая его сложными словами. Но, разбирая чужие строчки на составляющие, Дан действительно начал лучше понимать, как можно писать.

Начал смотреть ролики с разбором лирики и музыки, слушать разные стили, читать статьи и книги по теме. На Рождество выпросил у родителей гитару и начал потихоньку ее осваивать — Джереми ему помогал с основами, а дальше уже спасал хорошо развитый слух.

Одновременно с этим читал и про социальные сети, после Рождества записался на дополнительный экономический курс по маркетингу и рекламе, вел пробный закрытый аккаунт, чтобы просто немного оценить — сколько времени занимает создание контента. Абсолютно все блогеры, которые рассказывали о ведении соцсетей, подбадривали утверждениями, что с опытом приходит скорость — когда привыкаешь делать фото и писать что-то к ним постоянно, это уже не занимает такое количество времени.

Глава 8

Рок-звезда

Но все же «известность» подкатила, откуда Дан ее не ждал. Несмотря на возраст, который традиционно считается слишком юным для подобной техники, больше всего Дан любил петь немного «с хрипотцой». Учителя иногда и ругали за такое, называя это плохой привычкой, но Дан все же исполнял песни в таком стиле практически всегда, когда это было возможно.

И вот одним прелестным апрельским деньком к нему подошел Бэнджи — парень, который учился на год старше.

— Не хочешь стать вокалистом в рок-группе? — спросил он, едва поздоровавшись.

Дан от неожиданности едва не подавился. Стоящие рядом с ним друзья одинаково удивленно уставились на Бэнджи.

Не сказать, что они не знакомы. Из-за того, что в школе много семестровых курсов, ты нередко встречаешься на уроках с учениками старше или младше тебя. [*Американские школьники сами выбирают, что хотят изучать. Есть перечень обязательных предметов, вроде математики и английского, есть те, которые нужны для поступления в определенный вуз — вроде углубленных уроков биологии или экономики, а есть те, которые изучаются в течении семестра и они рассказывают о какой-то узкой специфике знаний. Например — так учатся вождению, эти уроки можно включить в расписание. Или брать уроки дрессировки питомцев. Или изучать парикмахерское дело. Или медитировать. Семестровые курсы бывают в крупных муниципальных и почти во всех частных школах, темы могут быть как серьезными и полезными, так и скорее в стиле хобби или предмета для общего развития.*]С Бэнджи Дан был знаком лично, но едва ли их личное знакомство можно назвать хотя бы приятельством. И уж тем более — Дан нигде не показывал, что ему нравится рок... ну, кроме того, что он иногда его поет, но в школе это редкость, к тому же Бэнджи не мог это слышать лично, они ведь не пересекаются на уроках вокала.

— Вот так сразу? — удивился Дан. — Вокалистом? По-моему, уж в этой школе их найти не проблема... и они будут знать тебя лучше...

— У тебя яркий голос, и ты поешь прям в рок-стиле. И все знают, что ты любишь музыку и поешь в самых разных жанрах.

Дан мог только удивленно хлопать глазами. Бэнджи спокойно ждал его решения, смотря с легкой толикой интереса.

— Предположим, я соглашаюсь, — осторожно произнес он. — Но ничего, что это в любом случае только до конца моего обучения в школе?

— Ты не планируешь после петь? — удивился Бэнджи. — Все знают, что у тебя много уроков вокала. Хочешь пойти в театральный?

Дан нервно хихикнул. Да уж... стал знаменитостью в школе просто потому что загрузил себя занятиями по максимуму.

— Я еще не знаю, — уклончиво ответил он. — Но рок-группа... немного не мое.

Прозвенел звонок. Дан запоздало подумал, что петь в рок-группе он, может быть, и не хочет, а вот писать...

— Дай свой номер, давай состыкуемся после занятий, — предложил он.

Бэнджи кивнул. Дан записал его номер, сделал быстрый звонок и они разбежались по

кабинетам — Бэнджи пришлось действительно бежать. Дан же все занятие танцевального кружка не мог отпустить мысль о том, что можно начать пробовать что-то писать для группы. Становиться вокалистом сейчас он считал нечестным по отношению к остальным. Он точно не хочет быть рок-звездой. Он любит эти песни, но еще ему нравятся танцы и... как бы так сказать — атмосфера поп-сцены? Чтобы яркий номер, спецэффекты, подтанцовка, чтобы шоу на первом месте.

Но рок-группы зависимы от вокалиста. Вокалист — это фронтмэн, его голос и внешность нередко важнее того, какую музыку играет группа. Уход вокалиста обычно означает распад группы. Возможно группа Бэнджи не просуществует и года — они же подростки, в таком возрасте создавать рок-группу является этапом взросления многих мальчишек. И все же, если у парней будет что-то получаться, не хотелось бы становиться причиной их распада и взаимных обид.

При этом Дану казалось, что писать песни для определенных людей ему явно будет проще. Да и в группе можно будет придумать что-то вместе, вдохновляя друг друга. Это в идеале, конечно.

У группы еще не было названия, но зато имелось место для репетиций. Дядя Бэнджи был бизнесменом и арендодателем. Он владел зданием в Вилладж. Верхние этажи делили между собой две фирмы, а не первом располагался спортивный центр и бар, которыми управлял уже сам дядя Бэнджи. Но важнее, что в полуподвале было свободное помещение, где когда-то располагалась обувная мастерская. Мастер умер, за пару месяцев не примечательное помещение сдать не удалось. Бэнджи и уговорил дядю временно «подарить» ему бесплатную аренду. Здание старое, толстые кирпичные стены служат неплохой звукоизоляцией, к тому же стены мастерской обшиты старыми панелями, которые скрывали звуки еще лучше. Прекрасное место для репетиций рок-группы. Несколько комнат. Крошечное помещение с личным входом через улицу, куда парни уже притаранили выброшенный кем-то диван. Основная большая комната, где раньше была сама мастерская, а теперь стояла барабанная установка. Еще одна комната, где раньше, судя по сохранившимся кухонным тумбам, было что-то вроде комнаты отдыха мастера. И туалет.

Бэнджи играл на барабанах, он привез сюда свою установку. И колонки уже имелись, как и микшер для отладки звука. На потертom барном стуле сидел один из гитаристов и что-то наигрывал на гитаре.

— Нравится? — широко улыбался Бэнджи.

Дан заворожено кивнул. Помещение уже выглядело обжитым, словно парни репетируют какое-то время.

— Не могу поверить, что у вас не было вокалиста, — уверенно сказал Дан, все еще осматриваясь.

— Был, — прозвучал голос за спиной.

Дан обернулся. С Чарльзом он был знаком гораздо лучше, чем с Бэнджи. Они ходили вместе на уроки вокала уже два года. Они не то, чтобы реально были соперниками... скорее так считали остальные — они лучшие в их вокальном классе, вот все и придумывали себе соперничество на пустом месте. Чарльз — второй сын богатых родителей, мальчик с трастовым фондом и славой высокомерного человека. Дан, с позиции своего возраста и личного опыта, в последнем сомневался. Чарльз выглядел скорее как стеснительный парень, который просто умел держать лицо в любой ситуации. Он мало с кем общался, из-за чего и казался эдаким снобом.

— Ты же хорошо поешь, — искренне удивился Дан.

— Возможно. Но это я попросил Бэнджи предложить место тебе, — пожал плечами

Чарльз. — Твой голос подойдет идеально, а я могу играть на гитаре...

Дан качнул головой:

— Я не думаю, что в рок-музыке голос важнее музыки... Получается, что у вас был вокалист, есть барабанщик и...

— Тео, гитарист, еще есть Боб, он на бас-гитаре играет, придет позже, — пояснил Чарльз.

Дан вздохнул. Он понимал, что для этих парней его предложение будет звучать странно. Они тут явно горят от желания стать рок-звездами, а он с деловым, почти взрослым предложением...

— Я сюда шел, уже с этим, — начал он. — Я не хотел бы становиться вокалистом рок-группы. Точнее — сейчас мог бы. Но после окончания школы я точно не хочу подобного. Вот только, если я ухожу в момент, когда группа хоть немного популярна, это...

— Конец группы, — хмыкнул Чарльз.

Дан кивнул:

— Скорее всего. Мне кажется, что это будет нечестным по отношению к вам.

— Тогда почему ты здесь? — наклонил голову Бэнджи.

Дан вздохнул:

— Потому что я пишу не только мелодии, которые некоторые слышали на занятиях, но и текст. Уже около года. И это мне действительно нравится. Я бы хотел учиться этому не только в рамках школьного задания, а как-то... более реалистично — чтобы было кому музыку исполнить. Я мог бы войти к вам в состав как гитарист или — что даже удобнее — с синтезатором, и мы попробовали бы писать музыку.

Все трое присутствующих удивленно уставились на него. Дан немного неуверенно улыбнулся, оглянулся по сторонам — обычная гитара в углу ему не почудилась.

— Можно? — кивнул в ее сторону он.

Бэнджи удивленно кивнул в ответ. Дан быстро подошел к инструменту, перекинул ремень — гитара довольно старая и какая-то... личная — с потертостями и парой наклеек на боку. Он проверил настройку — ему подходит, присел на свободный табурет, начал играть и запел. Была у него одна более-менее готовая песня. Клишированная в чем-то — про любовь к человеку, который тебя не замечает. Френдзонит, если точнее. Как сейчас с ним чаще всего и бывает, он вдохновился одним из просмотренных фильмов.

— Вау, — выдохнул Бэнджи, когда Дан закончил. — Это прям песня.

— Я никогда не пробовал делать партии для множества инструментов, я весьма слабо представляю, как сюда вписать барабаны, но мне чертовски интересно было бы всему этому научиться, — признался он. — Так что, как насчет того, чтобы оставить Чарльза вокалистом, а меня взять одним из музыкантов?

Глава 9

Социальность

Они репетировали не особо часто — рок-группа у них получилась какая-то слишком задротная: у всех много занятий, сложно собраться вместе в одно время. А у Дана так и вовсе расписание на уровне работающего человека. Но получалось у них не плохо. Чарльз попросил называть его Чак, он притащил синтезатор на их репетиционную базу. К этому времени у Дана и дома был инструмент — родители подарили — но не таскать его с собой каждый раз действительно проще. Дома он иногда экспериментировал на нем, используя разное звучание.

Временное название группы получилось ироничным — появилось из-за того, что они редко могут собраться вместе: Nerd'n'rock [*Nerd с английского — ботаник, задрот*]. Но, судя по тому, что название прижилось среди их знакомых, парни могут так и остаться рок-задротами...

И это было даже весело. В основном они играли каверы — просто чтобы сыграть немного. Еще около месяца мучили песню Дана... ну или он мучал остальных, пытаясь понять как это работает. В итоге получилась вполне неплохая песня с легким налетом глэм-рока.

В большей степени он работал над песней с Чаком, остальные не выдерживали такой методичной работы над музыкой, им хотелось чего-то более прикольного. Но с Чаком все было иначе.

БигБи как-то грустно пошутил, что у Дана теперь новый лучший друг. Это было частичной правдой, потому что они с Чаком много разговаривали, сойдясь в чем-то неувловимом в плане музыки... даже скорее — в том, что ее окружает. Их эта сфера интересовала не столько с точки зрения самой музыки, сколько в желании разобрать все на составляющие и понять, почему одни становятся популярны, а другие — нет. Почему глупые песни цепляют больше, чем серьезные тексты? Почему в итоге оказывается, что личность для музыканта важнее таланта? Почему даже те, кто отказывался от славы фэшн-иконы, в итоге все равно становились модным символом, как когда-то Курт Кобейн? Почему иногда не срабатывает дорогой маркетинг, но становится невероятно популярными люди практически с улицы?

Чак интересовался рекламой и маркетингом, поэтому им часто было о чем поговорить. Так как его отец в целом работал креативным директором в маркетинговом агентстве, Чак мог рассказать много интересного, что наталкивало Дана на размышления в отношении того, что уже он будет делать в своем блоге.

За всеми этими заботами — учебой, репетициями с группой, попытками писать стихи и музыку, изучением принципа ведения соцсетей — время пролетело незаметно. Казалось бы — они только вернулись с Мэри от бабули из Кореи, а вот он уже приглашает младшую сестру Джереми на выпускной бал.

Девушку звали Эмма, без Дана на выпускной она бы попасть не смогла — пускают туда только три старших курса. Их совместное появление являлось исключительно дружеским жестом, но получилось весело.

Незадолго до выпускного Дан создал страничку в Инсте, начал потихоньку наполнять ее фотографиями, отражая свою нынешнюю повседневную жизнь. В конце второго года

обучения в школе Смит-Вестон Дан был не сказать, что популярен... точно не в романтично-тусовочном смысле, по крайней мере. Но его многие знали и многие относились к нему достаточно хорошо. Поэтому новый профиль весьма активно собирал подписчиков среди его знакомых и знакомых его знакомых.

Многие функции были пока недоступны — ни сториз, ни рилз, да еще и фотографии только квадратные. И органический рост практически невозможен, потому что лента все еще выдает только посты тех людей, на которых ты подписан. Дан знал это заранее, но все же старался соответствовать советам и собственным наблюдениям. Публиковал интересные фотографии, чередуя себя, фото Нью-Йорских красот и случайные кадры предметов. Старался подбирать фото по цвету, чтобы они хорошо смотрелись рядом. И подписи — не очень длинные, но такие, чтобы рассказать что-то интересное или веселое. Писать посты учился по специально купленной для этого книге и вроде выходило неплохо — его даже комментировали. К своему дню рождения, когда он планировал начать прямо активно заниматься соцсетями — с более частой выкладкой и открытием ютуб-канала — у него уже было пятьсот подписчиков.

[*Для тех, кто не знаком с терминами. Сториз — это короткие видео, которые исчезают через 24 часа после публикации. Используются как инструмент для демонстрации повседневных дел. Рилз — это видео в инсте, ответ этой соцсети на бешеную популярность ТикТока. Органический рост — это возможность аккаунта или определенной новости набирать просмотры без специальных телодвижений со стороны создателя. Например видео в ТикТок — пример органики. Ты выкладываешь видео, остальное делает соцсеть. И Телеграм — полное отсутствие органики. Ты создал свой канал и найти его могут, только если ты о нем специально кому-то расскажешь.*]

В целом, ему даже нравилось этим заниматься. Было в ведении блога что-то методично-творческое, немного похожее на ведение дневника. Он словно учился наблюдать за тем, что с ним происходит, выискивая там нечто интересное, о чем можно рассказать и что можно показать. Накануне Дня Рождения он пролистнул назад два месяца своей жизни, улыбаясь тому, как это, оказывается, прикольно. Часть событий он уже успел несколько подзабыть, часть казались более далекими, чем были на самом деле.

Дан первоначально планировал для YouTube-канала только записывать каверы. Но, немного подумав о том, что каверы не слишком популярны, решил и на влоги. Купил камеру и микрофон на отложенные деньги, написал примерно на какие темы он может записывать первые ролики и на следующий же день после своего пятнадцатилетия, четко соблюдая данное себе обещание, он записал первый влог, потратил кучу времени на монтаж и выложил его уже через пару дней.

Первые ролики шли туго — он чувствовал себя неловко, монтировать все это приходилось долго, часто еще и дозаписывать, надевая ту же одежду... но уже к началу учебного года втянулся, привыкнув выкладывать по одному-два ролика в неделю, чередуя разговорные видео с каверами.

Подписчики на YouTube росли быстро, многие переходили и в инсту. К началу нового учебного года друзья уже даже перестали подшучивать над его статусом «блогера», что тоже радовало: их подколки хоть и не были злыми, все же смущали Дана. С началом обучения, правда, навалилась новая волна подшучиваний, но было уже как-то полегче их игнорировать — критику малознакомых людей переносить проще, чем тех, с кем ты успел сблизиться.

На самом деле, ощущение неловкости немного удивляло. Оказалось, что весь его

прежний опыт медийной деятельности не растворил этот страх начинать что-то новое. Страх стать объектом насмешек из-за того, что ты пока что недостаточно хорош.

— Ты отказался быть солистом, но завел блог, — хмыкнул Чак.

Они так и ходили вместе на вокал, поэтому виделись достаточно часто.

— И что? — обернулся к нему Дан.

Вместе с ними сидел и Джереми, но он немного стеснялся Чака. Все из-за разницы в положении. И БигБи, и Джереми, и Эйдан, и сам Дан — дети обеспеченных, но не прям богатых родителей. А у родителей Чака пентхаус с видом на Центральный парк и многие не понимают, почему он вообще учится именно в их школе искусств. Хорошей, но явно не самой крутой в Нью-Йорке.

— Просто, — пожал плечами Чак. — Я до этого думал, что ты стесняешься быть на виду, поэтому отказался.

— Стесняюсь? — удивился Дан.

Джереми тоже засмеялся: Дан, с удовольствием берущий главные партии, активно участвующий в соревнованиях за первую линию в танце, весьма общительные и явный лидер в их небольшой компании... и стесняется?

— Я подумал о страхе сцены, — пожал плечами Чак. — Но зачем тебе блог? Только серьезно, я не верю, что просто решил попробовать, потому что модно. Ты все как-то делаешь... не знаю, по-взрослому.

Джереми тоже с интересом уставился на Дана. Кажется, никто не верил в то, что он просто решил попробовать вести блог. Дан и сам иногда не понимал до конца почему он это делает, поэтому решил озвучить одну из тех причин, которая сейчас кажется ему наиболее разумной.

— Честно? Это из тех тем, о которых мы обычно с тобой разговариваем, — обратился Дан к Чаку. — Ну, про рекламу, важность личного влияния и про то, что личный бренд становится невероятно важной частью жизни любой медийной личности. И... ну, в некотором роде я пробую создать этот личный бренд сейчас. Не знаю, что получится. Я вообще слабо представляю, что я делаю — просто начитался статей о том, как правильно продвигаться в соцсетях и пробую соответствовать.

[*Если убрать красивые слова вокруг понятия личного бренда, то это тот образ, которому мы верим в определенных вещах. Это тот перечень умений и знаний, которые каждый из нас накопил за свою жизнь. Просто личный бренд — это умение продемонстрировать эти навыки и знания, чтобы к тебе обращались за рекламой и платными консультациями. В отношении звезд это что-то ближе к типажам и ожиданиям поклонников.*]

— Хочешь стать блогером-миллионником? — уточнил Джереми.

Дан пожал плечами:

— Не знаю... может быть. Не в ближайшее время, конечно — на такое я даже не рассчитываю. Просто... я в любом случае буду заниматься чем-то, что связано либо с музыкой, либо с танцами, либо с... рекламой или типа того. И во всех этих сферах иметь некоторую известность заранее — неплохо, разве нет?

Чак согласно хмыкнул. А Джереми, спустя некоторое время в молчании, задумчиво произнес:

— Такое ощущение, что у тебя жизнь распланирована на годы вперед, причем с ответвлениями на вероятные события и решения.

Дан удивился:

— Почему?

— Не знаю... просто ты так сказал — блог на всякий случай. Типа — лишним не будет.

Словно у тебя есть план Б для плана Б.

Дан покачал головой:

— Все не так. Я не знаю, как у меня все сложится с тем же блогом. Может я устану вести его уже через полгода — это ведь и правда занимает много времени. И я точно не знаю, чем буду заниматься после школы. Я просто вкладываю максимум сил в то, что мне нравится... и пока что блог — единственное вложение в мое неясное будущее.

Это было частичной правдой. Он научился хорошо петь, неплохо танцевал, пишет вполне неплохие стихи — не Байрон, конечно, но лучше многих современной песенной лирики. И все же он не чувствовал, что все это действительно может помочь ему в его зыбких целях.

Что он хочет? Спасти близких друзей — от смерти, от болезни, от травмирующего опыта. Возможно — отомстить тем, кто мешал его группе и ему лично достичь своего максимума... И из категории практически невыполнимого — хоть немного изменить сферу корейского шоу-бизнеса. И для этого придется стать популярным артистом. Очень популярным.

Глава 10

Дела сердечные

Он менялся внешне. Родители и раньше говорили, что он быстро повзрослел после пятнадцати, но Дану всегда казалось, что это они про характер... а не про короткие штанины. С возвратом забылось, насколько сильно он изменился в это время. Похудел из-за скачка роста, ушли типичные для азиатских детей пухлые щеки, даже нос стал казаться тоньше. Ребра не торчали только потому что за годы занятия тхэквондо и танцами он накачал себе шикарный пресс. При этом плечи стали шире, поэтому пропорции фигуры стали совсем взрослыми. Голос стал еще ниже, чем раньше, из-за чего по утрам он басил так, будто восстал из ада, а от усталости его голос звучал будто у курильщика со стажем. И все это произошло так быстро, что самому не верилось.

Но фотографии в сети не давали права сомневаться. Вот он на выпускном в июне — уже немного похудевший, но еще щекастый, фотография в школьной форме в сентябре — уже тощий и длинный, а в октябре на него из зеркала смотрит парень, который выглядит старше своих пятнадцати. Четкая линия челюсти, острый подбородок, скулы, большие глаза. Детского в нем осталось только в пухлых губах, из-за чего у него нередко бывает обиженное выражение на лице.

В своем несостоявшемся будущем это никак не отразилось на его уверенности в себе и месте в школьной «иерархии» — если кто и считал его привлекательным, то держал в секрете. Здесь же, в школе искусств в центре Нью-Йорка, он с долей неверия понимал, что на него заглядываются девчонки. И это было... неожиданно.

Казалось бы — взрослый человек, столько лет вываливал свои переживания психотерапевту, проработал кучу личных травм... но эту тему они, кажется, не затронули. Дан внезапно осознал, что в его сознании его внешний вид как-то не стыковался с тем, что он может кого-то привлекать до того, как стал популярным айдолом. Особенно в США. Видимо, это ощущение, что он стал казаться сексуальным только в ореоле славы, стоило тоже обсудить с психологом, чтобы сейчас не смешить друзей реакцией на заигрывания ровесниц. Жаль, что психолог скорее заподозрит его в какой-нибудь шизофрении, чем поможет принять тот факт, что он до сих пор, оказывается, не принял свою внешность в полной мере.

Когда они вчетвером поехали в Чайнатаун на выходных, чтобы сходить в одно заведение, официантка в этом кафе — вряд ли старше Дана больше, чем на пару лет, подсунула ему свой номер телефона на рекламном вкладыше доставки.

— Ты у нас прям дамский угодник, — Эйдан чуть наклонился, говоря это, чтобы не привлекать внимание остальных посетителей.

Парни расхохотались, а Джереми так же тихо добавил:

— Она красивая.

Дан интуитивно посмотрел на стойку администрации. Симпатичная. Но за десять с лишним лет работы на к-поп сцене, Дан видел и более красивых девушек. Не то, чтобы для него идеальная внешность была так уж важно, но так, для отчетности.

— Я не думаю, что перезванивать дочери хозяина ресторанчика в китайском квартале — хорошая идея, — шепотом сказал Дан.

— Боишься, что ее родня придет к тебе требовать жениться, раз обесчестил? —

заговорщицки протянул Эйдан.

Дан закашлялся:

— Чего? Убери свои пошлые мыслишки куда подальше! Номер телефона — это еще не намек на настолько... далекое развитие событий.

— Да? А в сериалах все именно так, — расхохотался Эйдан.

Парни вторили ему смехом. А потом потешались и над его покрасневшими ушами.

— Вы будете вечно надо мной прикалываться? — печально спросил он, когда все четверо выходили из ресторанчика на улицу.

В чем-то он и правда выглядел старше. Как минимум выше него был долго Бигби, но у него генетика обязывает — его отец почти два метра ростом. Вот только у БигБи при этом абсолютно детское лицо, в отличие от Дана и его худобы, которая прибавила пару лет.

— Ну, ты можешь начать с кем-то встречаться, — толкнул его в бок Джереми. — И, хотя это не защитит тебя от сериальных подкатов незнакомых девчонок, у нас будет меньше поводов смеяться над твоими реакциями в школе.

Дан тяжело вздохнул. Отношения. Запретное слово для айдолов и трейни. И дело даже не в том, что фанаты будут хейтить, а агентство негодовать. Нет, дело скорее в занятости и выборе. Как-то уже во времена своей сольной карьеры он выпивал со старшим товарищем и они смеялись над тем, что такого количество красивых парней-девственников в возрасте двадцати лет не будет нигде, кроме агентств талантов. И причина этому — загруженный график и страх лишиться права на дебют из-за подтвержденных отношений. После дебюта и первых заработков многое меняется. Вплоть до той папочки... от эскорт-агентства.

Когда тебе двадцать, ты к этому иначе относишься. Молодой организм, тем более после выступлений от гормонов плющит — кажется, можешь перетрахать всех, у кого есть вагина... а вокруг преимущественно парни. Так как бойз-бенды в к-поп — это конвейер, к этому проявлению послеконцертного куража агентства обычно готовы. Если доходы позволяли, они сами обеспечивали своим артистам любовь за деньги... Плюс фанатки. Договор о неразглашении девчонки подписывали осознанно, прекрасно зная, для чего они его подписывают. Но это все же тот еще обман ожиданий: девчонки надеются, что ночь с айдолом заставит того в них влюбляться, что крайне маловероятно. Чем больше ты на сцене, тем реже прибегаешь к услугам эскорта и влюбленных фанаток. В основном из-за возраста — уже не так хочется. У многих еще пресыщение — поток красивых тел, которых даже не нужно завоевывать, быстро приедается.

А еще умнеешь и больше понимаешь. Дану было даже стыдно за то, что когда-то он пользовался этими услугами. Когда у тебя три сестры и они немало натерпелись не только от расовой дискриминации, но и гендерной, когда ты видишь отношение к женщинам-стаффу и айдолам в женских группах... сначала профем взгляды они поддерживали по требованию агентства — это хорошо продается. К середине карьеры Дан уже вполне осознанно поддерживал либеральные феминистические течения. Не в смысле, что агитировал всех. А просто сам старался уважительно относиться к противоположному полу. Тем более — его личный пример супружеских отношений базировался на том, что родители равные партнеры, друзья и помощники друг другу. Дан с возрастом хотел так же.

Да, к тридцати годам он захотел семью.

Это желание, которое было достаточно сильным после его «возрождения» и заставило в принципе сомневаться в том, что он должен попытаться что-то исправить. Шоу-бизнес — не лучшая сфера для семейного человека, особенно если это корейский шоу-бизнес. Становясь

айдолом, он снова откладывает семью как минимум до тридцати.

И сейчас все эти сомнения снова на него накатили. И, как и в случае с блоггом, Дан решил попробовать. Возможно из-за этого ему потом откажут в Корее, но если он не попробует, то будет жалеть.

Чисто статистически, первые отношения обычно распадаются. У него первые были то ли в прошлом, то ли в будущем, и там все было обречено на суровый конец из-за того, что они решили открыто заявить о чувствах прессе. Потом за полгода они реже спали в одной кровати, чем слышали вопросы об отношениях — пресса преследовала их повсюду, а фанаты присылали угрозы без перерывов на праздничные дни.

Сейчас наверняка тоже все закончится разрывом, но... почему бы не дать себе шанс испытать то, что его вообще-то всегда привлекало, но чего он был лишен: подростковые отношения? Нормальные свидания, посиделки с друзьями, несмелое знакомство с родителями друг друга... То, о чем в душе мечтают многие подростки, в том числе мечтал Дан.

Он не был в кого-то влюблен, но ему нравилась одна девушка, с которой они едва знакомы. Особенность была в том, что она — тоже кореянка. Ходит на продвинутый класс классического танца — это там, где уже практически балет, рисует и вроде как посещает занятия по дизайну. Дан ловил на себе ее взгляды, но подойти немного опасался. Он никогда вот так не знакомился с девушками. И не звал на свидание. Как это вообще делается?

Решил в итоге, что раз уж он подросток, то и решать проблему может как подросток. То есть спросил у мамы. И как-то так неудачно подгадал время, что разговор услышала Мэри. Это было достаточно просто, потому что мама, услышав вопрос, тут же начала восхищенно ахать, не спеша помогать сыну с проблемой.

— Ты собрался кого-то позвать на свидание?! — удивилась Мэри, перебивая маму. — И кто это счастливица?

— Хватит так реагировать! — взмолился Дан. — Нет еще никакой счастливицы, она ведь может и отказать!

Мэри села на барный табурет рядом с Даном и легкомысленно ответила:

— Брось, твою друзья очень ярко описали, что твоя популярность в школе стремительно сменила окраску: из парня, который творческий ботаник, ты стал парнем, по которому сохнут девчонки. Кто она?

Дан тяжело вздохнул. Кажется, проще будет рассказать о ней, чем добиваться ответов. Ох уж это женское любопытство.

— Эшли Ким, — вздохнул Дан. — Одного года со мной, но родилась в октябре.

— Кореянка? — восхищенно выдохнула Мэри. — Да ты прям точно решил сразить тетушку Нарю...

Дан сердито обернулся к сестре:

— Не смей рассказывать еще и тете!

— А что? Подкинет деньжат на свиданки.

— Я знаю эту женщину, — предостерегающе поднял руку Дан, — они с бабулей за сутки найдут родителей Эшли, потом ее корейскую родню, а через двое суток вся Корея будет знать, что мы поженимся после выпускного!

Мэри прыснула от смеха, мама тоже засмеялась. Она наконец-то закончила с пирогом, отправила его в духовку, а сама развернулась к барным тумбам, за которыми сидели Дан и Мэри.

— Так что — ты не знаешь, как ее пригласить? — уточнила она.

Дан замялся:

— Нет, как — это понятно. Просто берешь и приглашаешь... просто... куда лучше позвать? В кино? Кафе? Просто погулять? А что сказать? Назвать это свиданием, или уклончиво — давай вместе сходим куда-то. И... боже, ладно, я вообще не представляю, как это сделать.

Мама с Мэри снова засмеялись. Мама прислонилась к тумбе, с любовью его рассматривая, а Мэри ответила первой:

— Точно не кино. Первые свидания в кино — киношный бред. Сидите в темном зале, каждый со своей едой и пялитесь в экран. Ни поговорить, ни посмотреть друг на друга — бред, а не свидание. Только что после есть что обсудить, но оно того не стоит.

Дан удивленно хмыкнул: об этом он как-то не думал, но звучит резонно.

— И не жадничай, заплати за девушку в кафе сам, — буркнула Мэри.

— А как же равенство? — уточнил Дан.

— В жопу равенство, — буркнула Мэри.

— Мэри! — возмутилась мама, а Дан захихикал.

Сестра ходила на свидания, но с парнями у нее как-то не клеилось — долго ни один не продержался.

— И вообще, возможно после твоего приглашения она расскажет о тебе своей родне, те за сутки узнают все о нашей семье, а потом тетя Нарри позвонит тебе, чтобы наорать за то, что ты опозорил ее, не заплатив за девушку, — хихикнула Мэри.

Дан тоже расхохотался. Звучит хоть и нелепо, но вполне возможно. Эмигранты парадоксально придерживаются более патриархальных и традиционных взглядов, чем жители что США, что Кореи. Да и вообще... счет пополам — это скорее про более взрослых людей, чем про подростков. Он же не в ресторан ее поведет — им по пятнадцать — а в кафе счет просто не может быть заоблачным. Да и... он любимчик богатой и бездетной тети — у него приличные суммы на карманные расходы, просто он не любит их тратить.

— Ладно, в кафе и прогуляться, — вздохнул Дан. — А... как... блин, как это вообще делается?

— Позови в сторонку между уроков или после них, — улыбнулась мама. — Спроси, свободна ли она сегодня или завтра — лучше не тянуть с датой, поверь мне, а то до самого свидания оба изведетесь. Предложи вместе прогуляться. Скажи, что вы можете посидеть вот в этом кафе — обязательно сразу назови место, так девушки чувствуют себя более защищенными, сюрпризы лучше оставить на потом. Если она согласится, договорись где и во сколько ты ее встретишь. Все. Ничего сложного.

— А если откажет?

— Уточни — она занята, или ей это не интересно, — пожала плечами мама.

— Если не интересно, то на другой день позови другую девчонку, — добавила Мэри. — Что? Ты мой брат, будут еще всякие отказывать тебе в свидании. Она хоть красивая?

— Мэри! — снова возмутилась мама.

— Да, — ответил Дан. — Я же с ней толком не знаком и не влюблен: как думаешь, успел ли я рассмотреть что-то кроме внешности?

Мэри захихикала и приобняла его за плечи, а мама смерила скептическим взглядом их обоих: она как раз была сторонницей равенства и яркой противницей лукизма [*Лукизм — предвзятое отношение к людям на основе их внешнего вида. Вид дискриминации, когда

привлекательных сотрудников охотнее повышают по службе, красивым девушкам чаще делают скидки, а красивым мужчинам реже отказывают в свиданиях.*].

Глава 11

Набирающий популярность

Дан не стал тянуть — в ближайшую пятницу подошел к Эшли, предложил вместе посидеть в кафе, они договорились о встрече и вот он уже спешит на следующий урок с мыслями, что не стоило так переживать. Но ощущения были... бодрящими — такой приятный выброс адреналина из-за страха быть отвергнутым, а после ощущение счастья, что все получилось. Это новый для него опыт — раньше он никого едва знакомого на свидания не звал.

Эшли оказалась приятной в общении девушкой. Занималась балетом с детства, но достаточно рано поняла, что профессионалом ей не стать из-за того, что не подходит по стандартам — она низкая, у нее недостаточная гибкость и слишком широкие бедра. Дан смущенно улыбнулся. Когда он решил семестр походить на классические танцы — те самые основы балета — учитель все сетовал, что он уже слишком взрослый для серьезных занятий. У него как-то по особенному выгибаются ноги и он очень гибкий для парня, который прежде занимался более силовым тхэквондо. Так что артист балета из него тоже мог бы получиться... если бы кому-то пришло в голову отвести его в танцевальную студию лет так семь назад.

Сейчас Эшли рисует и изучает дизайн — хочет создавать одежду.

— Создашь свой бренд? — улыбался Дан.

Эшли чуть надула пухлые губки и качнула головой:

— Нет... вряд ли. Может со временем, но я бы, пожалуй, с большим удовольствием стала дизайнером существующего бренда. Возглавить Chanel или Dior — пожалуй, мне скорее хочется этого.

Дан удивился: звучит непривычно для подростка. Как-то в пятнадцать ты чаще мечтаешь о славе создателя, чем просто мастера.

— Но мы с нашим кружком готовим коллекцию, — поделилась она. — Мы выбрали одну тему, договорились об одной цветовой палитре и закупаем одни ткани... ну за исключением некоторых частных случаев. Хотя даже на моменте эскизов видно, насколько разные у нас дизайны, — она засмеялась и добавила: — Но, с другой стороны, в коллекциях крупных модных домов тоже часто очень разные по стилистике вещи.

— Прикольно... А... как это вообще — вы будете продавать эти вещи или...

Эшли засмеялась. Они в кафе взяли себе кофейные коктейли и десерты, сидели у окна и пока не собирались уходить.

— Знаешь, что такое захват показа? — спросила Эшли.

Дан покачал головой. О моде он знал много, но в основном это касалось люксовых брендов и того, как они рекламируют себя через звезд.

— Вообще, понятие возникло, когда некоторые молодые дизайнеры вторгались на чужие показы или вечеринки, чтобы показать свои коллекции. Но это, понятное дело, незаконно. Сейчас так говорят об уличных показах на неделе моды — когда до основного показа, пока туда приходят все гости, на улице рядом с показом проводят мини-дефиле.

— Вау, — выдохнул Дан, мигом поняв, что она имеет в виду.

— Только не рассказывай пока об этом, — смутилась Эшли. — Это все равно не совсем... хорошо. Наверное, если взрослые реально узнают, для чего мы решили шить

одежду на одну тему, нам запретят это делать.

Дан тут же клятвенно пообещал молчать. А потом, ведомый каким-то странным чувством, заинтересовался, какую одежду будут показывать, кто будет моделями... к концу свидания он стал счастливым участником одной тайной затеи кружка дизайна частной школы. В качестве модели. Но до этого было немало времени — еще даже не Рождество, а показ будет только в феврале.

Но все же Эшли стало очень много в жизни Дана. На уроках они не встречались — у них достаточно разные интересы. Но проводили много времени после школы. Познакомились с родителями друг друга, отправляли милые сообщения, которые нередко заставляли Дана чувствовать себя максимально неловко. Целовались...

Дальше поцелуев пока не заходили — встречаются-то совсем недолго, но по некоторым оговоркам и намекам Эшли было понятно, что она явно нацелена на то, что ее первый парень будет первым во всем. Осознание этого факта заметно смущало самого Дана.

Нельзя сказать, что Дан боялся секса — там ничего сложного и страшного однозначно нет. Но он все не мог для себя решить: нормально ли его увлечение Эшли? Физически им по пятнадцать лет. Но по факту он старше и опытнее, он дожил до тридцати, то есть вдвое ее старше. Почему эти вопросы не возникли у него, когда он звал ее погулять? Он уже может записывать себя в педофилы, или его возраст по паспорту снимает с него подобные обвинения? Встретаться с тридцатилетней он как бы и не может — там уже женщину запишут... в нехорошие люди, причем по закону, а не по внутренним ощущениям. Но может ли это служить оправданием для него?

Но с первой дилеммой он более-менее смирился: скорее всего, ему теперь остаток дней своих встречаться с теми, кто его младше, либо же прослыть альфонсо. То есть, даже если не с Эшли, но как-то придется принять тот факт, что его ровесники по факту годятся ему в дети... очень ранние, конечно, в стиле шоу «Беременна в шестнадцать», но все же дети. Да и его... физиология была скорее как у подростка. В том смысле — что даже разумная его часть не мешала ловить эротические сны, после которых приходилось менять постельное белье.

Но еще оставалась другая физиологическая проблема. Девственность. Не его, разумеется, а Эшли. И как-то... было волнительно. Пожалуй, он потерпит ежедневную смену постельного белья еще немного. Его взрослая часть приходила в ужас от мысли, что он может как-то... психологически травмировать человека неудачным первым разом.

Вообще два года назад ему казалось, что его уже нельзя удивить, он будет в мире подростков просто самым невозмутимым человеком, потому что столько видел и столько умеет. И он таким был во многих вещах. Но не всех. Все новое, что незнакомо ему, что заставляет волноваться и переживать, обрушивается на него всей силой гормонального ответа подросткового организма. И вот он уже не человек, который многое повидал, а паникующий подросток. К этому он точно не был готов, когда решил, что непременно изменит свою жизнь. К проблемам и сложностям окружающего мира — был, а вот к тому, что будет переживать все почти так же ярко, как в свои настоящие пятнадцать — нет.

Кроме того, его настоящая подростковая жизнь была бедна на приключения. У него не было близких друзей, не было девушки, он не был таким вот мальчиком-гением, чьим упорством и талантами все вокруг восхищаются. И восхищаются не только знакомые лично, но и подписчики.

Он быстро набирал подписчиков, но и вкладывать в блог приходилось много. Сначала

— времени. Регулярно делать фотографии, немного обрабатывать их, писать интересные тексты — для качественного контента на это уходило не менее часа времени. Еще нужно отвечать на комментарии подписчиков, удалять всякий спам, постоянно искать способы для раскрутки.

Способов найти новых подписчиков несколько. Первый — приводить оттуда, где есть органический рост. Например — через YouTube. Второй — обмениваться аудиторией с другими блогерами. Например — появляться где-то вместе и отмечать друг друга. Третий — оплачивать рекламу у крупного блогера. И четвертый — проводить конкурсы.

Дан не пользовался только последним — он требует больше всего времени, а для него этот ресурс даже ценнее денег. Его ролики на YouTube собирали неплохие просмотры, особенно влоги — танцы и каверы смотрелись не так охотно. Но все же Дан продолжал их выкладывать, потому что ему это особенно нравилось... и потому что записывать их было проще всего.

Несколько раз ходил гулять с «коллегами». Каждый раз пост с прогулки становился, в некотором роде, бартерной рекламой — каждый в своем блоге рассказывал о новом знакомом, но никто никому не платил за эти посты. За неделю перед Рождеством водил по городу школьницу из Атланты и порядком офигел от того, как некоторые ведут блоги. Девушку звали Оливия, она была одногодкой Дана, но ее соцсетью полностью занималась мама. До этого Дан списывался с ней через сообщения и, если бы знал о них заранее, ни за что не согласился на этот бартерный коллаб. Они были настолько лживы, что даже не верилось в то, что их до сих пор не рассекретили. Мама Оливии даже поесть дочери не позволяла. Она была полной женщиной, а ее дочь — стройной. И, по всей видимости, стройность эта давалась ей нелегко.

Расставшись с этими немного ненормальными, Дан приобрел почти пару тысяч подписчиков с южных штатов и новое правило ведения дел — всегда сначала общаться по телефону, а лучше по видео связи.

Еще он снимался у фотографов. В Нью-Йорке было немало академий фотографии молодые и вполне талантливые часто искали моделей для работ, Дан соглашался на условия, что эти кадры только для портфолио и соцсетей — использовать свои фото в коммерческих целях он не разрешал. Эти совместные проекты, с одной стороны, давали Дану временами ну очень интересные кадры, часто максимально неожиданные, с другой — позволили ему влиться в творческую тусовку фотографов, поэтому его «услуги» уже часто предлагали прямо на этих самых курсах.

И реклама. В семье считали, что деньги на карманные расходы Дан может тратить на любую ерунду и родители не будут его осуждать за это. Его карта и счет были привязаны к маминому счету, поэтому она могла смотреть, на что он тратит деньги. Он дважды покупал рекламу у других блоггеров, каждый раз переводил за услугу по двести пятьдесят баксов [Это 2015 год, с тех пор даже доллары обесценились, так что сейчас эта сумма была бы уже больше)]. Это небольшая плата за рекламу в блоге, но в то время повсеместная реклама друг друга только набирала популярность, поэтому цены были ниже.]. Мама, увидев подозрительные переводы на личные счета, только поинтересовалась у Дана — зачем. Он объяснил про рекламу. Нельзя сказать, что она его поддержала, скорее посчитала это именно ерундовой тратой.

После он покупал уже таргет, благо в нем было относительно легко разобраться, да и вкладывать можно было меньше, а еще чуть позднее — сам брал двух человек на рекламу,

отбив часть вложенных средств. [*Таргет, или таргетированная реклама — это интернет-реклама внутри определенного приложения или целой группы сайтов, которая настраивается так, чтобы демонстрировать ее только людям с определенными характеристиками. Типа — только женщинам до 30 лет, проживающих в Москве и области, которые в последнее время искали кофейни.*]

Таким образом к концу 2015 года у него было уже почти четыреста тысяч подписчиков — невероятно большая цифра для новичка. И, что самое важное, он достиг этого так быстро, что большинство даже не смогло среагировать на это. В среднем в день его аккаунт вырастал на несколько сотен человек, в дни таргета на него переходило по тысячи, с коллаборациями — несколько тысяч, с одной рекламой у крупного «коллеги» пришло больше десяти тысяч.

Предложения о рекламе начали поступать достаточно поздно — ближе к рождественским праздникам. И это при том, что многие блогеры начинают зарабатывать на рекламе продукции еще после пятидесяти тысяч подписчиков.

Впрочем, дарить книги стали раньше. Он на своем канале раз в месяц рассказывал о прочитанном — обычно набиралось две-три книги, не считая стихов. Еще он продолжал покупать комиксы. В своем прошлом подростковом возрасте он был прям фанатом, перечитывал выпуски по несколько раз, теперь же просто ностальгически пролистывал свежие выпуски, которые ежемесячно поступали ему по подписке.

Впервые ему написали в октябре — предложили выбрать книги, которые он гипотетически готов прочесть. Издательство не платило за обзор книг, но и не требовало непременно постить видео. Это было традиционной рассылкой, которую перестают предлагать, если ты набираешь книги и вообще ничего не рассказываешь о том, что прочел. Дан заказывал в основном книги по школьной программе, если их еще не было на полках его дома, все же мама филолог. И брал те новинки, которые ему более-менее запомнились с прошлой жизни.

Еще на этот моменте Дан попросил маму завести ему удаленный почтовый ящик — чтобы не разглашать всем подряд домашний адрес. Получилось как раз вовремя. С середины ноября начали отправлять свои «дары» мелкие фирмы. Это еще не было рекламой, но уже не являлось и бартером. Ему просто слали подарки без обязательств. Все, правда, тоже стоили немного. Спортивное питание, футболки с ироничными надписями, чехол на телефон — все, что он гипотетически может засветить на фото. Чехлы оказались классными, футболки говняными, спортивное питание он в итоге честно порекомендовал, потому что оно оказалось приятным на вкус и достаточно качественным, чтобы он мог без опаски принимать его в свои пятнадцать.

И это было только началом.

Глава 12

Прорыв

Adidas были первыми крупными дарителями. Они прислали ему приглашение в бутик, чтобы он первым посмотрел и выбрал себе что-то из новой коллекции. Идти нужно было вечером, после закрытия, когда персонал только выносил новую коллекцию. Дан пошел с мамой. Они оба считали, что им просто сделают скидку... но несколько ошиблись.

В бутике он оказался не один, пригласили других блогеров и спортсменов, но Дана встретили как главную звезду. Он перемерил практически все, что подходило для стритстайла и танцев — менеджеры сами ему давали одежду. Практически все, что на нем хорошо сидело и о чем он просто нормально отозвался, ему без всяких вопросов и указаний запаковали и просто подарили. Без контрактов и обещаний. Единственное — записали размеры, подходящие цвета и теперь уже точный адрес. Это уже для дальнейшего сотрудничества.

В ответ на недоумение мамы, менеджер просто ответил:

— Мы уверены, что он все равно это наденет. И хоть раз мелькнет на этом в кадре. Этого достаточно.

Дан слышал перешептывания тех, кто еще сюда пришел. Кто-то даже считал, что он, с его блогем в триста тысяч подписчиков, может уже и оплату требовать. Но Дана устраивало текущее положение дел — ему собрали спортивной одежды на неприлично огромную сумму, не требовали ее нахваливать или что-то вроде этого. Им просто было достаточно, чтобы он мелькнул в этом в своем блоге — в записи видео, или на фото.

[*Уточню. Новая коллекция спортивного бренда — это обычно одежда и старые модели кроссовок в новых расцветках... иногда просто старые модели кроссовок. Практически всегда новинки рассылают блогерам и более-менее ярким спортсменам. В наших постсоветских широтах это слабо распространено, но блогеры в США избалованы вниманием брендов, они подаркам не удивляются. В коллекции спортивной одежды количество предметов не такое уж большое (в магазинах обычно выставлено одномоментно несколько коллекций), так что Дан унес домой с десятков предметов одежды.*]

Этот случай будто стал спусковым крючком. Раз в неделю с его почтовой ячейки доставляли все, что ему успели подарить. И там всегда было, что доставлять. И не все были так же внимательны, как Adidas. Ему нередко дарили кроссовки — от разных брендов и часто не его размера. Были еще наушники, беспроводная зарядка, термокружки, набор канцелярии.

Самым крупным его «дарителем» стали неожиданно Tiffany — они выслали аж три серебряных кольца. Причем выслали без предварительных оповещений и предложений — просто подарком, неприлично дорогой рассылкой. Дан любил кольца, он часто их носил и с ними была связана странная традиция — если он садился играть на клавишных, он сначала эти кольца снимал, потому что они мешались, а потом надевал обратно, чтобы не забыть. Этот подарок — весьма дорогой, к слову, порадовал Дана тем, что кто-то из маркетингового отдела, получается, смотрел его видео с каверами. Мэри, правда, прогуглила и уточнила, что все три кольца из новой коллекции и одни из самых дешевых.

Все эти подарки заставляли его радоваться не из-за самого факта чего-то бесплатного, а как раз тем, что они были показателями успеха блога. Он быстро рос, быстро становился

популярным. После прежних миллионов подписчиков ему казалось, что четыреста тысяч — это немного. Но на деле для большинства начинающих блогеров сложно перешагнуть порог не то, что в сотню тысяч, а банально в первую тысячу.

Дан считал главной причиной своего «успеха» тот факт, что он постоянно чем-то занят и что-то делает. Школа, частые походы на какие-то культурные события, тут же спорт, танцы и пение, репетиции с рок-группой. Все это делало его жизнь интересной для подписчиков. Ведь, в отличие от многих других блогеров, Дану нет нужды придумывать, чем развлечь людей, у него и так постоянно что-то происходило. После Нового года, когда в некоторых статьях о нем отозвались как о самом быстрорастущем блоге, поток подписчиков только увеличился. От первой тысячи до трехсот он добирался почти пять месяцев, и это с рекламой. Следующую сотню тысяч он набрал за месяц, ничего специально не делая, просто гуляя по зимнему Нью-Йорку с Эшли, читая книги и выкладывая свои фото в разных аутфитах.

Еще в середине января им предложили выступить в небольшом рок-клубе. На разогреве, но сам факт позволения выступить заставил парней прыгать от восторга. Их не звали не потому что они не пытались куда-то вписаться. Просто Дану пятнадцать, Чаку и Тео — по шестнадцать, Бобби семнадцать, а Бэнджи исполнилось восемнадцать всего за пару недель до выступления. Люди опасались приглашать подростков в подобные заведения, несмотря на то, что о группе знали как минимум все подписчики Дана. На входе в клуб не всегда было возрастное ограничение — просто не пускали детей — но все же в клубе собиралось немало пьяных людей, которые не особо разбирались кто перед ними — взрослый или ребенок. А проблемы потом будут у клуба. Поэтому руководство и не хотело рисковать, приглашая детей выступать.

В этом заведении решили пойти им навстречу. И потому что группа без единого выступления пользовалась некоторой популярностью, и потому что у молодой группы уже были свои песни. К январю было готово пять композиций. «Просто друг», которую Дан когда-то играл парням на гитаре. Ироничную «Игры убивают» парни просто обожали, хотя она походила на смесь подросткового бунта и социальной лирики. Буквально она насмеялась над тем, сколько насилия видят люди, но почему в нем винят не увиденное насилие, а компьютерные игры. Такая же в чем-то смешная «Подержи мое пиво» — про любовь к спорам на темы, которые невозможно изменить. И две лиричные мелодии про любовь. Достаточно быстрая «Ты снишься мне» и медленная «Жди меня домой». Последняя понравилась маме — она про то, что лирическому герою проще жить, когда дома его ждет любимая.

Дан даже немного волновался. Он не выступал как... как часть рок-группы. Боялся сыграть что-то не так. Или спеть — он оставался бэк-вокалистом, добавляя объема в некоторых особенно значимых моментах.

Эшли пришла на выступление, его друзья окружили ее, чтобы крошечную по Нью-Йоркским меркам девушку не затоптали в толпе. Она снимала все на телефон, а БигБи — на камеру Дана. Он сомневался, что звук получится нормальным, но все равно хотел выложить запись на канал.

Они хорошо сыграли. Можно даже сказать — зажгли. Несмотря на то, что они выступали первыми, в клубе уже набралось много людей. Подростков особенно много — и школьные друзья, и просто незнакомые лица, многие из которых кричали Дану, что знают его — видимо, Нью-Йоркские подписчики. Их выступление активно поддерживали не только

молодежная толпа, которая собралась только ради них, но и более взрослые люди, которые кучковались преимущественно у бара. Эта поддержка зала сделала Дана по-настоящему счастливым.

Еще более счастливым его сделал мужчина, который подошел к ним сразу после выступления, в их крошечную гримерку, куда они едва влезали со своими инструментами.

— Альберт Никс, — представился он.

Он был немного странным. Высокий, гладко выбритый, с прямой спиной и идеально уложенными волосами, при этом в джинсах и кожаной куртке, накинутой поверх футболки Metallica. Как клерк под прикрытием.

— Я занимаюсь поиском талантов для звукозаписывающей компании Columbia Records. Кто из вас лидер группы? И кому принадлежат права на песни?

Дан поперхнулся воздухом. Columbia Records — это не какая-то мелкая инди-студия, которая записывает всех, кто заплатит. Они — часть огромной музыкальной компании.

— Вы занимаетесь поиском талантов? — искренне удивился Дан.

Мужчина улыбнулся и протянул ему визитку. Имя, телефоны, электронная почта, название компании Columbia Records.

— Не в широком представлении о поиске, но занимаемся. Так чьи это песни?

— Я написал лирику всех пяти песен. Музыка — варьируется, — задумчиво ответил Дан, неверяще пялясь на визитку.

— Музыку тоже он, мы только помогали советами, — вклинился Бэнджи. — Меня зовут Бенджамин, я лидер группы.

Альберт улыбнулся и пожал руку Бэнджи.

— И как зовут молодой талант? — обратился он к Дану.

— Даниэль Хан, — ответил за него Бэнджи. — Вам понравились песни?

— Нам и вы понравились, но текст песен все же больше. Вы регистрировали права?

Дан наконец очнулся от своей задумчивости:

— Товарный знак — нет. Но тексты принадлежат мне и без всякой регистрации. Мой папа — адвокат, я знаю, как работает авторское право.

Альберт снова улыбнулся и покачал головой:

— Не подумайте ничего плохого, это просто самая важная для нас информация — чтобы вы еще не успели часть прав передать звукозаписывающему лейблу. Я бы хотел пригласить вас на... так сказать — закрытое прослушивание и собеседование. Все несовершеннолетние — с родителями.

Казалось бы — невероятное предложение. Но обсуждение с родителями быстро показало, что есть в их стремлении стать рок-звездами одна маленькая загвоздка: их родители не согласны с таким развитием событий. Не удивлены были только Дан и Чак — они сразу после того короткого разговора в гримерке напророчили друзьям, что никакого контракта в ближайшие полтора года не будет. Так и получилось.

Само обсуждение состоялось. Родители поставили условие — окончание школы. Звукозаписывающая компания еще была готова работать с несовершеннолетними, но работать с подростками, которые должны хорошо закончить частную школу — это немного другое. По факту сейчас они могут репетировать всего часов пять в неделю, а о выступлениях и туре не стоит и заикаться до начала каникул. Решение о контракте решили отложить до лучших времен.

Но, когда представители компании закончили говорить со всеми, остался Дан с папой.

— Что-то хотите еще сказать? — удивился мистер Никс.

— Мы пойдем, — мягко кивнул Чак, выходя из конференц-зала последним.

— Да, — кивнул Дан, провожая взглядом друзей. — Я ведь правильно понимаю, вас больше заинтересовали песни, чем рок-группа?

Мистер Никс засмеялся и качнул головой:

— Да уж, какие цепкие дети пошли. Да, я приехал в тот клуб только из-за вас, потому что наши скауты находили ваши записи. Песни нас интересовали больше, чем рок-группа из несовершеннолетних. Но я сказал правду и про группу — мы могли бы нанять продюсерскую команду и начать продвигать вас среди подростков, как когда-то начинала Аврил Лавин.

В разговор вступил папа Дана:

— Вы не совсем поняли. Мы не на лжи вас поймать пытались и не пытаемся обвинить в том, что вы вводили детей в заблуждение, пытаясь купить песни.

— У меня есть еще, — вклинился Дан. — И тексты, и музыка. Большая часть из них не слишком подходит рок-группе, а что-то я не знаю, как доработать.

Мистер Никс сел обратно на место и рядом с ним опустил ранее молчащий адвокат компании. Был еще третий человек — он ушел провожать остальных и поэтому в этом обсуждении не участвовал.

— Ты хочешь продать песни? Это долгий процесс, нужно смотреть, что у тебя есть и искать покупателей... — протянул мистер Никс.

Дан улыбнулся:

— Я знаю.

Они с папой тоже заняли места за столом, но говорил теперь уже папа:

— Это не совсем предложение купить песни, скорее предложение сотрудничества. Если точнее — Даниэль хотел бы стажироваться у вас. Мы понимаем, что это не тот вопрос, который вы готовы обсуждать здесь и сейчас, поэтому принесли вот это.

И папа открыл свой дипломат, выкладывая на стол тонкую папку.

— Что это? — удивился мистер Никс.

Впрочем, выглядел он скорее заинтересованным.

— Предложение и... так сказать — товар, — улыбнулся папа. — То, на каких условиях Даниэль готов продавать песни и что хочет взамен: возможность присутствовать при записях этих песен, чтобы понимать, как из слов и мелодии делается готовый трек. И здесь же — десять песен.

— Десять? — удивился мистер Никс.

— Они все... совсем мне не подойдут, — признался Дан. — Я записал гайд-версии, но, подозреваю, слова вас интересуют больше, поэтому тексты предоставлены в папке.

— Права, разумеется, защищены, — улыбнулся папа. — Ну так, на всякий случай.

Мистер Никс засмеялся и восхищенно покачал головой:

— Да уж... неожиданно.

Он открыл папку, пролистнул первый лист, где были выписаны не слишком-то требовательные условия Дана, и начал читать первый текст. Дан закусил губу. Текст был написан под впечатлением фильма «Великий Гэтсби» — про то, что парень заглушал боль потери настоящей любви вечеринками. В итоговом варианте отсылки к литературному произведению не осталось — просто история о расставании и решении забыться через постоянное веселье.

Мистер Никс удивленно приоткрыл рот, потом нахмурился. Его взгляд бегал вверх-вниз по тексту, пока он восхищенно не покачал головой:

— Да уж, неожиданно. Вы правы — мы не можем обсуждать подобное здесь и сейчас, нам сначала нужно поговорить с руководством. Контакты в папке? — уточнил он, сам перелистывая страничку назад.

Контакты, разумеется, там были. Папа никогда не занимался делами об авторском праве, но дела его фирмы всегда были достаточно разноплановы, поэтому он уже именно на эти статьи закона тратил больше всего свободного времени: хотел сам заниматься важным для сына делом.

Они обсуждали это несколько дней. Родители, в принципе, уже понимали, что адвокатом ему не быть, да и профессор в колледже — маловероятная профессия. Дан всегда любил музыку — учиться играть на пианино он когда-то захотел сам, был тем еще меломаном и нередко напевал что-то себе под нос. То, что музыка переросла в написание текстов песен, было неожиданно, но мешать ему родители не собирались.

Но Дану не хватало опыта. Он не мог сказать, что не знает, как проходит работа над музыкой, как добавляются эффекты и что делают продюсер и звукорежиссёр. Но все эти знания были фрагментарные, а Дан хотел знать больше. И возможность стажировки для него была прекрасным способом вырасти в навыках.

Но, если бы он пошел стажироваться в общем потоке, то больше носил бы кофе, чем занимался музыкой... и это если его бы приняли. А так — есть шанс действительно чему-то научиться.

Компания размышляла над его предложением недолго. Уже через несколько дней их пригласили на обсуждение контракта, а еще через неделю обсуждений — на подписание. Там был один пункт, который компании казался очень важным, а для Дана даже немного смешным. Columbia Records принадлежала корпорации Sony Music, одной из четырех самых крупных в этой сфере. По контракту Дан не мог продавать свои песни остальным трем игрокам до того, как от них откажется Sony, за исключением тех случаев, если Дан будет исполнять песни самостоятельно — сольно или в составе группы. В корпорации скорее всего считали, что они смогут убедить Дана записываться под их лейблом. А Дан знал наверняка, что корейские компании еще несколько лет не подпишут контракты с американскими, потому что сейчас к-поп только начал становиться громким событием и его еще какое-то время не будут воспринимать всерьез, считая все достижения групп просто случайностью. В любом случае, контракт на эти продажи не вечный — только три года с момента начала стажировки Дан не может продавать песни на сторону. То есть полтора года его обучения в школе и предположительно полтора года в Корее. За это время он многому может научиться и... подзаработать.

Видимо, он недооценивал собственные возможности: очень хорошо, что они с папой не стали записывать денежные требования в список условий. Потому что запросили бы меньше, чем им дали.

Заработок сонрайтеров состоит из двух частей. Первая — процент за прослушивание и продажи альбомов. Это те выплаты, которые исполнитель и лейбл получает от стриминговых платформ и продавцов физических альбомов. Авторский процент там невелик, но в случае крупной звезды деньги капают приличные... а главное — постоянно, потому что хорошую песню будут понемногу слушать долгие годы. Вторая часть — это сам выкуп прав на использование песни. То есть лейбл и исполнитель выкупают основные права.

Иногда это эксклюзивные права, но чаще частичные. Условно — лейбл может сам решать, какая будет аранжировка, как ее будут исполнять, продавать ли право использования трека в рекламе и все в таком духе. И вот за возможность принимать эти решения без дополнительных контрактов с автором трека, студии выплачивали отступные. Сумма выкупа прав бывает весьма приличной — до миллионов долларов.

Дан не думал, что ему будут платить за выкуп прав. Его интересовал процент со стриминга и физических продаж, деньги за выкуп каждого трека он получить и не надеялся. Считал, что это будет платой за его стажировку «по благу». Ошибся. Песни будут продаваться. И, судя по всему, уже есть покупатели.

Дан все пытался понять — кто может купить песни. Понятно, что артистам все равно нужно что-то петь и многие покупают песни для наполнения альбомов, кто-то просто скорее сильный вокалист, кто-то в творческом кризисе... но в США в последнее время чаще работают с теми, кто сам пишет себе музыку, а не покупает песни пачками.

Поэтому подписанный договор интриговал. Стажироваться он будет по субботам, но время занятий предсказать нельзя: смотря сколько потребуется для работы. Дан это ожидал заранее, в этой сфере никто не работает с девяти до шести.

Учеба, ведение блога, еще и стажировка — много дел для пятнадцатилетнего школьника. Причем последнее он решил в блоге не освещать. Во-первых, потому что мало что в принципе мог осветить. Его заранее предупредили о контрактах о неразглашении, ведь процесс подготовки альбомов если и показывают зрителям, то уже когда этот альбом выпущен. Во-вторых, он считал, что подобные умения лучше держать... не то, чтобы в секрете, но уж точно не делать из них громкое событие. Чем громче кричишь — тем большего от тебя ожидают, а Дан только учится.

О том, что он стажировается, он скрывать не стал, просто не акцентировал на этом внимание. О том, что стажировка — это не про кофе и легкий заработок, могли знать разве что парни из рок-группы. Для остальных эта сфера была настолько далекой, что представления о том, чем он там занимается, были разными. А Дан на вопросы отвечал загадочно. Что, разумеется, стало причиной сплетен о том, что он там действительно просто носит кофе, попутно смотря на работу других. Да и... сама новость о его стажировке быстро забылась из-за других событий.

Впервые на стажировку он пошел в феврале. Субботнее раннее утро, а его аж потряхивало от нетерпения. Почти час он потратил на урегулирование внутренних вопросов с каким-то молодым менеджером. Ему выдали удостоверение сотрудника, которое давало возможность входить в офис, провели короткое интервью, он подписал несколько соглашений — их оговаривали заранее, это было что-то вроде правил поведения, потому что ему еще нет 16 и он не может считаться полноценным сотрудником. Здесь же — договора о неразглашении всего, что он увидит и особенно услышит в стенах студии.

Офисное здание в центре Нью-Йорка в 2015 не было главным местом для записи крупных звезд, чаще люди записывались на западном побережье. Но и здесь жизнь бурлила. У входа почти всегда дежурили папарацци, но их обычно немного — пара неудачников, не более. Но Дан не совсем неизвестный — он блоггер, так что рано или поздно его фото может стать причиной для обсуждений и ненужных вопросов. Вопросов к нему — что он там делает и с кем работает.

После того, как утрясли все детали, Дана проводили в отдельный кабинет. Слева от входа он походил на классический кабинет — с письменным столом, креслами для посетителей и книжной полкой, где вместо книг стояли журналы и диски. А справа располагался небольшой стол с несколькими мониторами, ноутбуком и оборудованием для микширования музыки. На стенах развешены обложки дисков в увеличенном формате — множество знакомых лиц и имен.

Когда Дан вошел в кабинет, он сразу заметил и хозяина. Это был массивный мужчина лет сорока, одетый в клетчатую рубашку, загорелый и с веснушками на постаревшем лице, он улыбался так широко и искренне, что не улыбнуться в ответ было просто невозможно.

— Я так понимаю, ты тот самый юный гений, который теперь будет моим падаваном?

От неожиданности Дан аж поперхнулся воздухом. Он поспешно кивнул, а мужчина в это время уже встал из-за стола и поспешно направился к Дану.

— Тимоти Фэлз, — все так же весело и радостно говорил он, — Понимаю, что разница в возрасте может показаться тебе смущающей, но в этой сфере не принято обращаться друг к

другу иначе, чем по именам, поэтому зови меня просто Тимоти. И... ты знаешь, кто такой падаван?

Дан нервно кивнул:

— Знаю, это из Звездных войн. Меня зовут Даниэль Хан. Обычно меня зовут Дан.

Тимоти яростно потряс его ладонь, а после сразу повел к столу у мониторов.

— Я продюсер, — Тимоти приобнимал его за плечи, направляя в нужную сторону и указал на стул, но разговаривать не перестал: — Продюсер не исполнителей или групп в принципе, а альбомов. Иногда — отдельных треков. Занимаюсь как созданием треков из сырого материала — что-то вроде того, что принес ты, — так и просто аранжировкой. Мои работы, в принципе, на стенах — либо продюсер, либо аранжировщик, либо был в составе авторов большей части треков на альбоме.

Дан удивленно уставился на диски. Первый альбом Кэти Пэрри висел ровнехонько над столом. Тимоти, усадив его, вернулся к своему столу, чтобы забрать папку.

— Я сначала скажу тебе новости, чтобы не томить, так сказать. Но уточню: о соглашении о неразглашении ты помнишь? — дождавшись кивка от Дана, Тимоти сел на соседнее кресло и положил папку на стол: — Семь песен, которые больше подходят мужчинам, покупает не определенный исполнитель, а лейбл для коммерческого альбома. Знаешь, что это значит?

— Когда какого-то артиста полностью продвигает лейбл? — неуверенно уточнил Дан.

Он примерно представлял о чем говорит Тимоти. Лейблы больше любят тех артистов, что пишут себе песни самостоятельно. Разумеется, даже эти артисты нередко покупают отдельные треки, некоторые записывают целые альбомы из чужих песен просто потому что сейчас вот такой период, или потому что желают коммерческого успеха. Есть еще условные селф-продьюс исполнители, чьи вокальные навыки (или навыки сценического присутствия) настолько высоки, что песни им пишут практически на заказ. Ну и есть просто те, кого лейбл создает полностью с нуля. Например — различные группы. Или тех исполнителей, чья задача — просто хорошо выглядеть. Кто-то из последних быстро затухает на звездном небосклоне, кто-то становится успешен. Проблема в том, что последние исполнители очень зависимы от благосклонности своих продюсеров и лейбла: они уже не могут решать, когда им записывать альбом и какие треки на нем будут. Лейбл может вложиться в артиста, а может отработать контракт с минимальными вложениями, спихнув впоследствии всю вину на певца-неудачника.

— Да, — благодушно улыбнулся Тимоти, — Эту группу мы продвигали. У нас с ними недавно закончился контракт и мы сначала не планировали его перезаключать. Но изменили свое решение. Для них это второй шанс.

Дан смущенно кивнул: он и не надеялся, что его песни купит кто-то популярный.

— Знаешь группу Jovial Attack?

Дан завороченно кивнул, но вслух уточнил:

— Они снимались в подростковом сериале?

Тимоти с улыбкой кивнул:

— Съемок в шоу уже не будет — они все меньше похожи на подростков и это просто глупо. Но парни были достаточно популярны. Их распад был продиктован тем, что не было материала, сами они готовы продолжать выступать. Мы решили попробовать выпустить еще один альбом.

Jovial Attack — одна из групп Disney. Состоит из четырех парней. Они снимались в

комедийном шоу, такой типичный подростковый сериал про молодых звезд. Шутки, приколы, первая влюбленность. Просто во главу сюжета была поставлена их дружба и то, как они пытаются стать знаменитыми. Сериал был относительно успешен, пусть и не настолько, как какая-нибудь Ханна Монтана. Так же — вроде успешны, но не слишком — была сама группа и их альбомы. Эту группу с самого начала отличало то, что они никогда не выпускали свои песни под лейблом Disney, хотя их туры и продвижение все равно было под контролем главного подросткового эксплуататора Голливуда.

— С моими семью песнями? — пораженно протянул Дан.

Тимоти доброжелательно улыбнулся и кивнул. Дану показалось, что он во сне — в теле появилось какое-то странное ощущение нереальности происходящего. Да, эта группа — не какие-то супер-звезды, но они были весьма популярны. И он будет работать над целым альбомом? Невероятно!

— Выпуск альбома — процесс долгий, — предупредил Тимоти. — Записывать будем летом, когда ты выйдешь на каникулы, но до этого момента нам нужно твой материал привести к некому общему знаменателю, придумать как эти песни будут звучать их голосами. Нам нужно до лета подготовить альбом для записи и продюсирования — чтобы маркетинговому отделу было с чем работать в плане создания обложки, идеи для клипа и все в таком духе. Дальше уже будет зависеть от того, как быстро мы запишем и они отснимут материал. Самое раннее, когда альбом может выйти — осень этого года.

Дан закусил губу, а потом уточнил:

— А нормально, что... ну, после подросткового шоу — и тексты про беспорядочные связи?

Тимоти попросту заржал. Радостно так, от души.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Пока пятнадцать, — ответил Дан.

— То есть они тебя старше в среднем на десять лет. Подростковое шоу закончено, петь дальше милые песни смысла нет — их поклонники тоже выросли и новых они не могут искать среди подростков. Они давно не мальчики и удивительно, как они еще взбунтовали по примеру Бритни или Майли.

[*Историческая справка. Disney дает подросткам шанс стать популярными. Они создают шоу, где молодые таланты показывают свои способности, набирают поклонников. Но при этом Disney заставляет подростков играть роль хороших мальчиков и девочек, которые должны стать примером для подражания других детей. Временами перегибают палку, отрицая любую свободу воли у молодых звездочек. Из-за этого многие после окончания контрактов пускаются во все тяжкие. Самые яркие примеры (по уровню известности, а не грехопадения) — известный выпуск клуба Микки Мауса с Бритни Спирс, Кристиной Агилерой и Джастином Тимберлейком, а также — Майли Сайрус, которая снималась в сериале Ханна Монтана, а после расторжения контракта стала причиной популяризации тверка.*]

Дан смущенно улыбнулся, но все же решил уточнить:

— А три песни, которые более женские?

— «Река памяти» — слабенькая. Ее если кто и купит, то для заполнения альбома, и то не факт. Может кто из кантри возьмет, им по стилю подходит. Пока она просто будет лежать в том виде, в котором есть. Две другие мы с тобой позже подкрутим и тогда уже можно будет продавать, но пока что их выкупит лейбл. Деньги за покупку девяти песен

поступят, когда все бумаги будут подписаны — пока что этим занимается твой отец... думаю, как раз сегодня они ему пришли. Но я не думаю, что это повод откладывать работу. Давай-ка начнем.

Тимоти выложил на стол тексты всех семи песен, пододвинул ближе контролеры. Они начали обсуждать — что общее есть у песен, где что однозначно не годится в тексте и мелодии, куда они будут вести тематику альбома. Тимоти же показал ему пожелания исполнителей — они хотели немного рок-атмосферы, но как минимум пару песен, подходящих для танцев.

После полутора часов обсуждений, когда все листы с текстом были исчерченны вдоль и поперек, Тимоти дал Дану «задание на дом».

— Смотри. Ты очень хорошо владеешь словом и неплохо чувствуешь музыку. Но пока что твои мелодии немного однотипны потому что ты все их пишешь в стиле гаражного рока... даже когда мелодия для фортепиано — все равно гаражный рок. Задача на дом именно как для композитора и аранжировщика. Вот эту песню записать в нескольких стилях. Обязательно танцевальный вариант — в стиле диско или дэнс-поп. Рэгги или кантри на выбор. Хип-хип или что-то смежное. Не меняй слова, но можешь повторять строчки, заикливать их и все в таком духе. Когда придешь на следующей неделе, я посмотрю, что у тебя получилось с нуля и после уже буду объяснять, как работаю над музыкой я.

Дан в ужасе смотрел на Тимоти. Песня об упущенной любви и в стиле диско? Как это вообще возможно? Тимоти засмеялся:

— Не хмурься. Это для того, чтобы у тебя хоть немного сформировался собственный стиль, а не подражание мне. Не особо усердствуй, сделай только общий мотив, без излишеств, хорошо?

Дан завороченно кивнул. Кажется, его стажировка будет более продуктивна, чем он ожидал.

Глава 14

Проснуться знаменитым

Приступить к «домашке» от Тимоти в тот же день Дану не удалось. Ему предстояло надеть сшитый для него наряд и пройтись по улице, имитируя модный показ. В Нью-Йорке шла неделя моды и суббота — самый удобный день для легкого школьного бунта. После он обещал прогуляться с Эшли, так что возможные варианты изменения мелодии пока что лишь толпились у него в голове.

То, что члены кружка делали, было не совсем коллекцией, несмотря на некоторую схожесть образов. Просто все создавали разные люди, шилось вручную самими «дизайнерами» и строго по меркам определенной модели. Не было украшений и аксессуаров — каждая модель несла свое. Из-за этого общий вид немного сумбурный. Общие ткани, одна тема — подросток, который является олицетворением (гуманизацией) Нью-Йорка, но моделей немного и они достаточно сильно отличаются друг от друга чем-то неуловимым.

Наряд Дану шил единственный парень в этом кружке. Девчонки больше были заинтересованы в женской одежде, а Айзек шил наряды для двух парней, которые согласились пройти. Сам он на «подиум» выходить не захотел. Довольно высокий, с орлиным носом и копной кудрявых волос, он жутко стеснялся своего роста, носа и волос. Но все время восхищался Даном. Дан же, покорно крутясь в серых брюках, отчетливо понимал, что он бы их купил.

После того, как он ехал в них до нужного места, еще больше понимал — крутые брюки. Удобные, мягкие. Вот что значит — качественная ткань и персональный пошив.

Вообще, ему нравился его образ, несмотря на простоту. Брюки со стрелками, но на ногах кеды. Сверху несколько слоев. Белая футболка с надписью «Nerd'n'Fashion» — отсылка к его рок-группе — и изображением статуи свободы в узнаваемой короне, только в школьной форме и за партой, а факел лежит на столе. Айзек сам нарисовал это на футболке. Сверху удлиненный кардиган в крупную бело-синюю клетку с коричнево-оранжевыми линиями поверх. И потом пальто цветом чуть темнее полосок на кардигане. Несмотря на обилие цветов — белый, серый, синий и оранжевый — все это удивительно круто сочеталось. Дан надел темно-синие кеды, а серый рюкзак ему отдал сам Айзек. [*Для контекста. Полосы на флаге Нью-Йорка — синий, белый, оранжевый. Оттенки синего, серого и оранжево-коричневого считаются основными во внешнем облике города.*]

До места доехали на метро, собирая любопытные взгляды. Не доходя до места проведения нужного показа — «захватывать» планировали улицу возле шоу Донны Каран — собрались, отладили на телефонах музыку, а после друг за другом начали выходить к нужному месту.

На каждом показе есть две точки с прессой. Одна — внутри. Туда проходят все самые важные селебы, там все красиво оформлено и нет лишних глаз. Вторая — на улице. Здесь тоже есть пресса, фотографы располагаются напротив входа на территорию показа и делают кадры в стиле стритстайла. И именно там устроили свой показ креативные ученики школы искусств.

Дан умел ходить. У них в агентстве всех высоких обучали основам моделинга, остальное — уже про темперамент и умение держать внимание публики. Дело не в том, что определенная модель красиво идет. Просто она привлекает внимание чем-то неуловимым и

на нее хочется смотреть. Дан не был уверен, что умеет именно ходить так, но вот получаться на случайных фото замечательно — это его конек. И, судя по количеству вспышек, это оценили и местные папарацци.

Их никто не прогонял. Даже напротив — несколько гостей остановились у входа, чтобы посмотреть. Никто не подошел, ничего не сказал, только репортеры попросили назвать имя дизайнера и кто-то выкрикнул название школы... когда они ехали в метро обратно к школе, в соцсетях появилось сообщение, что перед показом Донны Каран молодой и амбициозный Трэвис Смит-Вест представил свою коллекцию. Дан смеялся вместе со всеми. Судя по всему, репортеры не расслышали, что это название школы и поэтому имя основателя, причем немного исковерканное, представили как имя дизайнера.

Дана прямо в этой одежде пофоткали еще во дворе школы, он выложил фото на своей страничке, переоделся, они после гуляли с Эшли, вспоминая показ и смеялись. Они переживали и волновались, а на деле к ним отнеслись... как к детскому концерту в парке — не прогнали, но и какой-то выгоды они от этого не получили.

— Но все равно было классно, — призналась Эшли. — Мы долго готовились, много обсуждали. И создавать одежду с таким количеством ограничений было интересно. Поэтому, пусть это и прошло не так крышесносно, как мы ожидали, я рада, что вписалась в это.

— Иногда процесс важнее результата, — улыбнулся Дан.

А утром ему было не до улыбок. Он мылся в душе после пробежки, а за стенкой надрывался его телефон. Вышел в одном полотенце — в их квартире в каждой спальне была маленькая, но личная ванная. Ему звонила Эшли. Опасаясь, что что-то могло произойти, Дан перезвонил девушке.

— Ты видел?! — спросила она с таким явным нетерпением в голосе, что Дану стало не по себе.

— Что видел? — осторожно спросил он.

— Твое фото с показа повсюду, зайти в инсту.

Дан недоумевающе поставил звонок на громкую связь, сел на кровать и открыл приложение. Он уже привык, что у него вечно висят непрочитанные сообщения и уведомления о лайках и комментариях. Но в этот раз уведомления отображались цифрой 999, что несколько пугало. Перейдя на страничку, он на какое-то время замер с открытым ртом. За ночь его блог вырос в два раза. Еще вчера вечером он заметил, что на него подписываются люди, но эти подписки были сравнимы с днем рекламы. Вот только утром он обнаружил, что его цифра в четыреста тысяч человек превратилась в восемьсот тысяч. Как такое могло произойти за... пусть даже за десять часов?

— Что? Откуда все это? — удивился он.

Попутно открыл свой последний пост в той самой одежде — миллион двести лайков, несколько тысяч комментариев.

— Твое фото с указанием имени профиля в Нью-Йорк Таймс, — все так же нетерпеливо говорила Эшли. — О нас написали крошечную заметку, фото только два — твое и где мы все стоим толпой в сторонке. И тебя подписали как блогера.

Дан удивленно пялился на цифры и пораженно выдохнул:

— Спасибо этому репортеру...

Эшли несколько нервно хихикнула. Дан открыл директ — тысячи запросов на общение. Как это вообще возможно?

— Одна статья? Не многовато ли людей из-за одной заметки?

— Фото в сетевых изданиях вышли вчера, пока мы гуляли. Не знаю, кто узнал тебя и дал ссылку на личную страничку, но информация, судя по всему, расползлась быстро... у Айзека — ты его отметил — тоже сумасшествие на странице.

— И что такого там написали, что столько людей подписались, — удивленно протянул Дан и, услышав цоканье Эшли немного раздраженно добавил: — Что? У кучи моделей на страницах по паре тысяч подписчиков, с чего ко мне так много пришло?

Эшли захихикала:

— Просто ты классный. Ты почему трубку не брал?

— В душе был, — автоматически ответил Дан.

— Ммм... а в чем ты оттуда вышел?

Дан недовольно цокнул:

— Тебе не кажется, что это я должен задавать подобные провокационные вопросы?

— От тебя не дождешься. Я вот все еще не встала, поэтому лежу на кровати в шелковой пижаме нежно-розового цвета... трусики и маечка.

Дан прикрыл глаза. Воображение очень четко нарисовало эту картину.

— Ты смерти моей хочешь?

Эшли радостно засмеялась, словно добила своего, и весело ответила:

— Нет, просто проверяю реакцию. Ладно, разбирайся со своим социальным прорывом, но не забудь, что мы идем в кино сегодня!

Глава 15

Люксовый мальчик

Дан потратил несколько часов, разбирая то, что произошло за ночь и утро. Но при этом приходили все новые и новые уведомления и он удивлялся, почему его аккаунт все еще не забанен за подозрительную активность. Большую часть сообщений он оставил без ответа, но перебирать приходилось все. В этом ворохе «Привет, ты классный» встречались адекватные вопросы, но Дан их просто записывал, чтобы потом ответить на все разом. А еще были предложения о сотрудничестве, их он отмечал важными и оставлял на потом. В обед он опубликовал пост с ответами на самые частые вопросы — Да, мне пятнадцать, да, я учусь в частной школе, рост метр семьдесят девять, просто худой и поэтому выгляжу выше, у блога нет тематики кроме того, что я люблю искусство и масс-культуру во многих ее проявлениях.

Пока он смотрел кино с Эшли, на блог обрушилась очередная волна подписчиков — плюс сто тысяч сверху. Оказалось, на нескольких новостных порталах написали о том, что у Нью-Йоркского школьника блог за ночь вырос до невероятных высот, сделав его одним из самых молодых и успешных блогеров.

Все происходящее казалось чем-то ненастоящим. Дан не был к этому готов. Про его блог и прежде говорили, что он быстро растет, но последние события выходили за грани разумного.

Раньше YouTube служил основным инструментом продвижения — оттуда приходило больше всего новых подписчиков, его видео вирусилась и попадали в топ... теперь все стало иначе. Страницка с фотографиями и коротким текстом стала его визитной карточкой. И, так уж получилось, что ровно по таймеру в воскресенье в обед вышло видео, которое он закончил монтировать в субботу вечером. Дан из-за всего происходящего даже забыл, что у него что-то выходит на ютуб, но некоторые подписчики обоих аккаунтов начали писать в комментариях к фото, на видео начали переходить люди из инсты...

Он всегда любил одежду. Пока в прошлом был подростком, пытался подбирать свою одежду под то, что считается крутым среди его друзей и знакомых, но боялся делать что-то смелое, поэтому походил на подражателя репера. Сейчас, после стольких лет на сцене, когда ты вынужден выходить к зрителям в самых нелепых образах, он был более раскован. Да и школа искусств давала о себе знать.

В большей степени его стиль можно назвать преппи — что неудивительно, ведь большую часть времени он проводил в школьной форме. Но также было немало спортивной одежды, которую он миксовал с более официальными вещами. Вообще, если ты открыл для себя прелесть качественных брюк из фланели с добавлением синтетики, ты разлюбишь джинсы — они мягкие, почти не мнутся, не жмут, в них не жарко и они шикарно выглядят даже со спортивной обувью, если это не беговые кроссовки. [*Преппи — это стиль ученика частной школы, ребенка миллионеров или студента Гарварда. То есть расслабленная полуофициальная одежда.*]

В плане моды у него была приличная фора — столько лет в индустрии, где внешний вид и стиль важны. Но еще у него было желание... высказаться? Скорее — одеваться так, как хочется ему. Обычно его стиль был обусловлен либо удобством, либо решением стилистов, либо тем, что предлагает бренд, который он рекламирует. Сейчас же он сам одевался и это ему нравилось.

И еще забавляло, что в 2015 году он казался ярким в своем стремлении выглядеть стильно. Во-первых, пока что мало было блогеров-парней, которые показывают различные модные образы. Во-вторых, его нынешний модный стиль был все же не совсем подростковым и немного даже выходил за привычное представление о моде. Не потому что он был каким-то бунтарем... он просто видел развитие моды в следующие годы, поэтому будто немного опережал тренды, избегая всего слишком... яркого и модного. Те же огромные кроссовки от Balenciaga, которые он мог себе позволить вообще-то, он так и не купил и не надел — ему попросту не с чем их было носить. А вот прозрачные топы и укороченные футболки он спокойно надевал на танцевальные репетиции. И то, и другое пока что являлось скорее атрибутом представителей ЛГБТ+ сообщества, они создавали провокационные образы и добавляли больше радужности... Дан просто надевал то, что через десять лет станет для мужчин обыденной одеждой, как обыденную одежду. То есть без привлечения внимания и провокации. Просто прозрачный топ. [*Из-за волны модных образов в стиле самого красивого трансвестита на районе, многие начали забывать о том, что прозрачные майки придумали до этого и носили наиболее брутальные из мужчин. Их любили рок-звезды... и мужчины с красивыми пивными животиками жарким летом, чтобы через сеточку волоски на груди вылезали)). Было это давно, кажется, конец девяностых. Это на случай, если вы тоже прозрачное и короткое на мужчинах воспринимаете только как часть квир-культуры. Много зависит от остальной одежды и тому, кто это носит на себе.*]

Его блог не был о моде или стиле, но все же и того, и другого там хватало. Фотографии в разных аутфитах, например. Ну или его ролики с танцами — почти всегда он был одет в другую одежду, нужно же «выгулять» все подарки. И у него часто спрашивали — что это за вещь, где он ее купил. Дан обычно отвечал. Подписчики писали, что у него есть собственный стиль. Поэтому он и решил снять видео про бренды.

Видео, которое вышло на его канале, начиналась с того, что он рассказывал о школьном проекте, в котором он вот только вчера поучаствовал — «захват» показа. И дальше Дан рассказывал о своем стиле и некоторых предметах одежды, которые он считает важными для себя. Видео он записывал еще на прошлых выходных, просто вступление записал вчера вечером.

— У меня немного люксовых вещей, — говорил он на камеру. — большей частью — доступный люкс. Много обуви от Tommy Hilfiger, например. Есть отдельные вещи от Ralph Lauren и Lacoste, но почти все куплено в аутлетах. [*Моды здесь будет немало, но вот короткая расшифровка. Все перечисленные бренды — это люксовые вещи, которые доступны среднему классу американцев, причем даже не верхней его части, а просто обычным людям с уверенным средним доходом. Аутлеты обычно понимают как магазин с уцененным товаром и так было достаточно долгое время — там продавали брендовые вещи с браком, либо то, что не удалось распродать в бутиках. Со временем появились более дорогие аутлеты, где можно купить обычные сезонные вещи средней ценовой категории, просто в одном месте собрано по десятку, а то и больше брендов.*]

— У меня много спортивной обуви и одежды от Adidas, — продолжал Дан. — И я даже не буду скрывать, что практически всю их одежду мне они подарили сами — пригласили в большой бутик незадолго до Рождества, позволили выбрать кучу всего и просто вручили пакеты с тем, что мне подошло. И они выслали мне сами новые кроссовки по моему размеру буквально месяц назад.

Он даже продемонстрировал в кадре белые сникерсы, которые ему выслали недавно.

[*Не шоколад) Модель городских кроссовок, по-английски — sneaker, у них прямая толстая подошва.*]

— Ну и гвоздь программы — Louis Vuitton, — улыбнулся Дан. — Началось все с того, что я попросил у родителей на Рождество и окончание первого семестра в нынешней моей школе... — он выдержал небольшую паузу, — брендовый рюкзак... у многих моих одноклассников были дорогие люксовые вещи и мне так хотелось... — последнее он добавил смущенно, потому что это и правда была немного детская просьба, об осуществлении которой он и не мечтал. — И за несколько недель до Рождества мы с мамой пошли в бутик Louis Vuitton. Она расширила допустимые операции с моего детского счета, чтобы я купил рюкзак вроде как сам. У Louis Vuitton несколько моделей рюкзаков и лично я был уверен, что мы сразу его купим... но нас огорчили тем, что именно сейчас рюкзаков в наличии нет. Я расстроился и уже хотел уходить, но мама заставила их вынести ремни — мы купили вот этот. И еще кольцо. Одно из самых недорогих, но ношу я его часто.

Дан поочередно показал в камеру пряжку ремня и серебряное кольцо, а после деловито продолжил рассказ:

— Мы оплатили покупку, они записали мои данные, взяли номер телефона и обещали позвонить, когда появится рюкзак. Особенность была в том, что мама хотела непременно рюкзак из канвы Louis Vuitton. Кто не знает — это синтетический материал, который считается очень прочным... проще говоря, она хотела купить такой рюкзак, который подольше проживет у подростка. Мне позвонили за два дня до Рождества, пригласили в бутик, потому что пришли новые рюкзаки. Так я получил вот этот темно-серый Кристофер. Я с ним проходил до конца учебного года. А в августе у меня был День Рождения, я отложил деньги и решил купить модель... поменьше. Тоже в Louis Vuitton, чтобы не покупать опять ремни и кольца от другого бренда. Тем более — была модель, которая мне нравилась. Это рюкзак Кампус, он чуть меньше и уже из кожи. Его мне тоже продали с небольшим ожиданием — я хотел черный, а у них не было в наличие такого цвета. Но ничего лишнего я уже не покупал, просто выкупил свой заказ через несколько дней. И это, к слову, очень классные рюкзаки. Я, конечно, достаточно аккуратно ношу вещи, но... должен признаться, иногда приходится бросать их на землю, потому что больше поставить некуда. И ни одной царапины. Канва и правда не убиваемая.

Дан убрал из кадра оба своих рюкзака и продолжил:

— На всякий расскажу, почему мы не брали в каком-нибудь брендовом аутлете или через интернет-магазин. Когда ты приходишь в бутик самостоятельно, тебе могут сразу не продать что-то — это частая проблема, особенно если хочешь какую-то популярную вещь. Ее либо может не быть, либо они могут не захотеть отдавать ее тому, кто им едва знаком. Покупая в бутике, ты создаешь историю, тем самым как бы показываешь бренду, что ты постоянный покупатель и тебе стоит доверять... ну или типа того. Если бы я был достаточно богат, чтобы покупать по рюкзаку каждый месяц, мне было не важно создавать историю отношений с брендами. Но для меня эти покупки — редкость, а шансы, что я захочу через несколько лет какую-нибудь популярную вещьцу, весьма велики...

Дан, когда видео вышло, больше переживал о том, что он так мало рассказал о самом показе — он упомянул его только в самом начале видео, объясняя причину, по которой решил рассказать о своих вещах. Но он не учел другой факт. Его одномоментная популярность. То, что видео было записано до взрыва его популярности, было понятно всем. То, что он нерекламировал рюкзаки, а просто рассказывал, было понятно многим. Louis

Vuitton и так не жаловались на редкие покупки, но тут даже они заметили, когда внезапно к ним ломанулась толпа подростков за рюкзаками из канвы.

Для Дана эта история получила внезапное развитие курьерской посылкой в четверг рано утром. Курьер выставил у дверей их квартиры несколько фирменных пакетов Louis Vuitton и под роспись отдал Дану большой конверт из явно очень дорогой бумаги.

Дан с уже проснувшейся мамой затащили пакеты в квартиру и он вскрыл письмо. Бренд благодарил его за доверие и поэтому посчитал необходимым подарить ему кое-что на свой вкус. И так же понадеялся на дальнейшее сотрудничество.

— Распаковываем? — в предвкушении спросила мама, кивая в сторону четырех пакетов.

Дан согласно кивнул. Самым дорогим подарком оказалась сумка City Keeper — лаконичная модель на широком ремне. Она считается моделью унисекс — мужчины часто используют ее во время путешествий, чтобы держать деньги и документы при себе. В довесок к сумке были кроссовки, кепка и кардиган. Ну и мелочи — брелок и записная книжка. Общая сумма «подарка» около четырех тысяч долларов.

— И мы не должны это возвращать? — удивленно спросила мама.

Дан качнул головой:

— Они делают это постоянно. Про Louis Vuitton уже ходили сплетни, что они для рекламы сумок рассылают их блогерам... вполне вероятно, что для мужской одежды я случайно стал самым крупным после официальных селебрити...

— То есть будут еще? — уточнила мама.

— Кажется, мне все же нужен менеджер, — нервно хихикнул Дан.

Глава 16

Социальные достижения

И он оказался прав: ему действительно нужен был помощник. Louis Vuitton отличало лишь то, что у них уже был его домашний адрес. Все прежние подарки были от небольших брендов и приходили почтой на удаленный ящик. Люксовые бренды же обставляют свои подарки более помпезно и предпочитают вручать их курьерами. Уже на следующей неделе Дан давал свой адрес официальным представителям других брендов.

На подарках если и заработаешь, то только перепродажей. Но это может испортить отношение с брендом. Вот только не всегда именно дарят подарки, иногда это контракт на появление в кадре. Первыми и здесь были Louis Vuitton.

У Дана были правила, которые могли усложнить его работу с рекламодателями: он отказывался надевать тотал-луки. Впрочем, пока что он был такой не один — большая часть фэшн-блогеров тоже отказывались надевать все от одного бренда, соглашаясь на рекламу только отдельных предметов. Дан дорожил своей аудиторией и поэтому сразу уточнял, что рекламная одежда должна быть в его стиле и иметь предметы других брендов.

Официально оплата проходила от Louis Vuitton, но на деле с Даном работал менеджер, который, кажется, был представителем всего огромного холдинга. [*Louis Vuitton является частью огромной компании LVMH, которая управляет множеством люксовых брендов — Dior, например. Бренды внутри холдинга все еще являются конкурентами, но и сотрудничают между собой охотно, если это не официальное сотрудничество*]

Ему позволили оставить футболку из масс-маркета, выдали брюки от Dior, а кардиган и кроссовки — от Louis Vuitton, к тому же вынесли еще одну модель рюкзака, которой ранее у Дана не было. Украшения на нем остались его, к рюкзаку он сам прицепил один из обыденных брелков, такие носили многие его одноклассники, а в качестве реквизита он купил в супермаркете бутылочку сока. Менеджер помогла ему сфотографироваться у входа в Нью-Йоркский бутик, а в описании к посту он написал о пополнении в коллекции рюкзаков и честно поставил хештег рекламы.

Ему подарили весь его аутфит, а сверху заплатили за факт рекламного поста. Причем не просто вручили деньги — это был контракт на оказание услуг, со всеми отчислениями и налогами, несмотря на то, что Дану все еще было пятнадцать и работать с ним из-за этого сложно.

После этого мама стала его полноценным менеджером. Точнее — она была вынуждена им стать. Из-за того, что блог Дана вырос так быстро (к марту у него уже был миллион подписчиков), его охваты били все рекорды. Огромные просмотры, высокий процент лайков, а еще... еще очень высокая покупательская способность многих его подписчиков.

Сама индустрия блоггинга только входила в свою пиковую фазу, и парней пока что было немного, особенно молодых, которые бы подходили для рекламы дорогих и люксовых вещей. Прибавить к этому тот факт, что блогер — это интернациональное явление, особенно в инсте. Когда ажиотаж после той недели моды спал, на него снова стали подписываться азиаты. Корейские, японские и даже китайские парни, в культуре которых не было стигмы на красивой одежде для мужчин, видели в нем модного американца, но привлекательного именно с их точки зрения. Дошло до того, что у него появились фан-странички в корейских, японских и китайских соцсетях, где все его аутфиты разбирали на составляющие с ссылками

на сайты брендов, где это можно купить.

Именно из-за азиатского рынка, за который сейчас сражались бренды, его и окружали постоянные просьбы о сотрудничестве. В школе все чаще шутили, что он еще не выпустился, но уже претендует на звание самого известного выпускника.

Для Дана, впрочем, уже весной блог стал какой-то рутиной. Он каждые выходные составлял контент-план на неделю, просчитывал сколько фото ему нужно и просто уделял в день минут по пятнадцать на фото, а после еще минут пятнадцать на написание поста, расставление хештегов и саму публикацию. Комментарии разбирал если было дополнительное свободное время. О том, что его блог — это хобби и он просто физически не может себе позволить отвечать всем, он честно написал в одном из постов.

За неделю и на выходных он снимал два ролика. По традиции один был либо кавером, либо репетицией их рок-группы, либо каким-то танцем, записанном в школьной студии, — то, что относится к творчеству. И так же частями записывал какое-то видео в стиле блога или обсуждения. Чаще всего он болтал на какую-то тему. Были видео с уходовой косметикой — он с иронией рассказывал о том, что его запасы косметики чуть ли не больше, чем у старшей сестры и мамы вместе взятых. Было пару видео с мужским азиатским макияжем, но они скорее шуточные, потому что делать это он не особо умел и в прошлой жизни, а в этой и вовсе краситься не начинал, делал макияж только на выступления, где тушь и помада расценивались скорее как актерский грим, чтобы зрители банально видели твое лицо из зала. А еще было несколько роликов практически без слов, не считая нескольких вставок с его рассуждениями. Он просто ставил камеру, записывая свои повседневные дела, иногда дорогу куда-то. Получалось вполне атмосферно даже без объяснения происходящего.

Было и несколько деталей, которые он никогда не показывал ни на фото, ни в видео. Во-первых, родителей и младших сестер. Они обсудили это еще когда он только начал показывать свою жизнь — никаких фото семьи, никаких фото у подъезда или входной двери, где можно увидеть номер квартиры. Его дом должен остаться тайной как минимум для тех, кто не умеет проводить сложные расследования по видам из окна.

Во-вторых, он не говорил о тете вообще. То, что его папа адвокат, а мама преподает в университете, он не скрывал. Но вот тетя была просто тетей, без профессии. Ее работа слишком серьезна, чтобы ставить ее под угрозу — она работала переводчиком в администрации президента, а туда не так-то просто попасть.

И в-третьих, он не упоминал о стажировке. Точнее, что-то сквозило — он все же ходил туда каждую субботу и проводил там иногда полчаса, а иногда и весь день, да и о том, что он в принципе стажировается в студии звукозаписи, знала почти вся его школа и это не могло остаться совсем уж тайной. Тайной было то, как именно он стажировается.

Тимоти из-за шумихи вокруг блога посоветовал взять на первое время псевдоним для своей музыкальной деятельности. Сказал, что писать под своим именем есть смысл, когда твое имя уже известно, в остальных случаях безопаснее сохранять некоторую анонимность. Особенно во времена доступности личной информации. Дан был с ним согласен. Они официально зарегистрировали его «продюсерское имя» — BongHyun. Это его корейское имя — Бонгхён... Благородный Феникс. Бабуля выбирала, что сказать. Именно под этим псевдонимом он будет значиться на дисках и в списках правообладателей, что давало ему возможность самостоятельно решать — говорить людям о том, чем он занимается, или нет.

А он пока не хотел, ему и известности из-за блога хватало за глаза. Если при этом кто-то начнет ожидать от него большего в плане выпуска альбомов, даже его взрослая психика

может не выдержать напряжения. Ему нужна передышка. Но кто ж ее даст.

В начале апреля вышел рейтинг успешности рекламы в соцсетях. Это был первый подобный выпуск, который как бы окончательно утвердил, что такой вид рекламы чуть ли не важнее любой другой.

Одна независимая платформа получила доступ к части финансовой статистики брендов. Если точнее — к тому, что и когда покупают больше всего. Точную информацию им, разумеется, не давали — просто кривую прибыли по всем покупкам и по отдельным группам (сумки, женская одежда, аксессуары, парфюм) или отдельным товарам. Сотрудники платформы взаимодействовали со статистикой социальных сетей и поисковых служб, заполняя недостающие пробелы. Потом они уточняли информацию и давали примерную оценку — сколько бренд заработал на той или иной публикации блогера или селебрити.

Полный список включал пятьдесят позиций — рекламный пост, товар и примерная прибыль бренда. Чем больше бренд заработал, тем выше ценится рекламный пост. Дан в эти пятьдесят позиций попал три раза. Больше него — только сестры Кардашьян, футболисты, Канье Уэст и Ариана Гранде. И он же был единственным блогером в топ-10. На десятом месте, правда, но все же.

Первые десять строчек имели свое объяснение — что покупали и где, как выяснили и все в таком роде. Оказалось, что кардиган, кроссовки и рюкзак от Louis Vuitton были почти полностью раскуплены в азиатских бутиках. Прежде таким мог похвастаться не каждый айдол, а уж для блогера из США — невероятный показатель.

В рейтинге учитывались только рекламные посты — либо с меткой «ad», либо идентифицированные как реклама по другим критериям. Тотал лук, описание образа, прямое указание от бренда — они больше всех были заинтересованы в статистике и сами указывали, за какой пост они заплатили. Видео Дана из-за этого туда не попало. Как не подсчитывали и то, сколько он гипотетически приносил Adidas, танцуя в их одежде. Все посты, которые оценили как рекламу, были оплачены люксовыми брендами. Saint Laurent одевали его в костюм, в котором он посещал мюзикл. Tommy Hilfiger подарил одежду, в которой он гулял в парке. Оба поста стали весьма популярны.

Для Дана этот рейтинг стал причиной еще одной волны подписчиков. Теперь всем было еще интереснее — что же там за школьник рекламирует люкс и зарабатывает на этом миллионы... не для себя, для брендов. Хотя ценник Дана после рейтинга заметно вырос. Он брал одну рекламную интеграцию в десять дней, все еще боясь превращать блог в сплошную рекламную площадку и слишком явное место для фэшн-вдохновения. Из оплаченных постов — а их было шесть — три попало в топ за эти три месяца. Невероятный результат для школьника. Для Дана, а особенно для его мамы, все эти успехи слабо укладывались в цельную картинку. Поэтому, когда Gucci предложили заплатить ему пять тысяч долларов за фото, мама даже переспросила у них — они не ошиблись в цифрах? Они накинули сверху еще тысячу, решив что она хочет больше.

К концу апреля у Дана было миллион и двести тысяч подписчиков в инсте, и еще миллион на You Tube, что сделало его рекордсменом среди блогеров. Звезды и просто те, кто появлялся на различных тв-шоу, добивались подобного и быстрее, но для обычного школьника это было невероятным результатом.

Глава 17

Зависимости

Даниэль никогда не был гуру моды или стиля. Тем более он мало что знал о социальных сетях. Но при этом его всегда интересовали эти темы. Когда был школьником, старался одеваться модно... получалось так себе. Позднее, став айдолом, он начал больше общаться со стилистами и иногда сам создавал себе образы, любил покупать одежду и со временем наплевательски относился ко многим гендерным предрассудкам. Женские сумочки на длинном ремне, куда можно положить телефон и портмоне, были его явной слабостью, например.

Несмотря на отсутствие образования, он всегда был любопытен и не стеснялся задавать вопросы. Поэтому сейчас даже неплохо ориентировался в модных течениях. То же самое касалось и социальных сетей.

Была у него подруга в индустрии, которая как-то рассказывала о модных блогерах. Точные данные стерлись из памяти Дана, но какие-то обрывки остались в воспоминаниях. Например, что первых модных блогеров не любили. Считали их выскочками, не одобряли их поведение. Дан еще запомнил эту мысль, что модная индустрия долгое время была закрытой сферой со своими правилами и законами, а блогеры этим правилам подчиняться не желали. Ну и еще — они украли у модных журналов часть рекламных денег, потому что со временем бренды начали отдавать часть бюджетов людям в сети, а не профессионалам, которые работали в рекламных агентствах и модных журналах.

Дан не знал точных дат, но слышал о том, что в какой-то момент люксовые бренды додумались рассылать свои товары не только селебрити, но и блогерами. А еще — что платили за рекламные посты. Со временем так начали поступать не только крупные люксовые бренды, но и нишевые, а после и крошечные фирмы, часто продающие всего один-два товара. Просто блогеры разные и их оплата тоже.

Дан, начиная вести блог, надеялся на покупку рекламы у него. Не думал, что это произойдет так быстро и с такими крупными рекламодателями, но надеялся. Он с самого начала уделял много внимания тому, в чем он фотографируется, по сути весь свой гардероб подогнав под стиль преппи.

Блог для него был то ли способом получить рычаг влияния, то ли планом Б. Корейские агентства своеобразны, ему могут и не позволить оставить блог после становления трейни. Если уж откровенно говорить, его могут вообще не принять как раз из-за блога — слишком уж огромен его цифровой след. Да и девушка у него теперь есть, что перечит главному правилу айдола: его любовь принадлежит только фанатам. Причем правило это беспощадно в своей нелепости: корейские фанаты обычно желают, чтобы у айдолов вообще никогда не было отношений... святые и непорочные, они должны смущаться, просто прикоснувшись к противоположному полу.

В случае, если его не примут из-за падения морального облика, он попытается стартовать в другом агентстве, а если и это не пройдет... остается шоу-бизнес США. Будучи азиатом, это будет сложно сделать, даже с трамплином в виде блога.

Поэтому после первых же рекламных интеграций он сел обсудить с мамой, что будет делать дальше.

Пока что мама оставалась его менеджером, ведя всю переписку с рекламодателями,

но Дан сомневался, что она сможет делать это постоянно. Годик бы протянуть... потом уже нанять кого-нибудь.

— Я не хочу становиться чисто модным блогером, — честно сказал он. — И я сомневаюсь, что в долгосрочной перспективе огромное количество рекламных постов будет полезно.

Мама устало вздохнула, соглашаясь. Она вообще была не в восторге от того, насколько популярен становился ее несовершеннолетний сын. Родители вполне разумно опасались этой известности и того, как многое о Дане известно незнакомым людям. Вот только все понимали, что менять что-то уже поздно, и оставалось только минимизировать риски.

— Значит, мы составляем типовые требования, которые я буду отсылать всем страждущим рекламы, — мягко улыбнулась мама. — Или ты хочешь вообще отказаться от рекламы?

— Вот еще! — фыркнул Дан. — Я, конечно, не ожидал такого сумасшествия, но отказываться от денег я не собираюсь... они точно лишними не будут. Давай из того, что я считаю важным для себя и своего блога, чтобы чувствовать себя комфортно.

— Четыре поста в месяц? — уточнила она.

Они опять сидели на кухне, Мэри рядом грела уши — популярность младшего брата ее скорее забавляла... а то, что творилось по поводу его популярности в его прошлой школе, заставляло ее мерзко хихикать: Дана в прежней школе еще помнили, многие обсуждали то, что он из мальчишки-изгоя внезапно стал по сути селебрити.

— Думаю, даже три поста. Раз в десять дней, — вздохнул Дан. — Они сейчас с ума сходят из-за большого количества активных подписчиков, но такими темпами я перегружу блог рекламой и будет хуже уже через полгода.

Мама кивнула. Она написала этот пункт прямо в кухонном блокноте, где обычно записывалось все подряд — от рецептов до времени прихода газовой службы.

— Я не соглашусь на тотал-луки, — задумчиво протянул Дан. — И на вещи, которые категорически не подходят моему гардеробу.

— меховые мюли? — хихикнула мама.

Мэри тоже прыснула со смеху. меховые мюли — это модель обуви от Gucci. Смотри других блогеров, Дан постоянно видел эту пару обуви, она была просто повсюду. Популярнее нее был только чертов желтый ремень от Off-White, который казался вездесущим из-за низкой стоимости. Но все же кожаные тапки с меховым задником казались Дану слишком странной вещью для рекламы, в то время как Gucci, уловив волну популярности, пытались вручить их и ему.

— меховые мюли только вместе с пижамой, — скорчил недовольную рожицу Дан. — У них в бренде навалом эклектических вещей для образов смарт-кажуал... пусть блузку с бантом пришлют... или брюки с этим странным принтом.

[*Эклектика — это стиль в одежде (впрочем, и в интерьере тоже), который характеризуется яркостью, смешением стилей и эпох, но все это наслаивается на обыденные нам вещи. Проще прогуглить картинки, чем объяснить.*]

— Они предлагают сумку и блузку с бантом, — улыбнулась мама. — Еще пожелания есть?

— Не беру тотал-луки, не рекламирую то, что категорически не подходит по стилю и то, что уже стало неприлично популярным, — подытожил Дан.

Мама что-то еще чиркнула в блокноте и перешла к более неприятным вопросам.

Сначала ценам. Потом дошли и до подарков, которых становилось все больше. И до приглашений в ток-шоу, от которых Дан тем более желал держаться подальше.

Были, впрочем, и адекватные предложения о сотрудничестве, просто уже с крупными блогерами. Это тоже приходилось как-то впихивать в расписание. Да и про стажировку не стоило забывать.

Сейчас он особенно радовался, что взял псевдоним для своей музыкальной деятельности. Он все еще виделся с Тимоти примерно раз в неделю, они постепенно меняли песни, больше работая над музыкой, чем над текстами. Иногда над какой-то песней они могли просидеть в студии около восьми часов, заказывая еду на место. Тимоти поил его кофе, учил пользоваться оборудованием в студии и даже брал на чужие записи, объясняя все, что он делает.

Когда Дан поинтересовался, почему он это делает, Тимоти рассказал одну традицию этой сферы.

— Знаешь, как обычно говорят о мире музыки: там все продажные, все друг друга ненавидят?

Дан кивнул, а Тимоти продолжил:

— Ну так вот. Индустрия эта — такая же, как и вся наша жизнь. Есть продажные и завистливые, если добрые и понимающие. Когда я начинал, мне очень помогли, меня обучили, мне все показали... правда, долгое время не давали возможности работать самостоятельно. И когда я благодарил за эту поддержку в начале моей карьеры, мне сказали, что я должен передать это по цепочке — сам обучить несколько специалистов, чтобы развивать музыку и приводить в нее талантливых людей. Поэтому то, что я обучаю тебя — это и благодарность моим учителям и забота о будущем. Если мы будем брать только друзей и знакомых, то нас очень скоро действительно оставят позади авторы bedroompop [*Это сленговое название новой музыки, которую исполнители записывают самостоятельно, делая студию из подручных средств и с минимальными вложениями. Спальным его называют еще и из-за звучания: обычно это медленные и расслабляющие песни, словно созданные для плейлистов-колыбельных.*]

— То есть я потом тоже должен кого-то обучить? — у улыбкой уточнил Дан.

— Как только начнешь самостоятельно работать — сразу можешь и начинать, — улыбкой ответил Тимоти. — Ты мой третий ученик.

— Два других достигли успеха?

Тимоти покачал головой:

— Не совсем. Один работает в студии звукозаписи в Лос-Анжелесе, он один из звукорежиссеров, второй пишет лоу-фай мелодии для радио вроде Relax, сотрудничая со стримингом. Но ты сразу пришел... с сильной базой, так что в твоём успехе я уверен.

Дан смущенно кивнул. Он пока в своем успехе уверен не был. По его собственным прикидкам, он бы, во-первых, без Тимоти не смог так обработать свои песни, во-вторых, там в целом по музыке пятьдесят процентов работы — это заслуги Тимоти, который обрабатывал все, что Дан насочинял.

Пока что было готово всего три песни, во многом потому что Тимоти больше времени тратил на само обучение, давая Даниэлю что-то вроде базы. Учителем он был превосходным, рассказывал то, чему вряд ли учат в университете. Всегда давал домашнее задание, которое помогало довести некоторые навыки до автоматизма. Вроде работы в различных программах — Дану казалось, что он сейчас в любом состоянии способен в этой

программе сделать самые неочевидные вещи.

И ему нравилось это. Дан и не думал раньше, что процесс создания музыки может стать для него настолько важным и интересным. Иногда создавалось ощущение, что он видит нотные листы или разбивку звуковых дорожек на экране, стоит ему закрыть глаза. Звуки и идеи мерещились ему повсюду и он с нетерпением ждал каждую субботу, чтобы узнать что-то новое.

Музыка действительно становилась его страстью и он отчетливо понимал что, в целом, может быть счастлив и вне сцены если что. Творчество — тоже наркотик, если у тебя получается творить нечто качественное.

Глава 18

Неожиданные предложения

Начинало казаться, что жизнь понемногу нормализовалась. Он учился с понедельника по пятницу, начиная с утра, заканчивая примерно в четыре часа дня. После школы два раза в неделю ходил на тхэквондо, умудрившись даже как-то буднично получить третий дан. [*В некоторых школах даны получают вообще без соревнований — просто сдачей нормативов. Типа насколько хорошо выполняешь удары ногами по мишени*] В остальные дни он тоже редко сидел дома. Ходил гулять с Мэри или парнями, встречался с другими блогерами, по средам репетировал с рок-группой, старался выделить вечер для записи роликов. По субботам к полудню ездил в студию стажироваться, а до этого работал над блогом — писал план на неделю, размышлял над местом для фотографий и образом. Да, нередко заранее подбирал себе аутфиты на целую неделю. В воскресенье старался отдыхать — гулял, проводил время с семьей, смотря вместе какие-то фильмы, обычно еще писал музыку. Еще почти каждую неделю он посещал какое-то городское событие: то ходил на мюзикл, то на рок-концерт, то на баскетбольный матч.

Рутинные занятия втискивал где-то между. Тексты, например, писал перед сном. Ролики редактировал по вечерам, фотки обрабатывал в транспорте или в перерывах между делами, книги читал тоже чаще по дороге в школу и из нее.

На самом деле, график выходил слишком плотным и Дан отчетливо понимал: в следующем учебном году придется брать поменьше дополнительных занятий... и перевестись в другую группу тхэквондо, ко взрослым, которые ходят раз в неделю для поддержания формы.

Чего он точно не ожидал, так это что судьба ему внезапно подкинет кое-что неожиданное. Дан в тот день возвращался со стажировки, немного шальной от усталости и довольства результатами работы. И тут мама сообщила ему очень важную новость — его приглашают на ужин. Технически, сообщение пришло вечером пятницы, но даже у мамы не было времени разбирать все сообщения несколько раз в день, поэтому она прочитала его в субботу утром, когда Дан уже сбежал в студию. Пугать его звонком мама не решилась, поэтому огорошила дома.

Представители бренда Луи Виттон хотят встретиться с ним лично в ресторане завтра вечером.

Они в своем сообщении указали, что мама может перезвонить по указанному номеру, а во время звонка объяснили, что хотели бы поговорить с Даном лично и обещают, что любые контракты будут обсуждать только в присутствии родителей, но им нужно сначала обсудить все с самим... блогером.

Дан не имел ни малейшего понятия, почему с ним хочет поужинать сам Ким Джонс. Он дизайнер мужской линейки, но не креативный директор... да и вообще — зачем встречаться лично с блогером?

Но и отказаться от подобного... ладно возможные упущенные возможности... он же умрет потом от любопытства! Пришлось сменить планы. И вот вечером воскресенья Дан надел костюм, рубашку Луи Виттон и их же кроссовки — Дан предпочитал по возможности добавлять что-то спортивное и в официальные образы — перекинул через плечо сумку с узнаваемым принтом и на такси доехал до нужного ресторана. По имени его проводили в

отдельную кабинку на втором этаже, где уже его ждали двое: мужчина и женщина.

Дан знал, как зовут человека, который создает мужские коллекции — все же он эту одежду носит по рекламным контрактам, а не просто случайно покупает в магазине, — но он никогда не видел его лично. Приятной внешности мужчина казался мягким и даже скромным, что мало походило на того, кто занимается модой — почему-то интуитивно ждешь кого-то вроде Карла Лагерфельда, чтобы обливал волной презрения даже с фото, а Ким Джонс был милым мужчиной.

Женщина вместе с ним была красива, несмотря на то, что не походила на типичное современное лицо с билбордов. Мягкие черты лица, никакой остроты в линии скул и подбородка, но большие синие глаза с длинными светлыми ресницами. Невысокая, не слишком-то худая, со светлыми волосами, собранными в аккуратную прическу с выпущенными прядями. В платье и на каблуках. Дан нахмурился, рассматривая ее — он однозначно где-то ее видел, но не мог вспомнить... казалось, что женщину с такой внешностью он бы запомнил. Наверное, мелькала по телевизору.

— Добрый вечер, — Дан был так смущен, что не смог удержаться от аккуратного корейского поклона, который не делал уже больше года.

— Добрый, — улыбнулся мужчина, вставая. — Проходи. Меня зовут Ким Джонс, можно просто мистером пока что. А это — Анна Арно. Думаю, можно остановиться на мадам.

Из-за имени Дан сразу вспомнил ее. Анна Арно — новая супруга одного из сыновей владельца всего огромного холдинга, которому принадлежит бренд Луи Виттон. Она русская... или что-то вроде того, что и вызвало такие обсуждения ее персоны — это уже вторая русскоговорящая невестка в этой семье, первой была знаменитая модель.

Дан пожал руку мистеру Джонсу, приветливо кивнул «мадам Арно», которая выглядела слишком молодой для «мадам», а после сел на свободный стул. Заказ сделали без него — на столе стояли закуски, которыми ему и предложили угоститься.

Дан ожидал делового разговора, но первое время его больше спрашивали об учебе, о блоге, о том, как он выбирает одежду, что любит в моде и что о ней знает. В общем, вели какой-то легкий разговор ни о чем.

— Ты прав, — кивнула наконец мадам Арно. — Он идеально подходит новой концепции.

Мистер Джонс самодовольно улыбнулся и вежливо объяснил:

— Мы в очередной раз перерабатываем концепцию бренда. Мадам Арно — новый креативный директор. Ее объявят со дня на день, но работает мы уже около месяца.

Дан зачарованно кивнул. Он смотрел на мадам Арно и отчетливо понимал, что ее не было в его прошлой жизни. Точнее — он не знал наверняка была ли она женой сыновей Арно-старшего, но ее однозначно не было на посту креативного директора бренда, эту должность занимал мужчина.

Что это? Эффект бабочки? Дан понимал, что изменения его жизни повлекут изменения вокруг, но это слишком... далекое от него изменения. Как такое случилось? Почему эта женщина оказалась на своем месте? Они ведь совсем не связаны между собой...

С другой стороны — он никогда не был настолько уж внимателен к происходящим вокруг событиям. Вдруг изменилось не только это? Он не может знать все и изменения могли быть и раньше, просто он не знал, что это изменения. Все ли люди до сих пор на своих местах, если Дан уже не там, где был раньше?

— У нас много планов, — улыбнулась мадам Арно после непродолжительной паузы, —

И так получилось, что с некоторыми концепциями мы определились недавно и вынуждены... делать все в сжатые сроки.

Дан кивнул. Он знал, что модная индустрия работает в быстром темпе, хотя достаточно медленно принимает решения и реагируют на новые веяния. Два раза в год модный дом должен представлять коллекцию, но не всегда они работают над нею непосредственно полгода. Во-первых, между коллекциями есть коллаборации и небольшие выпуски одежды, плюс запуски украшений, парфюма, рекламные кампании и журнальные съемки. И сверху еще необходимость отслеживать модные веяния. Поэтому в среднем к показу начинают серьезно готовиться за три-четыре месяца. Мужская неделя моды в Париже традиционно проходит в конце июня, то есть до нее чуть меньше двух месяцев. В это время уже начинают готовить рекламную кампанию.

— Подождите, — нахмурился Дан, — Вы хотите предложить мне сняться в рекламной кампании бренда?

Дальнейший разговор показал, что примерно это они и хотели, хотя первоначально не были уверены в том, что озвучат предложение. Все же пятнадцатилетний парень, без реального модельного опыта, не какая-то супер-звезда... Но Луи Виттон менял концепцию бренда... или даже скорее — создавали ее.

Долгое время Луи Виттон производили только чемоданы, сумки и другие аксессуары. Модную одежду они начали делать относительно недавно, поэтому не успели сформировать какой-то цельный образ. Они создавали успешные коллекции, сформировали несколько узнаваемых фишек для бренда, но при этом нельзя было сказать, что «Девушка Луи Виттон — это...». Дан знал, что в последствии это им аукнется — во время мирового кризиса, когда основными покупателями люкса снова стали самые богатые люди планеты, они отдавали предпочтение более концептуальным брендам. И то, что они решили работать над этим уже сейчас... еще одно изменение в положении дел.

Дан не планировал соглашаться на любое постоянно сотрудничество — они с мамой обсуждали, что это занимает слишком много времени... но они и не думали, что сотрудничать предложит не нишевый доступный бренд, а люкс. Особенно на таких условиях.

Они не оформляли его как официального посла бренда — это бы привлекло ненужное внимание. Они устраивают его на работу как модель, планировали снять его в рекламной кампании, выдать приличное количество одежды для повседневной носки и появления в блоге, а еще... предложили участвовать в модном показе в качестве модели.

В пятнадцать лет Дан был ростом уже метр восемьдесят, это нижняя граница для модельной карьеры, но он никогда не планировал заниматься чем-то подобным. И все же... пройтись по подиуму... как минимум интересно.

Мадам Арно и мистер Джонс спешили — отснять рекламу нужно самое позднее в первых числах июня, а ведь нужна еще примерка. Поэтому контракт подписали за пять дней — небывалое явление для модной индустрии, где такие вопросы могут решаться месяцами. Но ради этого каждый день Дан с родителями обсуждал условия контракта, а после папа обсуждал его уже с представителями бренда. И так пять дней подряд, чтобы в субботу утром, еще раз перечитав контракт, Дан не поставил под ним свою подпись. Мама заверила его решение своей подписью и свободного времени у Дана стало настолько мало, что ему пришлось просить об уступках в школе.

Он должен был сниматься для рекламной кампании прямо в Нью-Йорке, причем еще и в разных локациях, где каждый раз для съемок приходилось перекрывать часть помещения.

Его снимали в Нью-Йоркской публичной библиотеке, на Центральном вокзале, за столиком в уличном кафе и рядом с желтым Нью-Йорским такси. Бренд делал упор на то, что человек, который выбирает Луи Виттон, образованный, современный, ему не чужда мода, он часто путешествует, ценит комфорт и новые впечатления. Дан им подходил, потому что он воплощал большую часть их представления о «человеке Луи Виттон» за исключением путешествий — Дан путешествовал в Корею раз в пару лет, а еще они иногда путешествовали с семьей по США на каникулах, но это все равно редкие явления.

Когда рекламу отсняли, представители бренда посмотрели на то, как он ходит — их все устроило — а уже после жизнь Дана вернулась в более-менее привычное русло.

Глава 19

Родительские горести

Гарри как-то незаметно заболтался с сестрой — вроде ничего и не обсудили, но проговорили больше часа. Он вышел из спальни и осторожно выглянул в гостиную. Девочки — Мэри, Летти и Вэнди — сидели у телевизора. Смотрели корейский сериал — сквозь не самый качественный перевод на английский слышалась корейская речь. Они пристрастились к ним с полгода назад, с тех пор обсуждение актеров и историй про чеболей — их главное хобби на троих, несмотря на приличную разницу в возрасте.

Решив, что в гостиной ему делать нечего, ведь истории о неземной любви он и без корявого перевода не любил, Гарри открыл дверь кабинета Энди. Он ожидал, что и Дан будет здесь, но жена сидела у ноутбука одна.

— Что, девчонки выселяют из гостиной? — усмехнулась она, отвлекаясь от экрана.

— Я даже не знаю — радоваться или печалиться, — Гарри сел на диван, — С одной стороны — они пристрастились к корейской культуре, с другой — могли выбрать и что-то более культурное.

Энди засмеялась, соглашаясь с такой характеристикой внезапной любви к дораммам. Вспомнив о культуре исторической родины, Гарри устало вздохнул:

— Ну, по крайней мере, они еще не озвучили, что мечтают стать к-поп айдолом.

Энди тоже печально улыбнулась и немного развернулась к нему, не вставая еще из-за стола.

— Мы и правда его отпустим? — печально спросила она.

— А какая альтернатива? — хмыкнул Гарри. — Если мы позволим уехать после окончания школы, то хотя бы сохраним хорошее отношение с ребенком, а если запретим, то через год, когда ему исполнится восемнадцать, он уедет сам... деньги-то у него теперь есть, манипулировать этим не получится.

Энди согласно хмыкнула. Дан, когда обсуждали контракт с Луи Виттон, настоял на сроке в два года. Когда они осторожно поинтересовались о причине такого срока — бренд хотел более долгий договор — их гений-сын и выдал, что хочет попробовать дебютировать в корейской сфере развлечений. Причем сказал об этом так буднично, будто это какая-то мелочь — переехать в другую страну и стать звездой там.

— Кстати о деньгах, — немного печально улыбнулась Энди. — Оплата контракта сегодня пришла. После вычета всех налогов у Дана на личном счету уже сто пятьдесят тысяч долларов... и он согласился на контракт с модельным агентством, поэтому будет еще больше. Но вот с хорошими оценками в школе, на мой взгляд, придется попрощаться.

Гарри кивнул, а после все же уточнил:

— Когда они едут в Париж?

— Пятнадцатого июня, чтобы успеть на кастинги, — сразу ответила Энди. — Очень удачно, что моя сестра согласилась его сопровождать...

— Но, если он планирует принимать участие и в остальных неделях моды, то нам придется сделать одну вещь, которая вряд ли тебе понравится, — смущенно улыбнулся Гарри.

Он понимал, что Энди хотела бы еще немного подержать сына рядом, но... чтобы они вдвоем не думали о занятии Дана, ему это нравится и у него явно получается пробиться в

сферу, которая считается недостижимой для большинства людей. Вставлять ему палки в колеса сейчас — худшее, что может сделать родитель для своего ребенка. Вот только ему пятнадцать. И будет пятнадцать в июле, когда он снова полетит в Париж на неделю кутюрной моды. Несовершеннолетний ребенок, пусть и достаточно зрелый для своего возраста.

Оба эти события с ним согласилась посетить сестра Энди, а дальше что? Даже ее скользящий график не позволит мотаться на показы в Париж... сколько раз в год он должен там присутствовать? Четыре? Они еще что-то говорили о круизных коллекциях, которые проходят не в Париже... Это пять и более командировок в Европу для сопровождения несовершеннолетнего... который, откровенно говоря, не слишком-то нуждается в опеке тети. Хотя бы потому что он, в отличие от тети, знает французский. При этом отправлять его одного просто незаконно... если не сделать кое-что важное.

— Ты хочешь, чтобы он прошел через процедуру эмансипации? — догадалась Энди.

Гарри кивнул:

— Для него это не составит труда, потому что он уже зарабатывает достаточно денег... наймем ему потом полноценного менеджера, который будет работать на него... а не обладать правом распоряжаться нашим ребенком.

Энди грустно вздохнула. Она наверняка и сама это понимает. Чтобы Дан мог путешествовать, ему нужно разрешение родителей. И для подписания контрактов нужен родитель. На время Парижских командировок они дадут право подписи сестре, но что делать потом? Давать такое право чужому человеку — слишком рискованно. Самим отказываться от карьеры ради сына... когда-то они пообещали, что никогда не будут ставить собственную жизнь ниже жизни детей — у Энди был крайне неприятный опыт с жертвенной матерью, в то время как Гарри считал, что не особо-то потерял из-за того, что его родители любили себя достаточно, чтобы жить собственной жизнью, не жертвуя ничем ради удобства сына.

Поэтому проще всего после шестнадцатилетия Дана через суд эмансипировать его — то есть признать совершеннолетним на основе его фактической самостоятельности. Тогда он сможет сам подписывать контракты, путешествовать без сопровождения и распоряжаться банковским счетом.

Гарри и самому не хотелось оформлять эти документы: это же его сын, он совсем недавно был крохой, его травили в школе, он точно нуждается в защите... или уже нет?

Внезапно Энди усмехнулась, нарушив печальную тишину:

— Знаешь, что я тут нашла? Когда платила налоги за него, проверила выписку с его личного счета... меня смутила одна интернет-покупка — он сто лет себе ничего не заказывает через интернет...

Гарри тоже удивился:

— И что же там?

— Пачка ультратонких японских презервативов и вагинальная смазка, — с хитрой улыбкой ответила Энди.

Гарри опешил:

— Что? Он... а...

— Насчет того — уже, или планирует, я сказать затрудняюсь, не проверяла, — хихикнула Энди. — Но то, что он не купил презервативы в каком-нибудь автомате в супермаркете меня скорее радует.

[*Презервативы, как и прокладки, в США нередко продаются в специальных автоматах.

И если с прокладками и тампонами все более-менее нормально, то презервативы из автоматов не отличаются качеством. Но все же они встречаются в туалетах ночных клубов, некоторых барах и не-сетевых супермаркетах. Стоимость небольшая, есть ли там понятие размеров — тот еще вопрос). Есть, конечно, новые автоматы — с сенсорными панелями и выбором, но чаще это механическая бандурина, где есть только куда класть деньги и откуда забирать попку.*]

Гарри тоже смеясь покачал головой: да уж, выросли дети.

— Он слишком быстро вырос, — вздохнула Энди. — Всего пару лет назад был очаровательным милым ребенком, а теперь... продает песни собственного сочинения, ведет блог, рекламирует сумки и дорожную одежду...

— Планирует захватить подиумы Парижа, — закончил Гарри. — Где он сейчас, кстати?

Энди засмеялась:

— Ну, даже у нашего гениального ребенка садятся батарейки. Пошел работать над черновиком сочинения и уснул прямо на кровати... я не стала его будить — сон в неудобной позе все же лучше, чем его отсутствие. Он в последнее время слишком много... работает.

Гарри понятиливо кивнул. Даниэль из-за необходимости посетить Париж подналег на учебу — хотел пораньше сдать все семестровые задания. А ведь он еще после съемок не отошел.

Их ребенок действительно слишком быстро вырос. И это заставляло Гарри чувствовать одновременно гордость и печаль.

Глава 20

Неделя моды

Из-за свалившегося рекламного контракта, Дану пришлось экстренно решать немало важных вопросов. Он никогда не задумывался о модельной карьере, но тут она буквально сама на него упала, а Дан отказываться от шансов не привык. Проблема в том, что ни он, ни его родители, ничего не смыслили в этой сфере, да и вести дела подобного рода попросту не умели. Это значит, что Дану нужно модельное агентство. Причем международное.

Совет ему дал сам Ким Джонс — он присутствовал на одной из фотосъемок, немного поговорил с Даном перед отъездом во Францию. Сказал, кто в индустрии моды хорошо заботится о своих и справляется с иностранными заказами. Дан приехал на кастинг, его приняли в тот же день... правда, еще пару дней обсуждали контракт и количество работы. Сошлись на том, что Дан берет крупные рекламные контракты и участвует в неделях моды Большой Четверки, плюс журнальные съемки. Но никаких каталогов, мелкой рекламы, фотосессий сомнительной надобности — учеба ему все еще важнее заработка и карьеры.

Еще до того, как Дан начал сдавать экзамены, он знал о том, что будет участвовать в двух показах — Dior и Louis Vuitton. Еще посетит кастинги некоторых других брендов, которые будут участвовать в Парижской неделе мужской моды. Быть может ему больше ничего не предложат... а может и предложат.

Даниэль находился в предвкушении — снова новый опыт, что-то прежде неизвестное. Правда, из-за этого нового опыта его лето становилось даже слишком насыщенным. Едва сдав экзамены, он должен лететь в Париж на кастинги и сразу же — на участие в показах. Из-за этого он едва успевает на выпускной бал: прилетает в ночь с субботы на воскресенье, а уже в воскресенье вечером вести Эшли танцевать. При этом Дан пропускает почти всю подготовку. Мэри согласилась купить букеты, а парни позволили просто вложиться в сборы — нужно было арендовать лимузин на четыре пары, еще будет фотограф и какие-то закуски в машину. Все это сделают без него.

После выпускного он еще раз полетит в Париж — на неделю Высокой Моды. Потом возвращается в Нью-Йорк, чтобы работать над альбомом для Jovial Attack. В сентябре же будет неделя моды в Нью-Йорке и кастинги начнутся в августе, а сразу после — Лондон, Милан и Париж. Скорее всего, он пропустит начало первого семестра своего выпускного года в школе. Это не то, чтобы огорчало... просто... он вроде хотел нормальной школьной жизни, но что-то пошло не так.

Париж встретил его солнечной погодой. Тетя Рэйчел с восхищением глазела по сторонам, но раз в пару часов уточняла:

— То, что я рада этому путешествию, не делает ведь меня плохой матерью?

Дан сначала ее переубеждал, теперь просто качал головой. Его кузены временно поживут у них — они ведь одноклассники Летти и Вэнди, ходят в одну школу, так что проблем с ними у мамы не будет. Просто она, в отличие от своей сестры, не могла взять отпуск в самое горячее университетское время.

Дан повсюду ходил с камерой — снимал Парижский влог. Ну и фото для блога, разумеется. Его пригласили в главный магазин Луи Виттон, провели экскурсию. В тот же день прогулялся с тетей у Эйфелевой башни, поели местной еды... и на этом культурная программа закончилась, едва начавшись.

Уже на следующий день начались кастинги. Они проходили достаточно кучно друг к другу, везде были многочасовые очереди, но для Дана скорее — недовольные взгляды.

Агентство Elite было одним из самых крупных в индустрии. Огромные связи, приличное количество топовых моделей, большие денежные обороты. При этом агентство, хоть и нанимало много моделей, действительно занималось только теми, кто казался им наиболее перспективным. Дан стал тем самым счастливым — его и еще двух парней возил менеджер и они проходили везде вне очереди, максимум стояли несколько минут до конца просмотра предыдущей партии. Из-за того, что у Дана уже было два показа, один из которых он открывал, а второй закрывал, он выступал не на всех кастингах — на некоторых он просто ждал в машине, пока его временные друзья отшагают перед комиссией.

С парнями он почти не разговаривал. Один из них — Роберт — отрабатывал свой пятый сезон и все сетовал, что пропустил Миланскую неделю моды. Вторым — Крис — не говорил ни по-английски, ни по-французски, потому что был из небольшой страны в Восточной Европе — Дан даже не был уверен, что тот вообще назвал родную страну а не ту, из которой он прилетел в Париж.

Результаты кастингов приходили постепенно, приходилось ездить еще и на дополнительные примерки и все это в режиме «очень сильно опаздываем». Да и волновался Дан знатно: он никогда не выходил на настоящий подиум. В Нью-Йорке в агентстве ему дали несколько уроков. В специальном зале с огромным зеркалом проверили его походку, а после объяснили что именно от него требуется на показе и как это делать. Как принимать позы, сколько стоять, как понять скорость проходки, куда смотреть и все в таком духе.

В Париже тоже были тренировочные проходы, но почти всегда — прямо перед началом шоу, до того, как гости начнут занимать свои места.

С точки зрения успеха, Дан собрал невероятное количество приглашений. Он выходил на подиум практически каждый день. В среду начинал сразу с места в карьер. В полдень показ Balenciaga, в тот же день в шесть вечера — Valentino. В четверг самый важный для него показ Louis Vuitton, причем еще и утренний. В пятницу показ Margiela, опять утром. И в три часа в субботу — Dior, сразу после которого Дану придется спешить в аэропорт с угрозой опоздать на рейс.

Выходил весьма раздражающий график. С одной стороны — он постоянно занят, с другой — больше всего времени уходит на ожидание своей очереди. Вечерами они еще выходили куда-то прогуляться, но на Лувр и Версаль времени у них не было, что порядком огорчило тетю. Да и уставал Дан сильно.

На свой первый показ он приехал за три часа до его начала. Еще одна примерка, уже начали делать прически и макияж, но главное — осмотр подиума и репетиция. Репетиция — парад странных моделей, потому что кому-то уже сделали прическу, кто-то с бигудями на голове, кто-то в своей одежде, кто-то уже успел получить наряд для подиума. Дан жутко волновался, поэтому репетиция прошла во взвинченном состоянии. Благо, первый показ выдался вполне обычным. Ровный подиум, обычная музыка, да и выходит он не первым и не последним — так проще.

С ним постоянно рядом крутился менеджер: успокаивал как мог и все предлагал водички.

— Не думаю, что я смогу сходить в туалет до того, как сниму наряд, — честно признался Дан.

Менеджер хихикнул, но предлагать воду перестал. Менеджер — это привилегия. Большинство моделей приходят в одиночестве, если их менеджер не является их личным работником.

Среди моделей редко кто друг друга подбадривает, а Дан к тому же был новичком, который свалился из воздуха и сразу получил кучу приглашений. Он слышал, как кто-то сплетничал за спиной — дескать, взяли из-за известности. Или — взяли для расового разнообразия. А то и вовсе — раздвинул ноги перед дизайнером. Да, когда половина дизайнеров является открытыми геями, в продвижении через постель чаще подозревают мужчин... хотя Дан даже гипотетически не представлял, как в этом бешеном графике можно успеть кого-то охмурить и что-то перед ним раздвинуть. Он вообще сомневался, что за неделю до показа дизайнеры бывают дома. Скорее всего, все рассуждения про «спит с фотографом» — это про то время, когда мода еще не стала конвейером с сумасшедшими графиками работы.

Что особенно забавляло — все это происходит под аккомпанемент щелчков камеры. На показах обычно снимают и до выхода на подиум. Бэкстейдж-съемки являются нормальным явлением, пусть они и не всегда достаются прессе, нередко это просто для архива модного дома.

Дан пытался отвлечься от всего этого с помощью музыки, но получалось так себе. Его постоянно крутили, вертели, проверяли прическу и макияж, как сидит одежда, просили пройтись по тесному помещению гримерки, прямо на нем что-то там подшили, чтобы лучше сидело.

Как бы там ни было, к началу показа Дан смог успокоиться, а когда настала его очередь выходить, постарался думать об этом как о концерте. Его задача сейчас — привлечь внимание уверенностью походки. И он пошел. Спокойно, но в быстром темпе, смотря преимущественно перед собой, потому что вся пресса находится в конце подиума и, если отведешь взгляд, будешь на фото выглядеть косым.

На показах крупных брендов моделей редко переодевали, обычно они выходили один раз. Это радовало — хотя бы этой суматохи не было. Финальный проход строем, аплодисменты толпы, за кулисами все аплодируют друг другу. Впрочем, на этом работа не закончена.

Когда гости начинают расходиться, на площадке остаются те, кто еще не отработал свои гонорары. Это звезды и модели. Фотосессия для бренда проходит прямо на подиуме и она достаточно быстрая — несколько кадров, следующий. И съемка. Покрутись так, повернись так, свободен. Дан шел одним из первых, потому что ему ехать на второй показ, но все же эти съемки тоже занимали немало времени — около часа, не считая того времени, пока ждали ухода гостей.

Макияж он смывал в такси. Приехав на место, еще и получил выговор за опоздание — всем плевать на то, что у тебя другой показ и пробки из-за этих показов, модель должна быть на месте вовремя.

Снова макияж, подбор костюмов, после их заставили построиться и меняли местами, выбирая лучшее построение, Дана заставили поменяться нарядами с одним из парней — его решили выставить первым при смене нарядов. Это не то же самое, что открывать показ, просто во многих коллекциях есть что-то вроде смены настроения. В женских они более заметны, там может поменяться вся цветовая гамма моделей, но и в мужских так делают. Вот шли парни в футболках, а после пошли в костюмах. Смена настроения — тоже

ответственность, потому что в этот момент меняется и музыка, и Дан снова начал волноваться.

Кроме двух репетиционных проходов была еще одна генеральная, на запись. Когда они заканчивали ее, в зал входили первые зрители, занимающие последние ряды. Еще один раздражающий час до начала показа с постоянным дерганьем от стилистов и самого дизайнера. Поправить макияж, одежду... намажьте ноги маслом всем, кто в шортах... По сравнению со всем этим показ казался уже легким событием.

Казалось бы — два показа, обувь по размеру и даже одежда нигде не натирала. Но Дан так устал, что вечером едва не заснул в ванной. Все эти подготовки вывели его из себя, а ведь впереди был самый напряженный для него показ. Ведь он закрывает показ Louis Vuitton.

Ранний подъем, скудный завтрак — из-за обилия пищи могло отекать лицо, поэтому модели на неделе моды если и ели нормально, то только вечером. И воды на самом деле желательно много не пить — камера прибавляет веса, а бренды любят на подиуме удобу. После завтрака — выезд на место. Подиум — Парижская улочка. Модели выходили на улицу через двери одного подъезда, шли мимо гостей, разворачивались к прессе в определенном месте, делая вид, будто отвлеклись на что-то: доставали что-то из сумки, проверяли телефон, смотрели на часы. После шли еще немного и скрывались в других дверях.

Двери, из которых они выходили — снятая площадь, просторное помещение, где организовали гримерки для моделей. А вот двери, в которые они входили — подъезд. Холл там просторный, но недостаточно большой для толпы высоких парней. Тесновато.

Вообще, особенностью показа было не только то, что он имитировал Парижское утро. Мужских моделей тридцать пять человек, плюс три женские и один ребенок. Возраст участников, не считая трехлетнего малыша, от пятнадцати Дана до шестидесяти семи лет другого Даниэля — возрастной модели родом из Парижа. Импозантный мужчина был полностью седой, но всем бы так выглядеть в его возрасте.

У моделей имелись «роли». Кто-то изображал отца с ребенком, кто-то шел под ручку с девушкой, один парень вел «маму» на завтрак, были спешащие на работу люди, студенты, туристы и люди в отпуске. Дан остался самим собой, в некотором роде — то есть блогером. На месте для снимков прессы он сам сделал селфи на фоне фактурной стены дома.

Отличало показ то, что все прошло как-то менее напряженно. Особенно для Дана. Здесь его знали, его ждали, одежда в целом подходила ему почти идеально, никаких кардинальных изменений во внешности. Он немного волновался из-за места для позирования — никогда прежде ему не было настолько неловко делать селфи — но все прошло очень хорошо. После показа, пока модели фотографировались на улице, многие обсуждали небывалое событие — Анна Винтур встала, чтобы поаплодировать коллекции.

[*Анна Винтур, главный редактор Vogue. Если кто смотрел фильмы Подиум, то эта женщина является одним из прототипов Миранды Пристли (не единственным: образ Миранды Пристли создавался на основе поведения нескольких редакторов Vogue разных лет и стран, от Анны Винтур просто перепало больше всего характерных черт). И да, про Анну Винтур тоже есть определенные сплетни в отношении ее одобрения. Обычно в конце показов она остается сидеть, в то время как принято дизайнеру аплодировать стоя. Если встала Анна Винтур — значит она одобрила коллекцию.*]

Еще когда Дан возвращался в номер отеля, в сети уже активно обсуждали показ. Его фото — как он делает селфи посреди показа — почти везде было в качестве главной иллюстрации. Хотя, на взгляд Дана, другой Даниэль, который постарше, выглядел круче,

когда достал из кармана леденец и вручил его сидящему в первом ряду блогеру. Дан видел это на записи.

Тема «обыденности» люкса на этом показе набирала обороты со страшной силой. Так как к этому времени уже меняли таблоиды — вешали рекламу мужской линейки с Даном — его тоже обсуждали. Предыдущие его проходки до этого не привлекали такого огромного внимания, но теперь и их пересмотрели и уже окрестили «мужским вариантом Кендалл Дженнер», аргументируя тем, что ему успех в модельном бизнесе обеспечил блог, а ей — ток-шоу. [*На всякий случай уточню, что Кендалл Дженнер является младшей сестрой Кардашьян, которые сделали себе имя и состояние через собственное ток-шоу.*]

Когда утром следующего дня сонный Дан скролил ленту инстаграмма за скучным завтраком, его огорошил менеджер.

— Calvin Klein связались вчера с агентством, они хотят тебя к осенней коллекции... для фотосессии.

Дан отвлекся от телефона и удивленно моргнул:

— Calvin Klein? Это ведь те, где кроме джинс и трусов с характерной резинкой в рекламе ничего нет? — уточнил он.

Менеджер растянул губы в смущенной улыбке и кивнул.

— Не уверен, что мне подобное позволят родители, — хмыкнул Дан.

Сняться для Calvin Klein в пятнадцать? У них вообще есть фотосессии в футболках? Нет с прессом-то у него в порядке, все шесть кубиков на месте — с детства занимался тхэквондо, сейчас танцует, да и в зал в школе ходит, но... как-то даже неловко.

— Думаю, в агентстве очень заинтересованы в том, чтобы их уговорить, — ележно улыбнулся менеджер.

Дан тяжело вздохнул. Скорее всего, родители предоставят выбор ему, а он... не знает. К тому же — летом у него запись альбома и хотелось бы отдаться этому процессу целиком.

За всеми этими волнениями, показы Margiela и Dior прошли как-то почти буднично — просто делал свою работу. Хотя в субботу, конечно, было сложнее. Открывать показ волнительно, ведь он всегда шел следом за кем-то, а теперь будет идти в полном одиночестве.

Но справился. И тут же, едва снял с себя одежду, сел в такси с тетей, по дороге заехали за фастфудом навynos и поспешили на регистрацию.

— Наконец-то домой, — блаженно улыбнулась тетя Рэйчел.

Дан усмехнулся:

— Вы же были в восторге, когда ехали сюда?

— Ну, первый день был ничего такой... а потом ты работал, а я ездила за тобой и скучала.

Дан засмеялся:

— Ну что поделать. Зато в июле погуляем. На неделе Высокой Моды я не буду посещать кастинги, приедем к показу, после сможем погулять немного... наверное.

В ответ на его «наверное» тетя тоже засмеялась. На самом деле, он и не думал, что эти десять дней в Париже выйдут настолько напряженными. В его представлении, он бы вышел на подиум... ну, максимум трижды, а в остальное время просто гулял между шоу. Но все вышло, как вышло. У него теперь есть портфолио, он засветился на Неделе Моды, стал лицом рекламной кампании и у него опять резкий рост числа подписчиков.

Глава 21

Королевская особа

Показ Луи Виттон стал важной темой для обсуждения среди поклонников моды. По сути, бренд не сделал ничего нового — все фишки показа и коллекции применяли до них. Здесь смогли совместить все так, чтобы даже без объяснений дизайнера и креативного директора стала понятна линия развития бренда.

Разные возраста, разные фигуры, носибельные, но яркие образы с редкими добавлениями чего-то провокационного. А еще — сочетание базы, которую так прославляют многие стилисты, с современной модой на логоманию и успешный успех. Это сделало коллекцию привлекательной с точки зрения потребителя: вещи хочется носить, а не просто цокать языком на странный вкус дизайнеров. Но при этом там было несколько вещей, которые гарантированно привлекают внимание любителей необычной стилизации. Например — клетчатые рубашки в гранжевом стиле, выполненные из полупрозрачной ткани. Привычная вещь мужского гардероба, но с легкой долей экстравагантности.

Но все же хайп вокруг коллекции возник по другой причине: то, что они начали крупные изменения в политике бренда с мужчин. Мужские недели моды, хоть и проходили уже несколько лет, не привлекали должного внимания, преимущественно на них приезжали только работники индустрии моды и не самые многочисленные гости. И такое же отношение было к индустрии мужской моды в целом. Стильно выглядящий мужчина — это обычно просто мужчина в костюме, даже фэшн-блогеры были преимущественно женщинами. Редкие парни в этой сфере одевались ярко и провокационно. Признаться в том, что ты следишь за модой, будучи гетеросексуальной мужчиной — это что-то из категории коллекционирования посуды девятнадцатого века.

Вот только... времена меняются. Люди по инерции продолжали так считать, но на деле у мужчин давно рос интерес к стилю, просто было не принято в этом признаваться.

Блог Дана являлся показателем, что парни тоже хотят выглядеть хорошо. Не ярко и эпатажно, а именно по-городскому стильно, привлекательно на работе и отдыхе, а не только по особым случаям. И Луи Виттон были первыми, кто сделали показ таким, чтобы он привлек внимание именно этих людей: тех, кто имел достаточно денег для покупки нескольких брендовых вещей. Но при этом, в отличие от многих других ярких показов, они не забыли и про своих самых главных покупателей — тех, для кого не существует одежды кроме брендовой.

Но для Дана вся истерия вокруг брендов и мужской одежды замерла по прилету в Нью-Йорк. Во-первых, несмотря на заголовки газетных статей во время его участия в показах, о нем самом достаточно быстро забыли. Сейчас все обсуждали сам показ, дизайнера, креативного директора и то, что Анна Винтур встала, чтобы поаплодировать показу. Еще и улыбнулась. Неслыханное событие. Дан читал об этом по пути домой из аэропорта. Он удивительно хорошо поспал в самолете, да и впереди еще было достаточно времени — по сути, в Нью-Йорке из-за разницы во времени суббота еще и не закончилась. Конечно, пока он добрался до дома, пока разобрал чемодан и отлежался в ванной, ему оставалось не так уж много времени на сон... но, в целом, все прошло гораздо проще, чем он боялся.

Сборы на выпускной прошли без спешки. Принесли заказанные цветы — браслет для Эшли и букет для ее мамы, костюм был давно готов — Луи Виттон по сути его подарили,

прекрасно зная, что с этого события будут фотографии.

Дан еще у дома Эшли выложил заранее сделанное фото небольшой раскладки — лежащий на кровати костюм, официальное приглашение на бал и букетик для Эшли в специальной коробке. А после на какое-то время забыл о телефоне. Сегодня фото делал нанятый фотограф — Дан выбрал его по фото в инсте, оплатил сам, потому что хорошие кадры были нужны в основном ему, но вот всеми договоренностями занимался Эйдан, по дружбе взвалив на себя и фотографа, и аренду лимузина и даже покупку шампанского, которое им пока нельзя.

За своими партнершами они вчетвером заходили по отдельности — кто дошел пешком, кто взял такси, а уже потом их всех собирал водитель лимузина, последовательно заезжая за всеми.

Школьные выпускные традиционно проводили не в самой школе. Несмотря на то, что у них хватало просторных помещений, статус частной школы обязывал, поэтому выпускные балы проводили для десятых, одиннадцатых и двенадцатых классов в арендованном зале. С живой музыкой, а не школьной самодеятельностью, с безалкогольным баром и легкими закусками, профессиональным ведущим и несколькими шикарными фотозонами. По этой же причине их выпускной, в отличие от общепринятой традиции, проводили уже после сдачи экзаменов и за несколько дней до вручения аттестатов выпускникам. В школьном ежегоднике из-за этого не было фото короля и королевы бала, но их совместные фото вешали в школе в специальном закутке — там целая стена совместных фото коронованных особ с 1984 года, когда провели первый выпускной вне стен школы.

Шикарный зал, приятная музыка, голосование и даже некоторые конкурсы. За право произнести речь выпускника на этом балу сражались на мечях в виде воздушных шариков. А за право решить, какая песня будет играть для первого медленного танца — угадывали классические музыкальные композиции на скорость. В целом, необременительно, но весело. Отрывались на сцене по традиции выпускники, младшие ученики редко вызывались участвовать в конкурсах. Выпускники же по желанию показывали номера, но их традиционно немного — в этом году выступлений было всего три. Группа из десяти человек танцевали сильно модифицированное танго — со сменой партнеров и некоторыми современными движениями, был один вокальный дуэт и одно групповое выступление на сцене.

Ну и весь вечер, разумеется, шло голосование за короля и королеву бала. Чтобы несколько снизить уровень пафоса для королевских особ, они должны были станцевать танец, который до этого выберет кто-то из выпускников, которые выигрывают очередной конкурс. Обычно выбирали что-то либо жутко популярное — как-то раз король с королевой были вынуждены танцевать Gangnam Style на потеху публике, либо более-менее знакомое многим вроде вальса. Зависело от того, кто выигрывал конкурс на выбор этой песни. Девчонки обычно сражались всерьез, чтобы иметь возможность получить адекватные медленные танцы, но у парней было целью выдать что-то максимальное смешное и странное.

Дан веселился вместе со всеми, потешаясь над конкурсами и болтая с друзьями, но не ожидал подставы в виде короны. Когда объявили его имя, он как раз с фотографом просматривали уже имеющиеся кадры — Дан решал, нужно ли еще мучить Эшли просьбами попозировать для его соцсетей, или уже можно оставить девушку в покое. И тут — такое.

— Это тот случай, когда джентльмены вперед, — широко улыбался их учитель

естествознания, главный школьный балагур. — Итак, Королем Выпускного Бала 2016 года становится... становится... о, ему корона точно будет к лицу. Думаю, к своему фото на видном месте ему тоже привыкать не придется.

Кто-то в зале уже закричал, громким басом раздалось «Дан!» и Дан отвлекся от экрана фотоаппарата.

— Даниэль Хан! — радостно крикнул учитель. — Поприветствуйте короля!

БигБи потом говорил, что более ошарашенным он его никогда не видел. Дан и был ошарашен. У него не стыковались разрозненные части его нынешней жизни: его популярность в сети казалась какой-то другой частью жизни, в то время как в школе он был просто учеником... не совсем обычным, но однозначно не самым популярным.

Он стоял в замешательстве и его соседи, поняв что он сам не пойдет к сцене, подбежали и начали толкать в нужном направлении. Поднявшись на сцену, он получил и главный приз — пластиковую корону. В отличие от женской — изящной диадемы из магазина бижутерии, мужской символ школьной власти был сделан не так хорошо и походил скорее на пародию короны.

Учитель, видя скептицизм Дана, хихикнул и достаточно громко — первые ряды слышали и без микрофона — спросил:

— Что, знал бы, заказал у Картье?

Дан тоже засмеялся, поправляя корону на вообще-то уложенных волосах:

— Я не настолько хорошо зарабатываю, — смущенно ответил он.

— Эй, Дан, веселее! — прозвучало из зала. — Хоть сделай вид, что ты рад!

Дан не узнал голос, но покорно развернулся к залу, растянул губы в елейной и максимально лживой улыбке и начал махать рукой, подражая королевам красоты. Зал грянул богатырским хохотом. А когда Дану вручили микрофон для речи, он честно сказал:

— Я в шоке. Это настолько неожиданно, что я даже благодарить некого не хочу. Можно я буду неблагодарным королем?

— Будешь вредничать, в следующем году снова выберем! — прокричал с задних рядов Эйдан.

Дан не выдержал, обиженно произнес в микрофон:

— И ты, Брут? И почему никто из вас меня не предупредил заранее?

Со сцены он неплохо видел своих друзей — БигБи вообще сложно потерять в толпе. Остальные стояли рядом, в том числе крошечная рядом с ними Эшли — как и большинство кореянок, она не отличалась высоким ростом и Дану-то едва доходила макушкой до подбородка, а уж рядом с огромным БигБи казалась кукольной в своем розовом платье.

Королевой назвали не ее. Вожделенную побрекушку на голову получила девчонка, с которой Дан был даже немного знаком — Эбигейл занималась вокалом и актерством и вроде как планировала поступать в театральный. Танец им выпал скорее забавный, но хотя бы не совсем уж странный: они должны были повторить сцену из Криминального чтива. Эбби даже туфли скинула, а подол длинной юбки заткнула за пояс и с полной самоотдачей пустилась в пляс. Дан, уже пришедший в себя после внезапного объявления, тоже старался изобразить что-то похожее, хотя фильм смотрел всего раз. То, что он не ожидал этого, вовсе не значит, что он имеет право портить праздник остальным своим недовольным видом. Да и... он никогда и не мечтал о чем-то подобном, но глупо спорить, что это приятный статус. Не так уж много людей могут похвастаться, что были официально признаны королем школы...

Одно плохо: по традиции, король или королева, если они выбраны не из числа выпускников, автоматически вступают в Школьный совет. Эбби выпускается, а Дан-то остается. Вроде как «королевских особ» обычно не нагружают обязанностями, но все же... у него и так дел больше, чем часов в сутках.

После танца нужно сделать фото, потом все поздравляли его и хотели сделать селфи с «его величеством», ближе к концу вечера становилось больше медляков, поэтому он все чаще танцевал с Эшли.

После окончания официального выпускного — а это было в одиннадцать часов вечера, — школьники обычно разбивались на компашки и уезжали тусить дальше. В прошлом году Дан поехал домой, но в этом и его, и его друзей приглашали в другие места. Перед тем, как они ввосьмером бы загрузились в их лимузин, чтобы ехать в арендованную квартиру в Сохо, Дан отвел Эшли в сторонку. Она уже успела пригубить немного нелегального шампанского, поэтому в глазах девушки плясали черти, а сама она заметно покраснелась.

— Хочу предложить кое-что, — осторожно начал Дан. — Мы можем со всеми поехать веселиться...

— А можем?.. — сощурилась Эшли.

— Я снял номер, — просто ответил Дан. — Гостиница туристическая, пускают до полуночи.

Эшли без разрешения перевернула его руку, чтобы посмотреть на циферблат часов. Было почти одиннадцать.

— Так что мы стоим здесь? — возмутилась она.

Дан улыбнулся, чуть приобняв ее, и открыл приложение такси. Так проще, чем ехать со всеми на лимузине и потом слушать пошлые шутки вперемешку с просьбами остаться с ними.

* * *

Домой Дан вернулся после десяти утра. Пока проводил Эшли, пока дошел до своего дома... он не спешил — хотел, чтобы родители уже ушли на работу. Чего он не ожидал, так это Мэри, мирно попивающую кофе на диване в гостиной.

— Ну и где гулял? — с ехидной интонацией в голосе спросила она.

Дан едва не подскочил на месте — он был уверен, что будет дома один.

— Боже, Мэри, что ты здесь делаешь? — возмутился он.

— Живу? — ехидно предположила она.

— Это я знаю, — отмахнулся Дан. — Что ты делаешь дома в такое время в понедельник?

Сестра широко улыбнулась:

— Ты забыл, что каникулы начинаются не только у тебя?

Дан устало прикрыл глаза. Точно. Каникулы. Мэри, конечно, в выпускном классе и у нее немного другой график, но уже конец июня, полноценных уроков нет и у нее. Свой выпускной она отгуляла по традиции муниципальных школ — то есть еще до экзаменов, в самом начале июня.

[*Выпускные в США проходят в разное время, в отличие от вручения аттестатов. Первое

— вечеринка, которую обычно устраивают незадолго до начала экзаменов, примерно в мае-июне. После выпускного ученики еще ходят в школу, заканчивают свои дела, в том числе происходит достаточно знаменитая сценка с выдачей альбомов-ежегодников и подписями в них. Ну и потом уже вручают аттестаты, это в конце июня, даты если и отличаются в зависимости от школы, то всего на пару дней. На это событие надевают мантии и шапочки выпускника. В частных школах этот порядок может меняться, в соответствии с традициями и пожеланиями выпускников.*]

— Итак, мой любимый братец, — Мэри улыбалась широко и самодовольно, — Где ты был?

— На выпускном? — ответил Дан так, будто вынужден разговаривать с идиоткой.

— Выпускной закончился в одиннадцать.

— У нас была афтепати, — прежним тоном ответил Дан. — Я предупреждал родителей и они дали согласие. Прости, что не поставил в известность еще и тебя.

Мэри радостно захихикала:

— Нет, драгоценный мой. Сказки про афтерпати рассказывай маме, которая не подписана на твоих друзей. Эйдан за ночь выложил в инсту в общей сложности тридцать фоток... часть из которых с алкоголем, за что ему еще влетит... но вот беда: ни на одной фотографии нет тебя или Эшли... Нет человека, который так любит фоткаться? Странно, не находишь?

Дан закатил глаза: вот же... въедливая девица. Она, правда, считает это внимательностью к деталям, которая нужна для будущего хорошего юриста.

— И что ты хочешь от меня услышать? — устало спросил у нее Дан. — Будто не подозреваешь, где и с кем я был.

Мэри довольно улыбнулась, поставила кружку на столик и поднялась с дивана, смешной походкой направляясь к нему:

— Такой большой стал, уже куда-то водил свою девушку на всю ночь, — просюсюкала она и попыталась поймать за щеки, чтобы потрепать.

— Отстань, — недовольно отмахнулся он, уже направляясь к своей комнате.

Он нес с собой сумку, которую до этого оставил в том отеле — он заезжал туда до того, как приехать к Эшли с цветами. В сумке оставил некоторые вещи, на всякий случай, потому что был уверен, что Эшли согласится поехать в отель. В конце-концов, это она все время слала ему провокационные фотографии в кружевных пижамках, а то вообще — без ничего, прикрывая важные места различными способами. Для своих пятнадцати у Эшли были очень хорошие навыки в секси-фотках.

— Ты же понимаешь, что мама узнает? — веселилась Мэри, идя за ним следом.

— Она гораздо тактичнее тебя и точно не спросит об этом меня.

Поняв, что главной целью раннего подъема сестры было желание его подразнить, Дан побыстрее зашел в свою комнату и захлопнул дверь у нее перед носом. Снаружи раздалось достаточно счастливое:

— Ну и вредина! Мог бы и поговорить со старшей сестрой... поделиться подробностями...

Дан демонстративно повернул замок на двери, хотя обычно дверь он не запирает. Мэри снаружи расхохоталась и, судя по шагам, направилась обратно в гостиную.

А Дан устало рухнул на кровать. У него стресс и отходняк одновременно. Для тела — потрясающее чувство легкости, но где-то в голове свербит усталость из-за волнения. Все

прошло хорошо. В меру романтично, самую малость нелепо, из-за неопытности Эшли и страха Дана ей навредить... но все же хорошо. Можно сказать, что он переступил через свои сомнения в отношении этой щепетильной темы. Может это и не совсем здоровое решение — спать с несовершеннолетними, но как бы и он сам... по паспорту ему до тридцати еще жить и жить.

Глава 22

Контракты

Уже во вторник, дав на отдых совсем немного времени, Дану позвонили из модельного агентства. Пригласили в офис с мамой, предупредили о том, что представят нового менеджера — более опытного.

Но Дан все же заранее предупредил родителей, в чем настоящая причина вызова. Контракт с Calvin Klein. Неожиданный для всех — и для Дана, и для агентства. Но они-то разумеется, безумно хотели получить этот контракт.

— Ты сам хочешь сниматься в такой рекламе? — прямо спросила мама.

— Не знаю, — честно ответил он. — Я вообще не понимаю, почему они выбрали меня... можно предположить — из-за поднявшегося хайпа, но... мне казалось, что ситуация не такая уж и громкая. И из-за этого я почему-то чувствую какой-то подвох.

— Но против съемки что-то против имеешь? — мягко улыбнулся папа.

Дан задумчиво покачал головой:

— Наверное, это будет даже интересно...

В офисе агентства их встречали. Агента звали Томас Митчелл, и он прежде работал с женщинами — Дан его первый клиент-мужчина. Так же присутствовала Диана Фойер — одна из директрис агентства, она занималась контрактами всех мужчин в Нью-Йоркском отделении.

— Не станем скрывать, нам этот контракт очень интересен, — откровенно сказала она, лежа перед мамой договор. — Это не только деньги, хотя это важно, не буду тут играть в недотрогу. Это еще и престиж, и слава. Говорю как есть. Если вы соглашаетесь, то Даниэль становится первым азиатом, самым молодым мужчиной и моделью, который быстрее всех после начала карьеры получил возможность сняться в рекламе этого бренда.

Дан закусил губу. Он понимал, что это мягкие манипуляции. Но все же «первый азиат» до сих пор имеет влияние на него. Это было правдой. Ему предлагали сняться не для какой-то громкой и исключительно провокационной фотосессии, а именно стать лицом рекламной кампании линейки мужской одежды на осень этого года. Проблема лишь в том, что Calvin Klein ставит секс во главу рекламной кампании всегда. Исключения делают только для тех фото, что расклеивают в магазинах на стендах бренда, но реклама для телевидения и крупных журналов — это всегда про секс. А Дану пятнадцать. И да, он собирается стать айдолом, где чаще всего предполагается, что ты остаешься чист и невинен до самой смерти.

Мисс Митчелл положила перед Даном и его мамой по копии предварительного контракта: пока не слишком толстого, ведь здесь все относительно простым языком о самом важном.

Для фото в портфолио агентства Дан снимался без рубашки — так уж заведено для мужчин. Поэтому бренд знал, что ему есть что продемонстрировать в рекламной кампании. И отказываться от лучшего завлечения покупателей — обнаженного мужского торса — они не были готовы даже при том, что их постоянно обвиняют в фотосессиях с легким оттенком педофилии. [*Скандалов вокруг сексуализации несовершеннолетних у Calvin Klein было действительно много. Два крупных — с несовершеннолетними Брук Шилдс в 80 и Кейт Мосс в 92, но было еще несколько поменьше.*]

Еще один нюанс — в рекламной кампании будет непременно задействована девушка,

съемка совместная. Обещали бережно относиться к нему и... весьма приятную сумму по контракту.

Дан в итоге согласился. И на рекламу и заранее — на участие в показе на осенней неделе моды в Нью-Йорке. Обсуждали это они около месяца: выплаты, условия, сроки, места размещения рекламы. Контракт носился как теннисный мячик между Calvin Klein и юридической фирмой его папы, пока в итоге его не подписали в конце июля.

Еще были съемки для журналов. Заработком это назвать сложно, что-то вменяемое заплатили только в проплаченной фотосессии от Louis Vuitton, все остальные фотосессии едва покрывали его месячные траты на уходовую косметику. Все дело в том, что участие в подобных фотосессиях расценивалось как вклад в свое будущее. И Дан соглашался. Причем в большей степени потому что ему было интересно.

И все это — на фоне активной работы над альбомом. После выпускного он начал просиживать в студии гораздо дольше, они уже всерьез взялись за песни, Дан записывал гайд-версии, они делали звучание более цепляющими и готовились к тому, что в середине июля группа приедет записываться.

Но сначала пришлось снова слетать в Париж. Неделя Высокой Моды была скорее женской, мужских моделей у многих в принципе не было, а у остальных — два-три наряда. Луи Виттон представлял шесть.

Сам показ был опять сделан в стиле сценки из жизни. Они сняли большой зал, расставили там столики как в ресторане, а подиум не был размечен, моделям лишь объяснили, как они должны идти к своим местам. Принцип примерно тот же, что и в мужском показе, но с небольшими отличиями. Фотографы располагались сразу напротив входа в зал «ресторана». Открываются двери, ты замираешь в позе, а потом идешь мимо гостей извилистым путем, чтобы сесть за один из свободных столиков в конце этого пути. Так выходят все модели, пока свое место не занимает последняя. Сразу после этого они поочередно — от первого к последнему — встают со своих мест и идут этой же дорогой к выходу из «ресторана». Дан в этот раз показ открывал, поэтому и нервничал. Да и сидеть все время показа было как-то неловко. На столах были расставлены напитки и моделей просили создавать видимость, что они гости — пригубить воду в бокале, поговорить с соседом.

Осознание, что ради этих нескольких минут сидения в зале он и прилетел в Париж, даже несколько смешило. Правда, в этот же приезд его снимали для Парижского Harpers Bazaar. Не одного, с моделью-девушкой. Они делали фотосессию в стиле парижской пары в образах от разных люксовых брендов.

В самолете, по дороге домой, Дан волновался. Впереди у него — запись альбома в качестве продюсера. К миру моды он быстро привык, ближайшие фотосессии назначены на август, показы только в сентябре, блог он ведет как-то уже интуитивно, а вот музыка... из-за всей этой кутерьмы из-за резкой популярности блога, а после и предложения стать моделью, он словно отдалился от того, что было действительно важно для него. И неделя работы в студии напомнила, что музыка — это то, что ему действительно нравится. А мода... мода это просто еще один способ достичь популярности.

Глава 23

Первый альбом

К-поп уже не был чем-то совсем уж неизвестным. Волна халлю [термин, обозначающий рост популярности корейской современной культуры, в основном — музыки] набирала свою силу, пока что показывая это в отдельных деталях. PSY сначала заставил всех танцевать под Gangnam Style в 2012. В этом же году Big Bang попали в мировые чарты со своей знаменитой Fantastic Baby. В 2014 выходил «Boy in Luv» PDS, а в 2015 «Bang Bang Bang» Big Bang. КСО — фестивали корейской музыки — уже проходили в США и из-за участия PDS билеты были распроданы так быстро, что Дан едва смог оторвать себе билетик на Нью-Йоркский, чтобы сходить туда с сестрой.

[*Уточнение по реальным именам и названиям. История Дана развивается в альтернативной вселенной — весьма похожей на нашу, но все же с отличиями. Какие-то названия сохранились — бренды, например, и часть известных личностей, если они являются эпизодическими героями. Но при этом мне хочется устроить склоки в к-поп, поэтому я меняю имена и названия групп, к тому же буду менять часть условных исторических фактов. Если вы поверхностно знакомы с к-поп, вы можете угадывать в будущих героях реальных людей, но я брала скорее общие истории, как феномен культуры, а не их реальные личности и характеры. Считайте все происходящее историей, которая была вдохновлена нашей реальностью. При этом я однозначно меняю личности относительно узнаваемых людей, не стоит воспринимать происходящее в книге даже как диванные теории к-попера, это просто требования сюжета. Поэтому и названия с именами будут изменены — это не те люди, пусть их истории и имеют схожести с реальными личностями.*]

Но при этом отношение к к-поп все еще было... несколько снисходительным. То, что к 2025 году приведет к ощущению, будто музыку делают только в Корее, только набирает обороты. Когда Дан вынужденно признался родителям, что хочет попробовать дебютировать в к-поп группе, они восприняли это как типичные американцы: бред какой-то. Тимоти, разговаривая с Даном о возможном дебюте под крылом лейбла, тоже был удивлен тому, что Дан хочет попробовать дебютировать в Корее.

— Почему? — искренне удивился он. — Ты безумно талантлив, и как исполнитель, и как продюсер. Зачем ехать в страну, где индустрия еще не развита?

— Потому что я не уверен, что хочу быть первым американским азиатом, который будет тут бороться с расизмом, — ответил Дан.

Тимоти на секунду опешил и даже немного смутился, а Дан, усмехнувшись, продолжил:

— Я ведь не только талантливый, но еще и умный. Я знаю, почему меня не уговаривают дебютировать под крылом лейблом. Твой вопрос — это явно личная инициатива. А руководство не предлагает. Потому что все понимают, что это будет сложно. В отличие от чернокожих, которые выступают заодно, несмотря на разные народности и религиозные верования, азиаты достаточно разобщены и, кроме внешних расовых отличий, имеют еще и важный для каждого культурный код... Шансы, что мое продвижение станет легким и полным наград, минимальны. Мне придется бороться с расовыми предрассудками... в одиночку. В Корее же я буду не один.

Тимоти тяжело вздохнул, но говорить ничего не стал. Это все понимали. Можно сколько угодно говорить о равенстве и отсутствии расизма, но реальность такова, что

расовая сегрегация до сих пор существует. Дан родился и вырос в Нью-Йорке, в одном из самых толерантных районов, поэтому он напрямую не сталкивался с дискриминацией. Но это не значит, что ее нет. Дебютирует он в США, есть огромные шансы стать средненьким исполнителем потому что он «узкоглазый». Прорваться на американский рынок, будучи артистом азиатской страны, будет проще. Как минимум — психологически.

— Значит, будешь мембером группы, а не сольным исполнителем? — хмыкнул Тимоти спустя несколько минут в молчании.

Дан кивнул:

— Было бы неплохо. Не факт, конечно, что они согласятся с моей персоной... но я попробую.

Тимоти кивнул. Наверняка он и сам понимал, что в случае Дана дебют в группе — тоже проблема. Он набирает популярность, он уже успешен. В группе он перетянет внимание на себя, что может вызвать проблемы как среди мемберов, так и во время продвижения.

— Ну тогда тебе будет полезно пообщаться с действующей группой. Завтра они уже приедут. Предвкушаешь?

— Волнуюсь, — вздохнул Дан.

Jovial Attack не достигли какого-то невероятного успеха. Популярны, знамениты — да. Известны в мире и внесли вклад в поп-культуру — нет. Но есть нечто, отличающее их от множества других проектных групп: они не распались.

Группы часто становятся невероятно успешны, группы бывает проще продвигать и их выступления получают яркими даже без кучи вложений — просто все мемберы поют и танцуют, что уже шоу. Но чаще всего через пару лет на сцене люди внутри группы начинают ссориться, состав группы начинает меняться, а то группа и вовсе — распадается. И хорошо, если просто расходится из-за разницы интересов. Но часто мемберы после распада друг друга на дух не переносят. Это все вызывает кучу проблем для лейблов и продюсеров — и сорванные концерты, и невозможность привести трех человек на интервью так, чтобы они друг друга не оскорбили, потом дележка денег, известности и фанатов... в общем, в США к группам относятся как к бомбам замедленного действия.

Но глупо спорить с тем, что денег для лейблов они приносят много даже без корейских махинаций с альбомами. И, когда Дан принес свои песни, лейбл вспомнил о существовании группы, где парни до сих пор друг с другом в хороших рабочих отношениях. Да, они не какие-то закадычные друзья, которые жить друг без друга не могут, как это демонстрировали в подростковом сериале про них. Но у них очень хорошая рабочая атмосфера. Они совпадают во взглядах на работу, музыку и общение, к тому же участие в глуповатом шоу научило их относиться с юмором к собственным личностям. Проще говоря, они были очень удобны для лейбла. И лейбл решил рискнуть — дать парням еще один шанс, записав более взрослый альбом.

Знакомиться с ними Дан шел, жутко волнуясь. Не из-за них самих — видел звезд и покрупнее — а именно из-за опасений, что они могут не сработаться или что-то вроде.

Но все сложилось как-то очень просто. Парни шутили при встрече, очень удивились, узнав кто написал им песни, а после весьма плодотворно работали, полностью погружаясь в процесс. Для удобства записывали песни поочередно. И, пока один записывал свои партии, остальные трое мирно сидели на диванчике в студии, иногда говорили что-то по делу и терпеливо ждали своей очереди. Перезаписывали свои части и вообще были... очень непроблемными.

— Какие приятные детки, — вздохнул Тимоти, когда все четверо покинули студию и они остались вдвоем, чтобы немного поиграть со звуком во время сведения.

— Эти детки старше меня, — напомнил Дан, улыбаясь.

— Ты понял, о чем я. Если бы все альбомы записывались так же легко... хотя тут, конечно, решает количество проделанной работы до начала записи — мы с тобой по сути закончили с аранжировкой до их приезда, поэтому им оставалось только качественно записать звук... но все равно. Приятно, когда люди приходят в студию работать, а не ерундой страдают.

Дан думал, что альбом они будут записывать до конца лета. Тимоти уже рассказывал о том, что нередко одну песню могут готовить к выпуску в течении года, перезаписывая ее снова и снова. Поэтому казалось, что уж целый альбом — это долгая работа. Но они закончили записывать вокал за неделю. Еще неделю потратили на окончательную аранжировку и перезапись некоторых важных кусочков. В это же время работали с группой для живого звучания, в том числе записали видео для главной баллады в альбоме — загнали в короб всех четверых и записали вариант песни одним дублем.

После работа Дана и Тимоти закончилась. Довольная четверка долго их благодарили, но отправились на репетицию хореографии и запись клипов — планировалось сделать два, не считая видео из студии.

Титульная песня — про попытку забыть о любви. Лирический герой расстался с девушкой и отправился бороться с депрессией в клубы, где планирует пить и веселиться до утра. То есть такая подвижная мелодия с верой в лучшее. Главный би-сайд, то есть вторая для продвижения песня, уже про работу над собой ради впечатления девушки. Ну и баллада, которая всем так понравилась — про то, что лучше расстаться до того, как возненавидишь партнера.

Закончив работу над записью, Дану стало еще более нервно. Дату релиза поставили на вторую половину сентября и то только потому что клипы планировались простенькие в монтаже. По меркам индустрии — все сделали очень быстро. Но Дану казалось, что ждать целую вечность. И во второй половине сентября он может быть занят работой — особенно если это будет после двадцатых чисел, когда он уедет на неделю моды в Париж.

Глава 24

Музыка и бизнес

Дан продал эксклюзивные права на свои песни, что сделало их одновременно его и не его. Он больше не мог их продавать сторонним лицам, не мог записать и выпустить самостоятельно без разрешения основного правообладателя — Columbia Records. Но будет получать процент от доходов — за продажи альбомов, за прослушивание в сети, в том числе если на песни сделают ремиксы — его права останутся в силе. Но он не мог контролировать то, что студия и продюсерский центр будут делать с готовой песней. Они могут продать ее другим исполнителям — Дан будет получать те же выплаты за продажи, но сказать свое «фи» в адрес нового исполнителя уже не имеет права. Еще песню могут продать для использования в качестве саундрека или музыкальной темы рекламы. Это уже частные контракты, и Дан не получит процент за эти сделки... хотя это наверняка увеличит прослушивание песни и он получит больше с регулярных выплат.

Самым важным, конечно, является тот факт, что он больше не может исполнять эти песни самостоятельно или — впоследствии — в составе группы. Он знал, на что идет, продавая права, это не было для него сюрпризом. Но все же сейчас он понимал, что вряд ли будет показывать что-то новое Тимоти, если это новое нравится самому Дану.

Во время записи альбома это было легко — они работали и тут не до праздных обсуждений. Но после записи альбома Тимоти сам предупредил Дана, что ему стоит быть поосторожнее.

— Мы с тобой люди увлеченные, но скованные контрактами. Все, над чем мы работаем в этих стенах, так или иначе дойдет до руководства и те... все действительно хорошее попробуют выкупить. А это... как минимум нервно.

Дан нервно хихикнул. Он и сам понимал, что ему, в большей степени, пока что везет. Студия относится к нему очень бережно, словно завлекая в свои сети. Но Дан знает, что тут, на самом деле, обитают те еще акулы бизнеса и своего они не упустят. Продюсеры могут сколько угодно говорить исполнителям, что эта определенная песня не станет хитом — это все скорее для того, чтобы держать исполнителей под контролем... жестким психологическим контролем. Хотя есть и адекватная причина — лучше, чтобы артист к выпуску альбома подходил несколько злым, стремясь доказать всем, что он и его песни чего-то стоят. Потому что если убеждать артиста, что альбом будет хитом, то велик шанс получить зарвавшуюся звездульку слишком быстро.

В любом случае, у самого руководства есть принцип, что лучше потратить немного на выпуск песни, возможно прогорев, чем упустить потенциальный хит конкурентам.

— У меня есть песни, которые я точно не исполню, — улыбнулся Дан.

— Не в этом дело. У меня просто есть другое предложение. Как насчет заказа?

Дан искренне удивился:

— Заказа?

— Именно. Мы заказываем у тебя песню. Сейчас у одного нашего исполнителя... есть некоторые сомнения в отношении наполнения альбома. Она готова купить что-то, что подойдет лично ей.

Дан чуть прищурился:

— Она?

Тимоти тепло улыбнулся и кивнул:

— Именно. Я не буду разглашать тебе имя, чтобы не давать ложных надежд — она же может и отказаться. Просто дам... так сказать — техническое задание. Если не получится, поработаешь бесплатно. Если выгорит — песня пойдет в альбом очень крупного исполнителя. Ты в деле?

Дан радостно кивнул: ему это нравилось. Он ведь не работал над песнями по вдохновению. Из-за того, что он с самого начала отнесся к этому как к навыку, он и пишет все примерно так же, как работает над сочинением или каким-нибудь постом. Все еще может такое быть, что у него нет настроения этим заниматься сейчас, или что какая-то тема категорически не идет, но для него это скорее мастерство, чем творчество.

— Что в заказе? — уточнил он.

— Записывай, — Тимоти протянул ему листок и карандаш, которых в студии хватало, — Итак, песня для молодой женщины. Тема альбома весьма зыбкая, но нужна, пожалуй, танцевальная мелодия с легкими оттенками диско или что-то вроде. М-м-м... можно что-то дерзкое и даже феминистическое. Можно откровенно провокационное и сексуальное.

— То есть, по сути, практически что угодно, — проворчал Дан, когда Тимоти замолчал на какое-то время.

Тот хихикнул и кивнул:

— Можно и так сказать. Но все же нужен скорее радостный и яркий настрой, что-то попсовое и легкое, не перегруженное жесткой сексуальностью. Такое знаешь... ироничное, в стиле флирта, а не прямого соблазнения.

Тут Тимоти замолчал, внимательно рассматривая Дана, а после качнул головой и добавил:

— Боже, и я это говорю пятнадцатилетнему парню.

Дан пожал плечами:

— Да ладно. Мне совсем скоро сниматься практически в трусах, так что говорить со мной о возрасте уже поздно.

Тимоти расхохотался, согласно кивая головой. Дан же деловито уточнил:

— А сроки?

Тимоти тут же вернулся к рабочему настрою:

— Альбом в процессе записи, выпускать планируют с начала следующего года синглы, чтобы альбом вышел уже после Грэмми. Время есть, конечно, но чем раньше — тем лучше. Желательно, чтобы после твоих сентябрьских модных дел мы начали работать над аранжировкой. Тогда же, возможно, будут новые заказы...

Дан поняливо кивнул. Времени, получается, не так уж и много — уже август... Ну да ладно, что-нибудь придумает.

Его мысли о сроках прервал Тимоти с еще более неожиданным предложением:

— И о твоём дебюте...

— Дебюте? — хмыкнул Дан. — Я вроде не собирался дебютировать.

— Я знаю. И руководство знает, я им рассказал о твоих опасениях насчет... расовой дискриминации. С чем они, в целом, даже согласны. Но есть деловое предложение от стриминговых платформ.

Дан чуть сощурился:

— Стриминговых?

— Как это ни странно, но им не хватает музыки для наполнения тематических плейлистов. Особенно мужским голосом. Они согласны вложиться в полностью цифровые альбомы. Условия стриминга останутся теми же, что и в обычных случаях, они просто оплатят работу студии и персонала за определенное звучание. Им нужны медленные, расслабляющие мелодии. Готовы платить как за каверы, так и за оригиналы песен.

Дан кивнул, побуждая Тимоти говорить дальше. Он примерно понимал, о каких мелодиях говорит Тимоти. Сам ведь любит делать уроки и ездить в автобусах под определенные мелодии — чтобы спокойные, без надрыва, но со смыслом. И большую часть того, что предлагает стриминг в плейлистах, приходится проматывать.

— В общем, руководство предлагает тебе записать цифровой альбом под твоим продюсерским именем. Можно даже два подряд, включив в альбомы некоторые каверы в нужном звучании.

— Воу, — выдохнул Дан. — Довольно щедрое предложение. Неужели стриминги хорошо платят?

— Платят плохо, — качнул головой Тимоти. — Но ты, с твоими прогнозами влияния этих платформ, скорее всего, прав. И надо бы с ними дружить, то есть помогать по мере возможностей. Это и для тебя неплохой шанс. Сейчас ты останешься анонимным исполнителем, но сможешь раскрыть себя, когда захочешь.

Дан осторожно кивнул. О подобном он даже и не думал, но идея... интересная. Тимоти спокойно продолжал:

— Решать это можешь долго. Мы в любом случае сейчас поработаем над тем, что ты принес ранее, да и работы у тебя пока и без нас навалом... потом начало учебы, новые дела. Можешь пока думать. Если решишься — скажи, подпишешь дополнительный контракт с Columbia Records, уже как исполнитель. Платить за запись не придется — расходы на студию покроет Spotify. Но песни, разумеется, придется отдать свои.

Глава 25

День рождения

Дан родился пятого августа. Его день рождения, несмотря на каникулы, обычно справляли дома и только после отправлялись в отпуск. Иногда они с сестрой улетали в Сеул прямо шестого августа.

Но в этой жизни традицию пришлось нарушить до того, как он улетел в Корею жить и работать. К началу августа в его блоге было уже два миллиона подписчиков, куча знакомых и... гнет общественности. Он сам попросил маму помочь с организацией праздника: все же одновременно с его шестнадцатилетием будет еще и годовщина ведения блога, что тоже обязывает.

Они наняли организаторов, сняли помещение, наняли ведущего, диджея и кейтеринг. Узнав о его дне рождения, парни из Jovial Attack сами предложили прийти его поздравить и выступить в качестве сюрприза. Не для Дана, конечно, для зрителей.

Приглашать пришлось многих. Примерно треть приглашенных — знакомые из блогов, ради которых вообще вся эта шумная вечеринка и затевалась. Еще некоторые знакомые с модельной индустрии. К огромному удивлению Дана, представитель LVMH, с которым Дан работал для рекламных интеграций, мягко посоветовал отправить приглашения всем брендам, с которыми он сотрудничал. Многие отказали, но некоторые действительно прислали своих менеджеров. А еще все прислали подарки в виде цветов и какого-то презента. Фото букетов Дан потом выкладывал в качестве карусели, боясь забыть и обидеть кого-нибудь. Ну и остальная половина гостей — его друзья со школы. В некотором роде — массовка для вечеринки. Но на деле Дан, конечно, предпочел бы все же общаться с ними в более домашней атмосфере, чем делать из своего праздника событие городского масштаба.

Парни из Jovial Attack пели Happy birthday to you, пока в зал вкатывали огромный торт, а родители показательно подарили ему машину — традиционный подарок на шестнадцатилетие. Правда была в том, что машина была чисто статусным подарком, купить который решили просто для спокойствия. Папа предложил, Дан согласился. Так проще. Папе — рассказать коллегам, что сыну сделали классический подарок обеспеченного ребенка, Дану — тоже самое, только в блоге. Это убивало кучу сплетен... хотя не учитывало главное: личный автомобиль не особо-то нужен школьнику в Нью-Йорке. Тут вечные проблемы с парковками и общественный транспорт лучше подходит для объезда всех пробок.

Но в чем-то даже лучше. После дня рождения Дан сможет получить ученические права, ради которых он посещал курсы в школе. Это дает ему право водить машину в Нью-Йорке и штате (но не выезжать за его пределы). Для получения постоянных нужно кататься без крупных нарушений в течении определенного количества часов. Это позволит ему получить американские права, тогда в Корее после восемнадцати ему будет проще получить права международного образца: с действующими правами это проще, чем учиться водить уже в Корее. К тому же, так как он был королем выпускного бала, ему в качестве презента полагалось место на парковке, так что он-то сможет ездить в школу на машине.

Откровенно говоря, папа давно мог позволить себе покупку Porsche. В последние годы дела шли особенно хорошо, последние полгода — выше всяких ожиданий. Папа даже как-то пошутил, что надо было детей в приказном порядке в частную школу отправлять... Впрочем, Венди с Летти с начала учебного года тоже пойдут в частную школу. Связи заводить, так

сказать. Кто ж знал, что родительские собрания — такой хороший способ искать новых клиентов. А еще контакты с музыкальной индустрией. Так как папа уже зарекомендовал себя как человек, который вынужденно влез в эту сферу, то от Columbia Records ему начали отправлять клиентов, которые нуждаются в помощи. Организации бизнеса, проблемы с налогами — дела обычные, просто клиенты новые. Пришлось нанимать новых сотрудников.

Все это и стало причиной того, что Дан получил от родителей Porsche 911, кабриолет. В базовой сборке, без изысков, черный символ успешного подростка... очень успешного подростка. Мэри, в этом году поступающая в университет, даже устроила с родителями шутивную перепалку — ей на шестнадцать подарили акции, а не дорогую игрушку.

Подарок стал важной частью вечера — такое событие в духе съемок шоу для MTV, но все же главный «подарок» Дану сделала инста: за несколько дней до празднования они запустили сториз. И на его дне рождения всего его друзья-блогеры активно пользовались новым инструментом, благо было что снимать. Все это сделало его праздник очень медийным событием — трансляции шли как с премии Оскар. И это снова сказалось на росте подписчиков у самого Дана.

Но уже на следующий день Дан, чувствуя сильное волнение, осторожно повел свою новенькую и дорогую машинку к определенному кафе, где договорились встретиться своей медийной тусовкой и поговорить уже о делах. Обед вышел плодотворным, несмотря на усталость после вчерашнего, но обратно домой Дан еле вернулся. Припарковать машину возле дома вообще казалось каким-то особенно сложным заданием, но он справился.

— Будто не день рождения, а приступ трудоголизма, — едко заметила Мэри, когда он зашел в квартиру.

— Что поделать, — вздохнул Дан. — Подарки бы все равно приходили, мне было бы неудобно, что я хоть как-то не отметил праздник. Но я рад, что это наконец-то закончилось. В следующие выходные пойдем на KCON и будем считать его продолжением дня рождения.

Мэри согласно засмеялась. Дан сел на диван рядом с ней. Вечером воскресенья родителей дома не было — они ушли на свидание. Старались выбираться куда-то вдвоем хотя бы раз в месяц. В последнее время, когда двойняшки подросли и уже могли остаться с Мэри и Даном, не сведя их с ума, родители все чаще выбирали отдых вдвоем. В конце августа планировали настоящую диверсию — хотели смыться на неделю отдыхать на пляж без них всех, оставив Летти и Венди на старших брата с сестрой... ну еще на контроль тети, конечно, но она-то с ними ночевать не будет. Хотя Дан был уверен, что все пройдет гладко. Его младшенькие удивительно неприхотливы и спокойны. Пока были мелкими, давали всем жару, но в последнее время — сущие ангелочки, если вовремя включать им драмы и покупать новые альбомы для рисования.

— Кстати, — улыбнулась Мэри. — Тебе пришел подарок от Louis Vuitton. Коробка просто огромная и тяжелая... вряд ли там сумки. Чемодан в виде сундука?

Дан тоже удивленно обернулся: коробки с подарками стояли ровным строем у боковой стенки в коридоре, потому что он хотел завтра открывать их все на запись. Огромная коробка от Louis Vuitton действительно выделялась.

— Откроем сейчас? — предложил Дан.

— А как же запись?

— Эта махина все равно в кадр нормально не войдет, просто сфоткаю часть и честно скажу, что мы с тобой были так заинтригованы...

— Давай! — вскочила со своего места Мэри.

Вместе они вытащили коробку на середину холла, содрали шикарный бант и упаковочную бумагу... удивленно уставились на простую картонную коробку — обычно подарки от брендов привозили в фирменной упаковке. После оторвали скотч, открыли внутренности...

— Да ладно, — расхохоталась Мэри, вытаскивая наружу деталь, что прежде лежала на пенопласте, — Это то, о чем я думаю?

Дан вытащил кусок пенопласта и следующую деталь:

— Простор для фантазии невелик... это компьютерное кресло.

Мэри, все еще смеясь, начала помогать ему доставать из коробки разрозненные детали для сборки. Это действительно оказалось компьютерное кресло, со всеми навороченными режимами регулировки, нужными подушечками в нужных местах, вот только обивка — традиционная для сумок искусственная канва в фирменной расцветке Louis Vuitton. На каждой подушечке — в изголовье и под поясницу — значилось имя Даниэль Хан. Именной подарок, который не имеет ничего общего с полноценной рекламой чего-то. Просто шикарный подарок от люксового бренда.

На дне обнаружилась инструкция по сборке и необходимые инструменты. Дан с Мэри собрали кресло минут за двадцать, и то потому что пришлось откручивать спинку, ведь они забыли надеть подушку. К моменту, когда вернулись родители, Венди уже катала Летти в этом кресле по коридору, а Дан редактировал фото, которые выложит в сеть. Не то, чтобы стул на колесиках был чем-то невероятным для двойняшек, просто отсутствие родителей и высокое качество кресла позволило девчонкам осуществить мечту многих детей — покататься на этом кресле, как на какой-то карусели. Дан даже заснял это для семейного архива. Очень велико было желание выложить это в сториз, но не-желание показывать младших сестер было сильнее. Мало ли странных людей в сети, а девчонки еще совсем крохи.

Глава 26

К-поп и деньги

KCON проходил в августе и Дан обещал пойти туда с Мэри. Площадка располагалась не в самом Нью-Йорке, на такси в одну сторону, если повезет не застрять в крупной пробке, ехать чуть больше часа. Дан покупал билеты на два дня фестиваля, но ближе к нужной дате они с Мэри решили, что все же не поедут на первый день.

[*KCON — это что-то вроде фестиваля, такие выездные концерты нескольких групп. Проходят практически по всему миру, первоначальной целью была популяризация корейской культуры, сейчас это уже скорее способ срубить побольше бабла. Смысл в том, что арендуется большая площадка на два дня и создается лайн артистов, которые выступят там и исполнят три-четыре своих песни. Для зрителей это возможность увидеть сразу нескольких своих любимчиков, молодые артисты туда катаются ради набора фанбазы, а популярные... ну, ходят слухи, что их заставляют.*]

Во второй день выступали не только PDS, хотя именно из-за них многие и пришли. Были еще Astro, Monsta X, несколько еще менее известных исполнителей и те, ради которых сюда так рвалась Мэри — AXIS. Это группа из девяти девушек, чей главный концепт — нечто милое и сладкое. Песни Дану всегда нравились — они прилипчивые, очень легкие в звучании. Но вот клипы... девчонки кривлялись под традиционное азиатское представление о милоте. То есть под ребенка. Видеть, как девушки двадцать плюс надувают губки и по-детски трясут головой... ну, немного кринжово, так сказать. Мэри в оценки клипов была полностью солидарна с Даном, но группа ей все же нравилась.

Да и выступали девушки замечательно. Все же в слаженной работе девяти человек однозначно что-то есть. Когда эти девять — привлекательные девушки, которые быстро перемещаются по сцене во время хореографии, выглядит даже несколько залипательно. [Для осознания, как это выглядит, можете посмотреть * TWICE — FANCY Dance Practice * или Momoland — Vboom Vboom Dance Practice*. Обе группы по девять человек и с милым концептом. Движения не сложные, но выглядит действительно залипательно.]

Дан покупал VIP-билеты, поэтому они сидели точно напротив сцены, с удовольствием подпевали всем знакомым песням, притопывали и охотно хлопали. Мэри поражалась тому, насколько громко все кричали при появлении PDS — еще не понимала, насколько они популярны... а ведь это еще не их пиковый год. Кажется, особенно популярны они стали в 2018, когда группа Дана дебютировала. Поэтому то, что творится сейчас — это еще цветочки.

Во время концерта особо не поговоришь, поэтому в основном Дан и Мэри орали от восторга. Голос немного восстановили во время последнего выступления потому что оба были вовсе не фанатами PDS, хотя стоит отдать должное — энергетика на сцене и эффект присутствия у них был просто невероятным. Дан в принципе-то купил сюда билеты не потому что фанател от кого-то... просто хотелось посмотреть на к-поп со стороны в то время, когда он еще не превратился из «мировой сенсации» в «абсолютное доминирование».

Уезжали с фестиваля действительно как VIP-персоны. На стоянке для такси их ждал заказанный автомобиль, они заехали по дороге за кофе в старбакс (Дан купил стаканчик и водителю), а потом отправились в обратный путь, пробираясь через загруженные улицы:

вечером субботы многие стремились в город на выходные.

Так как машина — не типичное такси, а по сути услуги водителя, то и атмосфера в машине была особенной. Просторный салон, тихая музыка, в подлокотниках бутылочки с водой.

— Когда ты будешь зарабатывать достаточно, чтобы обеспечить мне такую машину для поездок в университет? — весело спросила Мэри.

— Мы живем в десяти минутах ходьбы от кампуса! — возмутился Дан.

— А вдруг меня примут в Колумбийский? — парировала Мэри.

Дан ележно улыбнулся в ответ. Вообще, шансы у нее достаточно высоки, хотя поступить в Лигу Плюща на бакалавриат, конечно, достаточно сложно.

— А с каких это пор ты уже не хочешь не просто машину, а машину с личным водителем? — вспомнил о «важном» Дан.

Мэри самодовольно улыбнулась:

— С тех пор, как увидела тебя, паркующимся у кафе. Есть подозрения, что парковка при университете занята не меньше.

Дан тоже засмеялся. На машине в Нью-Йорке комфортно тем, кто имеет именны́е парковочные места. Папе, например. В остальном... около дома машину еще можно припарковать — в спальных районах далеко не все владеют автомобилями, но стоит выехать в места, где люди работают и отдыхают, все сразу становится сложнее.

— Ну, когда я уеду в Корею, ты можешь убедить родителей передарить тебе мою машину, — улыбнулся Дан.

— Папа считает, что твою детку тебе лучше увезти с собой, — пожала плечами Мэри.

Теперь Дан даже удивился — он об этом слышал впервые.

— Зачем? К тому же в Корее я смогу водить автомобиль только с восемнадцати, то есть через год... ну, через два в смысле.

Мэри кивнула:

— Ну вот они и считают, что через год ты либо вернешься в США, либо настанет время отправлять тебе твое движимое имущество... машину и стул от Louis Vuitton.

Дан расхохотался в ответ на подколку сестры. Она прочла в интернете, что Louis Vuitton не впервые делает предметы мебели из канвы, это такой статусный подарок, всегда делается на заказ и всегда в разном воплощении. Дану достался компьютерный стул, а могли заказать и какое-нибудь массажное кресло. Стоимость такого стула — десять, а то и пятнадцать тысяч долларов, что как бы как раз вытягивает на автомобиль.

— Ты мне этот стул вечность помнить будешь?

— Конечно, — важно кивнула Мэри.

Она отпила кофе, с наслаждением вздохнула, а после суксила жалостливую мордашку:

— Как так вообще вышло, что мой младший брат начал зарабатывать раньше, чем я? Это просто не честно. Может мне стать твоим менеджером? Как думаешь — у меня получится?

Дан качнул головой:

— С блоггом справляется мама, не отрываясь от работы, а с модельным... за пару месяцев подработки ты ничего не добьешься, потому что в этой сфере нужно пахать, чтобы хоть чего-то достичь. Это мне повезло... хотя... ты мне можешь помочь.

Мэри удивленно вздернула брови и отхлебнула кофе, взглядом побуждая продолжать.

— Мне сделали заказ на песню. Попробовать писать на заказ, так сказать. Для женщины. Но я вообще не представляю, что писать... нужна какая-то тема, за которую я

могу зацепиться: что-то для быстрой танцевальной песни, про сексуальность, уверенность и все в этом духе.

Мэри сощурилась, а после уточнила:

— А прям провокационное можно?

— Можно, но смогу ли я такое написать? — усмехнулся Дан.

Мэри качнула головой:

— Не знаю... Ну смотри, мы недавно об этом с девочками говорили. Вот для парня пойти в клуб и снять там девушку на ночь — это повод для гордости. А девушек, которые поступают так же, все равно считают... ну, не самыми приличными. Есть те, кто делает подобное постоянно и ходит при этом с гордо поднятой головой... как Саманта из Секса в большом городе, но... это немного другое. А вот чтобы именно как разовое приключение, типа обычно я так не делаю, но сегодня я собираюсь найти самого горячего парня в клубе, соблазнить его и посоветовать покинуть мою квартиру до утра...

Дан сначала засмеялся, а после шутливо сощурился:

— Вы об этом с девочками говорили?

Мэри закатила глаза:

— Ой, ну вот давай без морали только. Дело не в том, что кто-то реально это делает или собирается. Сколько в том, что об этом не принято открыто говорить. Типа мужчина пошел в бар и снял самую горячую девушку — это частый сценарий. А девушка в таком же положении — либо рассталась с парнем, либо прожигает свою жизнь. В обоих случаях достойна сожаления... будто женщина не может любить секс.

Дан задумчиво кивнул.

Мэри за время дороги домой накидала ему еще несколько идей, все достаточно... двусмысленные. Но Дан примерно понимал, о чем она говорит и что это не имеет никакого отношения к тому, как она сама себя ведет. Просто так складывается ее жизнь, что тема равенства полов ей важна. Все же она собирается быть той, кто работает адвокатом и... наследует бизнес отца, потому что единственный мальчик в семье собирается петь и танцевать до самой своей смерти. К женщинам-адвокатам все равно предвзятое отношение: веди бракоразводные процессы и защищай тех, кого обидели на производстве, максимум — защитник во время уголовных процессов. Но самые денежные дела у юристов вовсе не браки и уголовка, а бизнес. Вот где крутятся баснословные гонорары. И Мэри в будущем пришлось немало натерпеться из-за того, что не все готовы поверить в компетентность женщины. И даже сейчас она заранее это предвидит, вот и бухтит тоже заранее.

А ближе к дому начали говорить и о другой работе. Подписанные договора начинали действовать и у Дана в августе набиралось немало фотосессий. Скорее всего из той серии, где снимать придется сутками.

— Волнуешься? — спросила Мэри.

— Есть такое, — честно признался Дан. — И тому, что буду записывать видео-кастинг тоже. Агентство говорит, что у меня есть шансы поучаствовать в трех неделях моды, что сводит с ума смелостью подобного заявления... Из-за Парижской я пропущу начало учебы в школе.

— Зато заработаешь, — напомнила она.

— На контрактах больше, — улыбнулся он. — А до окончания контракта с Louis Vuitton я не могу участвовать в официальных рекламных кампаниях крупных люксовых брендов. Поэтому самый большой мой гонорар уже выплачен. С Calvin Klein я меньше получаю.

Мэри кивнула. Особенности модной индустрии в их доме выучили все, вплоть до Венди с Летти.

На три недели у Дана много работы. Масштабная фотосессия с Calvin Klein. Съемка для вложенного журнала мужской моды Vogue [*Vogue иногда выпускает мужской контент в виде журнала-вкладыша. Такой более тонкий журнал, который идет вместе с основным в одном запаянном пакете. Таким же образом выглядит и журнал детской моды, а иногда так выпускают и другие крупные темы — макияж, домашний уют и так далее. Все они выходят не на постоянно основе, а появляются раз-два за год*]. Его пригласили сняться для американского GQ — журнала мужской моды, но тема фотосессии пока не ясна, тут просто агентство настояло, что он обязан появиться в главном мужском модном журнале. И на десерт — съемка для Cosmopolitan для статьи про мужские часы. Дан будет моделью для украшений, которые можно подарить своему парню. А, ну и на сладкое — фотосессия для Louis Vuitton, но там точные даты еще не названы.

Глава 27

Съемка

Съемка Calvin Klein проходила в Нью-Йорке, в просторной студии. Это далеко не центр города, безликое помещение снаружи, гулкое и пустое внутри. Дана привез его менеджер, а у входа встречали представители штаффа.

Здесь были кирпичные стены, грубый пол, мутноватые стекла огромных лофтовых окон с видом на Гудзон. В одной части помещения соорудили саму студию — уже расставили освещение, подготовили отражатели. Мебели почти нет. Несколько массивных кожаных кресел, потертый диван, высокие барные стулья. Другая часть помещения — аналог гримерки. Привезенные зеркала и стулья, какие-то коробки и вешалки.

Чего Дан точно не ожидал, так это увидеть на площадке Кендалл Дженнер. Та уже сидела на стуле и ей начинали делать макияж, когда Дан со своим менеджером только зашел в студию.

Девушка для него даже слезла с высокого табурета, доброжелательно пожала руку:

— Просто Кендалл.

— Просто Дан, — нерешительно улыбнулся он.

— Тебя не предупредили? — засмеялась она, залезая обратно на табурет.

Дан тоже засмеялся:

— Честно говоря, я и не спрашивал... но увидеть тебя после прозвища на неделе моды... вдвойне неожиданно.

Та тоже расхохоталась. Как и многие топовые модели, к стилистам вокруг себя она относилась с долей равнодушия — их подготовка не мешала ей болтать с Даном, пока его прямо рядом с ней приводят в порядок.

— А условия по макияжу были? — уточнил Дан у стилиста.

Та качнул головой.

— Азиатский мейк для глаз делать умеете?

Стилист снова качнула головой. Дан подошел к зеркалу. Ему нанесли почти прозрачный тон, оставив веснушки на виду. Нарисовали брови — как и у большинства азиатов, у Дана были заметные проблемы с любой растительностью на лице. Но больше ничего сделать не успели, поэтому Дан взял кисточку и сам пририсовал себе то, что ему гарантированно идет. Стилист сама вплотную подошла к нему, с любопытством наблюдая. Дан охотно объяснил, что делает для того, чтобы глаза сохраняли азиатский разрез, но выглядели больше, при этом не превращая его в накрашенную куклу. Тонкую подводку по линии роста ресниц девушка рисовала уже сама. А губы и вовсе просто намазали мягким бальзамом, чтобы лишь слегка блестели.

Потом их раздели, натерли лосьеном... Дана явно больше смутил тот факт, что никакой ширмы не было и они переодевались прямо в общем зале, светя всем, чем можно на всеобщее обозрение. Если вы никогда не переодевали трусы посреди гулкого помещения в присутствии десятка малознакомых людей (и одной супермодели, которая делала то же самое), то вам не понять степень смущения Дана.

Да, Дану пришлось надеть их нижнее белье, причем, разумеется, не поверх своего — еще не хватало прибавить пару лишних миллиметров объемов. Джинсы и больше ничего. На Кендалл — джинсы и спортивный топ. Потом их, конечно, будут еще одевать — на

вешалках дожидаются своей очереди рубашки и еще какие-то наряды, но начать решили с самого провокационного.

— Так, — начал распоряжаться директор съемки. — Легенда — не чистый секс, а скорее что-то мягкое и чувственное между парой. Секс во взглядах, в позах что-то... более обыденное.

Дан, которому девушка-визажист старательно натирала пресс маслом, понятиливо кивнул. Но все же он смущался. И волновался. Работа с Louis Vuitton походила на более профессиональную съемку его обычных кадров для блога — спокойно, в городской обстановке... в одежде. Здесь же все было иначе.

В общей сложности снимали девять часов. Фото, видео-ролики, вместе и отдельно, потом записывали голос для озвучки — решили взять их голоса. Дану к этому моменту казалось, что он никогда в своей жизни столько не обнимал девушку, да и Кендалл посмеивалась:

— Кажется, я еще ни с кем не была так физически близка, — сказала она, лежа на его груди для удачного кадра.

Часть съемочной группы зашлась в тихом смехе. Директор съемки отвлекся от фото на экране и достаточно громко напомнил:

— Поосторожнее, ему вообще-то пятнадцать.

— Шестнадцать, — поправил его Дан. — Так что можно обойтись без тюрьмы.

Кендалл не выдержала — расхохоталась в голос, а фотограф в ответ на ее довольный ржач защелкал камерой в два раза быстрее. Стафф восхищенно уставился на экран — кажется, им нравилось как получаются естественно-веселые кадры.

Неловкости, впрочем, тоже хватало. Для Дана это была первая подобная съемка и изображать сексуальное напряжение с едва знакомой ему девушкой — это что-то новое. Позировать-то он умел, но айдолы-парни не позируют вместе с противоположным полом, у Дана просто не было такого опыта.

Это было физически изнурительно, но, в целом, достаточно весело. Приятная атмосфера на площадке, приятная партнерша, которая была гораздо профессиональнее его и нередко помогала советом, к тому же менеджер Дану достался превосходный — Томас всегда был рядом и помогал всем, чем мог.

Стафф крутился вокруг, постоянно поправляя прическу и макияж, добавляя масла на торс и заменяя джинсы, которые снова испачкались в этом самом масле. Смена образов и концепции — и вот Кендалл уже в белом коротком сарафане, а Дан в рубашке, кормит ее вишней с рук. И снова смена, куртка на голое тело и Кендалл в одной длинной рубашке. А потом и без нее: с Дана сняли куртку, Кендалл выдали фирменное нижнее белье и она вроде как стыдливо пряталась за него, показывая лишь половину тела.

Все это действительно утомляло, даже при условии дружелюбной атмосферы на площадке. Им привозили вкусный обед, поили водой, обдували вентиляторами, когда к середине дня в студии стало жарковато. Дану даже позволили сделать фото-завлекалочку для его соцсети, причем фото делал прямо главный фотограф на телефон Дана. А потом и на телефон Кендалл. Пришлось пообещать, что фото они оба выложат не раньше, чем за сутки до релиза, но все равно забавно.

Номерами Дан обменялся, кажется, со всеми. И с фотографами, и с видеографами, и даже с Кендалл.

Менеджер вез его домой уже поздно вечером, а пока они добрались до Вилладж, то уже

и вовсе стемнело. Дан практически повалился на кровать. Так сильно он не уставал... со времен своего прошедшего будущего, когда был айдолом.

Кто сказал, что модель — это легкая профессия? Девятичасовая фотосессия с необходимостью контролировать одновременно лицо и тело вымотали его невероятно.

Глава 28

Конец августа

Дан в итоге написал песню по предложенной Мэри идее. Сгладил ее, добавил длинный бридж в конце, который как бы «учит» других девушек правильно выбрать парня для такой авантюры. «Я не делала этого раньше, но почему-то мужчины находят интересным секс с незнакомцами, поэтому сегодня я собираюсь найти самого горячего парня в этом клубе и пригласить его к себе.» И в припеве — да, сегодня я плохая девчонка, женское воплощение Казанова и ты — моя жертва. Трек он так и назвал — «Моя добыча».

В студии включил его, чувствуя жуткое стеснение.

Тимоти прослушал трек внимательно, после прочел слова, а потом долго молча смотрел на Дана. Так долго, что ему стало действительно неудобно:

— Что, слишком смело? Я не знал, что написать, и сестра подкинула мне темы...

— Тема нормальная, современные леди и не такое могут исполнить... но вот то, что ты сделал с треком... как же ты быстро вырос, — с гордостью в голосе сказал Тимоти. — Я вообще не уверен, что здесь будет нужна моя полноценная помощь. Немного помогу со звучанием в аранжировке, но менять ничего существенного не будем.

Дан восхищенно распахнул глаза. Похвала Тимоти согрела, но волнение все еще было: он ведь так и не сказал, для кого песня. Ну, точно не Бейонсе или Тейлор Свифт, но в остальном... даже догадок нет.

Демо, или гайд-версию, записывали голосом Дана, которому еще и пришлось попотеть, потому что Тимоти выкрутил в нескольких местах звук на достаточно высокие ноты, отчего Дан вообще перестал понимать — кто с такими-то вокальными способностями исполнит настолько... странную песню?

Много думать об этом, правда, ему не приходилось. Они с Тимоти снова стали встречаться только раз в неделю, отработывая оставшиеся две песни, которые не вошли в альбом *Jovial Attack*.

При этом для себя Дан уже решил, что примет предложение лейбла о записи альбома. Почему бы и нет? Только нужно подобрать песни, которые... не жалко или которые слишком личные, чтобы исполнять их для коммерции. Времени, правда, на это практически не было. В его жизни превалировали съемки.

Фотосессию *Vogue* снимали чуть ли не дольше, чем рекламу *Calvin Klein*. Несколько нарядов, смена фонов для съемки, изменение прически и макияжа, что-то приходилось переделывать, потому что ассистенты Анны Винтур действительно носились между местом съемок и ее офисом, показывая промежуточные результаты, которые она проверяла и говорила, что изменить. Время поджимало — номер выйдет в сентябре, а у них еще не был готов основной визуал. Дана и еще четырех парней снимали в одной студии, но разными командами, из-за чего практически не было времени на отдых.

С ним работал достаточно известный фотограф, который почти ничего не требовал, просто иногда просил замереть в той или иной позе, которую выбрал Дан. Это было сложно — обычно фотографы помогают наставлениями, этот же оставил все на откуп Дана. Из-за этого его не покидало легкое ощущение, что он все делает не так и приходилось постоянно пробовать новое.

На контрасте — съемки для *GQ* были настолько комфортными, что день пролетел

незаметно. Хотя, возможно, это было потому что снимал его для этого журнала знакомый ему фотограф — этот парень был одним из тех, кто снимал Дана для его блога. Просто было это чуть меньше года назад. Обоих позабавило, как поменялись их жизни за это время. Год назад начинающего блогера снимал начинающий фотограф. И вот популярная модель и набирающий известность фотограф готовят кадры для известного журнала.

Фотосессия для Cosmopolitan и вовсе заняла всего три часа времени, и это вместе со временем работы стилиста.

Поэтому, когда в конце августа он вылетел в Париж на съемки рекламы Louis Vuitton, он чувствовал себя уже бывалым работником фэшн-индустрии. Но к тому, что рекламу будут снимать два дня по десять рабочих часов, все же оказался немного не готов. Большую часть времени здесь он просто стоял в сторонке. Louis Vuitton делили коллекции на женские и мужские, но с этого года приняли решение, что в обеих коллекциях будут модели для противоположного пола. В мужской коллекции было несколько женских нарядов, сделанных Ким Джонсом, в женской коллекции Николя Жескьер сделал пять мужских выходов. Причин у этого было несколько, но Дана особенно забавляла не самая главная. Оба дизайнера были совсем не против поэкспериментировать в непривычном для них амплуа. Для кутюрной коллекции они и вовсе работали вместе, что вообще считалось невероятным событием для модной индустрии: здесь совместные работы над одним проектом встречались редко.

Так как съемка посвящена женской коллекции, Дан был скорее живым аксессуаром для Кары Делевинь, она являлась главной моделью этой кампании. Поэтому весь фокус был не на нем, но это вовсе не значило, что он может расслабиться.

Тема коллекции — путешествия. Поэтому и локаций много. Купе поезда, пустой салон автобуса, подъем на трап самолета, около машины на улице Парижа и завершающее — на катере.

Время — деньги, поэтому чем быстрее вы все отснимите, тем больше вас ценят. Дан старался не создавать проблем на фотосессии и качественно выполнять работу. Первоначально Кара была достаточно холодна к нему. Но уже к вечеру первого дня съемок общалась с ним по-дружески.

— Ты хорошо справляешься, — похвалила она его, когда их везли со второй локации на третью, — Я первый год делала кучу ошибок.

Дан нерешительно улыбнулся. Так-то у него была небольшая подготовка. Как айдол, он тоже участвовал в съемках, просто там было другое отношение к нему, но он примерно представлял, как выглядеть хорошо в кадре.

— Спасибо, — честно поблагодарил он. — С кадром у меня все в порядке, я пока что больше глупостей совершаю вне его.

Кара расхохоталась, а после шепотом призналась:

— Я тоже. До сих пор. Мне кажется, от этого не избавиться и за десять лет карьеры.

Вообще, в Париже он в два раза чаще слышал удивление тому, что ему только шестнадцать. Понять их можно — кроме всего прочего, он приехал без родителей, как обычно бывает у несовершеннолетних моделей. Он сам не ожидал, что родители сделают ему такой подарок на шестнадцать лет, но они предложили пройти процедуру эмансипации, взяв с него обещание, что он по всем контрактам будет советоваться с ними. Право подписи и свободного перемещения по миру он получил удивительно легко — сказался папин статус действующего адвоката. В Париж он уже полетел без сопровождения опекунов, только с менеджером.

Дан ведь действительно выглядел несколько вне возраста — ему можно дать и пятнадцать, и двадцать пять, что не является чем-то необычным для азиатов. Удивляло всех не то, что он выглядит старше шестнадцати, а именно его поведение. Слишком взрослое для подростка. То, что в душе ему тридцать, Дан, разумеется, не разглашал.

Глава 29

Круговерть

По возвращению в Нью-Йорк все как-то совсем завертелось. Началось с песни. Ту песню, что он окрестил «Моя добыча», решили выкупить. И Дан с неверием узнал, что она войдет в альбом Кэти Перри. Только за этот трек ему заплатили двадцать тысяч долларов, не считая процента со стриминга, который начнет падать после релиза. Правда, Дан не будет участвовать в записи, просто продал права на текст и музыку. Но все же...

Плюс начали приходить приглашения на показы и съемки во время недели моды — несколько показов в Нью-Йорке, потом сняться для журнала незадолго до начала Миланской недели моды, после участие в показах Gucci и Versace, потом вылет в Париж с еще несколькими показами, потом выездная съемка для MarieClaire, спонсированная Louis Vuitton... Дана словно завертело в какой-то карусели, он едва успевал вести блог и отмечать происходящее вокруг.

Еще во время его работы в Париже вышел журнал GQ... и Дан с удивлением узнал, что он на обложке... и с ужасом, что агентство об этом знало заранее и не стало говорить ему, чтобы не нервировать молодую и неопытную модель. В это же время вышли Cosmopolitan и французский Harpers Bazaar, где его фотосессии были не на виду, но все же заметны.

Выход рекламы Calvin Klein, вообще несколько шокировал — видеть себя на постерах в таком амплу слишком уж непривычно. На совместных фото с Кендалл они выглядели... весьма горячо. Полуобнаженные тела, взгляды мимо камеры, словно между ними и правда есть какая-то История. Разумеется, в желтых таблоидах тут же начали говорить о том, что они встречаются. Комментировать это ни Дан, ни Кендалл не стали — с той фотосессии они вообще-то даже ни разу не списывались.

Показы на Нью-Йоркской неделе моды пронеслись быстро, а перед вылетом в Милан пришлось потратить день на то, чтобы доснять какие-то кадры для Vogue — они решили перенести выпуск журнала с мужской модой на один месяц, потому что им пришли рекламные образцы от других брендов. В одном из образов от Gucci его особенно долго фотографировали, сначала на локации, а после и на белом фоне. По словам фотографа, скорее всего эти фото попадут на обложку, но окончательное решение не принято — в полном образе от Gucci снимают еще другого парня, выбирать будут из них двоих.

Фотосессия в Милане и вовсе была оплачиваемой и очень масштабной. Итальянские бренды — не только Gucci и Versace, в показе которых он будет участвовать, а целая плеяда известных имен, — оплачивали совместную миксовую фотосессию с итальянскими мотивами для журналов Vogue сразу нескольких стран — Кореи, Японии, Китая и Тайваня. У Дана были компаньоны — японка, итальянец и русская, вчетвером они снимались для нескольких разворотов. Вместе, по парам и даже сольно — все для лучшей демонстрации одежды и потрясающих тосканских пейзажей.

Потом неделя моды в Милане, вылет в Париж, участие еще в нескольких показах, где-то в это время его застала новость, что он все же на обложке Vogue, а когда он сошел с трапа самолета в Нью-Йорке, Тимоти отправил ему ссылку: титульная песня альбома Jovial Attack превзошла все ожидания лейбла и дебютировала на первой строчке песенного чарта Billboard. Это был добивающий удар — Дану вообще все происходящее стало казаться сном.

Мама встречала его в аэропорту и обнял он ее с таким облегчением, что она даже

расхохоталась. Он был на голову ее выше, поэтому ему для обнимашек пришлось немного присесть, но он так уткнулся ей носом в плечо, что она не смогла промолчать:

— Что такое? Тяжело дается взрослая жизнь?

Дан отстранился, отвечая максимально честно:

— Столько всего невероятного происходит, но я так устал, что у меня впечатление, что меня засыпает золотыми монетами и я все пытаюсь выбраться из этого золотого плена.

— Красивая метафора. Сразу видно, что ты мой сын, — она подхватила его под руку, примостив голову у него на плече и медленно ведя к выходу.

В аэропорту многолюдно, но впереди их тележку толкал нанятый носильщик, так что никто не мешал им вышагивать по аэропорту с удовольствием.

— Мэри уже рассказывала тебе, что ей приходится объяснять своим университетским знакомым, что она не собирается знакомить этих прытких девиц со своим несовершеннолетним братом? — весело спросила мама.

Дан хохотнул: этот экспрессивный рассказ он был вынужден выслушать несмотря на усталость и разницу во времени, слишком уж Мэри негодовала от ушлости вроде образованных девиц из Лиги Плюща.

— Как ей Колумбийский? — спросил он. — Она мне звонила всего один раз и только для того, чтобы рассказать эту историю, а я слишком хотел спать, чтобы узнавать ее впечатления.

— Ей нравится, — улыбалась мама. — Все, кроме дороги. Обленилась уже, привыкла в школу ходить пешком, а тут приходится общественным транспортом пользоваться.

Они неспешно вышагивали по холлу аэропорта. Мысли о том, что после этого сумасшедшего лета он вернется в школу и будет снова просто учеником, даже радовали. Хотя он и понимал, что быть просто учеником уже не получится. Не в том случае, когда твои фото с супер-моделями крутят по телевидению и печатают в глянцевых журналах.

Всю дорогу до дома Дан снова размышлял: что он делает и зачем. Как так получилось, что он всего лишь хотел собрать немного популярности в блоге, чтобы агентство его ценило, а в итоге стал новостью в мире моды? И почему он всего лишь хотел научиться работать в студии, а в итоге написал песню для мировой звезды? И еще — почему он всего лишь хотел подзаработать на рекламе ради некоторой финансовой свободы, но собрал на своем счету уже без малого двести тысяч долларов? Ощущение, что его закрутило в какой-то чехарде невероятных событий, не проходило еще с февраля: с той школьной затеей по «захвату» показа, после которой он стал сначала интернет-знаменитостью, а после и моделью.

Для многих он казался гением, невероятно успешным ребенком, человеком старательным и работоспособным... но на деле он просто старше, чем он значится в его документах. Он словно играет с читателями. Не такими, конечно, чтобы совсем уж взломать эту жизнь, но все же у него есть фора и в обучении, и в понимании того, что будет дальше. Даже не интересуясь модой и маркетингом в своем прошлом, он мог понимать, какие нынешние события приведут к будущим, знакомым ему результатам.

Хотя... стоит признать, что трудолюбие и наслаждение этим всегда было в его характере. Ему нравится узнавать и изучать новое, а особенно — видеть результат своих трудов. У него, если так подумать, всегда был образ немного ботаника, с той лишь разницей, что он относился так не только к учебе, а к любому своему хобби — гнался за достижениями и старался как можно быстрее достигнуть видимого прогресса. Со временем в к-поп индустрии он смог побороть синдром отличника, научился с уважением относиться к

балансу между работой и отдыхом, стал проще реагировать на собственные несовершенства. Но так как эта любовь к работе и достижениям была частью его характера, он и сейчас по привычке вкладывает максимум в свою модельную карьеру.

Но при этом и начал набираться целый ком событий, которых не было в его прошлом и которые никак не зависят от него. Предположим, успех группы Jovial Attack — это последствия его действий. Новая рекламная кампания Calvin Klein — тоже. Поступление Мэри в Колумбийский — возможно. Но вот на назначение мадам Арно он точно никак не мог повлиять. Как и на то, что внезапно корейская группа Big Bang выпустит новый хит, который снова попал в иностранные чарты. Дан и раньше был поклонником этой группы, слушал все их песни и этой — Say goodbye — точно не было. Он увидел ее на втором месте в чарте, сразу после той, которую он написал для американской группы. Проверил корейские новости — да, те же самые Big Bang. Почему-то выпустили сингл-альбом через месяц после дебюта PinkVenom, тем самым вытеснив девчонок с корейских чартов. А еще все вокруг говорили о какой-то романтической книге в стиле высокого фэнтези — Дан даже узнал, что это значит, — которой точно не было раньше. Дан бы запомнил, если бы все читали книгу про любовь эльфов на фоне войны с силами зла. [*Высокое фэнтези — это когда автор придумывает свой собственный магический мир. Как «Властелин Колец». В противовес ему, низкое фэнтези — это когда магические события наслаиваются на нашу реальность. Как в «Сумерках», например. Это не про качество книги, я просто взяла пример, который будет знаком многим).*]

Сколько на самом деле таких событий? И как много их станет через год, когда он поедет в Корею? Знает ли он вообще хоть что-то о будущем, или события настолько изменились, что все, что он помнит, уже не сможет случиться?

Пока ехали домой, мама развлекала его разговорами. Будний день, все на работе, это ей повезло тем, что именно этим утром не было занятий, и она смогла на несколько часов уйти.

— Чем займешься? — спросила она, когда за окнами автомобиля уже мелькали знакомые улочки Вилладж.

— Нужно встретиться с Эшли, — вздохнул Дан.

Мама печально улыбнулась:

— Что, твоя девушка тобой недовольна?

Дан устало кивнул. Вот именно поэтому у него раньше и не было нормальных отношений. Какая девушка будет довольна, когда ее вторую половинку черти носили по всей Европе аж в течение месяца? А сверху фотосессии с очень взрослыми (и горячими) моделями, достаточно откровенная одежда, вечеринки, публикации в СМИ... Но главное, наверное, что в Милане и Париже он так сильно уставал, что не всегда находил время на нормальные разговоры.

— Редко созванивались? — участливо спросила мама.

Дан кивнул:

— Ага. Я ей писал, пока ждал своей очереди или начала показов, но там особо не поговоришь — шум, гам, постоянно отвлекают. А вечером бывает так уставал, что вам-то звонил... ну...

Мама кивнула, улыбаясь. Иногда он звонил с лаконичным: «Я живой». Родители списывались и с ним, и с его менеджером, да и... родители. Не напирали на него из-за невнимания. А вот Эшли считала это пренебрежением к ее персоне.

— Ничего, помиритесь, — уверенно сказала мама.

— Ага. До следующей очереди съемок, — мрачно ответил Дан.

Мама приобняла его за плечи:

— Так сильно ее любишь?

Дан тяжело вздохнул:

— Ну... она мне дорога. Но, кажется, очевидно, что моя работа мне сейчас интереснее... вообще всего.

Они замолчали. Дану как-то упрямо хотелось сохранить подольше его отношения с Эшли. Да, у него не было к ней каких-то невероятных чувств... но она ему нравилась, с ней весело и интересно, комфортно... Вот только не факт, что ей с ним комфортно.

А еще постоянно лезли мысли, что он опять выбирает карьеру. Правильно ли? Может стоило бы стать просто... адвокатом? Или профессором, как мама. А еще лучше — автором песен и музыки, продюсером. У него бы получилось, это точно. Женился бы, было бы у него как минимум двое детей, большая квартира где-то в этом районе, по пятницам бы ходил с друзьями в бар или боулинг, по субботам ездил на семейные ужины к родителям — своим или супруги. У него есть возможность жить так, как многие корейцы представляют себе «американскую мечту»... а он опять выбрал известность, бешеный график и проблемы с личной жизнью, потому что мало кто согласится терпеть такого, как он.

Глава 30

Напряженный график

Казалось бы — он уже был популярен, что может быть необычного в рекламе с твоим лицом? Вот только видеть себя с обнаженным торсом на огромных билбордах в Нью-Йорке было слишком непривычно. Он и раньше становился лицом рекламной кампании. Всегда был одет, обычно мило улыбался или хотя бы томно смотрел в кадр. Здесь же... несколько другой уровень.

Мама по мере выхода журналов с ним скупала их в нескольких экземплярах и отправляла в том числе бабулям. Один экземпляр в Корею, второй своей маме в штат Вашингтон, где та жила на ферме с семьей своей сестры. Корейская бабуля восхищалась и стыдливо прятала журналы в стол, американская показывала всем соседям своего красавчика-внука. Дома мама тоже вставила журналы с обложками в рамки, повесив их в длинном коридоре. Мэри назвала их «аллеей туалетной славы», потому что этот коридор вел к гостевой уборной, за что получила от мамы долгую нотацию о подборе выражений... но название все равно прижилось в том числе и у Дана. Он не видел ничего позорного в подобном. Это журналы. От участи туалетной бумаги какого-нибудь бомжа их спасает только то, что бумага глянцевая.

Из агентства звонили уже достаточно часто — начали подготавливать все к Рождеству, что прибавило Дану работы. Благо, почти все снимали в США и за пару дней. Впрочем, несколько раз ему пришлось отпроситься со школы ради этого.

Ему предложили сняться в рекламе Pepsi. У этой кампании не было официального лица, несколько моделей разной национальности, телевизионный ролик веселой тусовки. Результат Дан увидит только перед Рождеством, а пока что у него были и другие поводы для самокопания.

Альбом Jovial Attack стал очень популярен. Иногда казалось, что он играет просто повсюду. И это несмотря на то, что альбом выпустили целиком, без предварительного промоушена в виде синглов, как чаще всего делают не очень популярные исполнители. Титульный трек про попытку забыть о расставании через безудержное веселье — «Without you» — занимал первую позицию во всех чартах, две другие песни, на которые Тимоти сделал особый упор, в какой-то момент времени входили в первую пятерку.

Это была истерия. Редко когда альбомы исполнителей-среднячков становятся настолько популярны. Тут еще сказывалось поведение самих парней. Их контракт с Disney закончен несколько лет назад, они в целом все четверо относились к тому типу людей, которые не особо-то любят громкие вечеринки. У них в списке хобби — скалолазание, походы, игра на гитаре, компьютерные игры, просмотр боевиков. Они не стали супер-популярны в период съемок сериала, но при этом видели, что с людьми может сделать Голливуд. В итоге вышло, что к моменту своей славы они подошли взрослыми психологически, спокойными и... довольно настоящими. Относились к этому как к работе, в разговоре с Даном лидер группы Джеймс даже в шутку сказал, что они все рассматривают данный этап как способ подкопить себе денег на безбедное существование в дальнейшем. Они играли концерты, трудолюбиво выступали, посещали все предложенные шоу, не срывали сроки и никому не хамили. Лейбл был ими очень доволен. Америка тоже. Несмотря на свободолобивый посыл песен, исполнители казались хорошими парнями... про таких

обычно говорят — я бы отпустил с ним свою дочь погулять.

Это лишь сильнее подстегнуло их популярность. В следующем году они поедут в тур, к которому уже усиленно готовятся.

Дан тоже готовился. К собственному альбому. О записи говорить пока рано, потому что к этому моменту он с Тимоти работал для нескольких других артистов. Он принес рождественскую песню, лейблу она понравилась и они предложили продать ее парню из популярного бойз-бенда, который распался год назад. Песня была бы специальным синглом и, возможно, саундтреком к какому-нибудь рождественскому фильму. Насчет последнего Дан сомневался. Когда он показывал песню Тимоти, он вообще сомневался, что реально ее выпустить в этом году, а не к следующему Рождеству — осталось чуть больше двух месяцев, так быстро в музыкальной индустрии треки не выпускают. Но этот решили выпустить. Записывали трек в конце октября, чтобы успеть снять клип и выпустить его в предверии праздников. Тимоти в этот раз почти не участвовал, отдав практически все в руки Дана: он работал с Лиамом в студии, руководил записью, правил звук. Тимоти обещал вмешаться, если что-то пойдет не так, но в итоге был скорее наблюдателем, чем советчиком.

Такая же ситуация повторилась позднее. Те две женские песни, которые он почти год назад принес лейблу, давно были готовы к записи и вот в Нью-Йорк приехала молодая девчонка, которая должна их исполнить. На запись Дан приехал с другой работы, даже не смыв макияж — снимали рождественскую съемку для журнала и у Дана было ощущение, что к самому Рождеству он возненавидит всю шумиху вокруг него, так устал от каминов, елок и лживых улыбок на камеру. Возможно именно из-за образа модели — с укладкой и макияжем, уставшим взглядом и брендовым шмоткам, Сандра — та самая исполнительница — вообще не признала его за работника.

— Простите, я опоздал, — ввалился он в студию, где уже собрались все, кто участвует в записи.

В этот раз там кроме Тимоти была Сандра и ее продюсер, как впоследствии узнал Дан.

— Эта студия занята, — немного высокопарно сказала девчонка.

Дан даже опешил на мгновение, а Тимоти за спиной девчонки едва смог сдержать смех — он быстро прикрыл рот рукой, чтобы не заржать в голос.

— В смысле занята? — удивился Дан. — Это же не общественный туалет, тут кричать «занято» не обязательно. Можно я пристрою свой рюкзак здесь?

Последнее он спросил скорее для заполнения паузы, на деле по-хозяйски обогнул опешившую девчонку, плюхнул свой рюкзак на диван и развернулся обратно к ним:

— Даниэль Хан, — представился он. — Но в музыкальный кредитах меня указывают Бонгхён. Я автор треков и продюсер этой записи.

У девчонки от удивления глаза стали аж круглыми. Симпатичная девушка, к слову. Явно натуральная блондинка с кукольными чертами лица.

— Простите, — тут же извинилась она. — Я подумала, что вы тоже исполнитель и просто зашли не в ту студию.

— Нет, — за Дана ответил Тимоти. — Это «золотой ребенок» этого лейбла.

— Мне шестнадцать, — широко улыбнулся Дан, желая уже разом добить девчонку.

Удалось. Ее продюсер тоже выглядел удивленным — видимо, он тоже не знал, кто продал им песни.

Начиная работать — а начинали с распевки в студии, чтобы и голос разогреть, и оборудование еще раз проверить — Дан немного переживал, что кукольная девушка с явно

непростым характером может банально не иметь голоса и им придется править звук... но с этим проблем не было. Сандра оказалась очень хорошей вокалисткой. Записали обе песни за один день, оставшись допоздна.

Несмотря на внешность куклы Барьби, Сандра оказалась невероятно трудолюбивой. И отношение к голосу профессиональное. Пила теплый чай с медом, чтобы снять напряжение, надевала массажер на шею, пока они с Тимоти поправляли звук. В общем, сделала все для того, чтобы быстрее закончить.

Не считая ситуации в начале знакомства, они скорее подружились. Сандре девятнадцать, она из богатой семьи и смогла уговорить родителей позволить ей стать певицей. Но при этом зарвавшейся богачкой не была — к другим относилась пусть и немного высокомерно, но вполне уважительно. Было в ее позиции «бедные тоже люди» что-то малоприятное, но Дан успел насмотреться на другие образцы богатого воспитания, после которых Садра казалась просто ангелом.

После записи она выслала Дану коробку конфет и бутылку детского шампанского. Характер у нее и правда соответствует этой индустрии.

А еще... Сандры Миллер как исполнительницы не было в прошлой жизни Дана. Не в смысле, что он ее не встречал, а в смысле, что он ничего о ней не слышал. Хотя это странно — девушка с такой внешностью и голосом, которая еще и танцуют во время исполнения... это не тот артист, который останется совсем уж незамеченным. Тем более — когда у такого артиста есть деньги на раскрутку.

Глава 31

Ревность

Все успехи Дана — и модельные, и музыкальные — проходили на фоне частых ссор с Эшли. Главной причиной была ее ревность. Не в том плане, что он ей изменяет физически, а скорее ревность к его времени и вниманию, которая в случае с девушками приобретала какие-то истерические нотки.

Главным раздражителем для Эшли в школе была Скарлетт.

Дан и прежде ее знал. Она училась на год младше, то есть была его ровесницей, но иногда они пересекались на каких-то вокальных и танцевальных событиях. Скарлетт была ярко выраженным экстравертом, из того типа людей, которые настолько общительны, что кажутся уже вездесущими. С ним она познакомилась давно, но долгое время точек соприкосновения не было... пока Дан не сменил свои предметы.

Все время до этого он брал в школе много дисциплин, которые нужны ему скорее для общего развития, чем из-за реальной необходимости. Из-за модельной карьеры и постоянной работы в студии он не мог себе позволить подобную роскошь в выпускном классе, так что пришлось пересматривать подход к учебе. Например — он отказался от класса пения, но при этом вступил в вокальный кружок. То же самое случилось с танцами — раньше он ходил на несколько разных стилей, сейчас оставил только класс современного танца. Еще корейский язык заменил на французский, чтобы было попроще во Франции на неделе моды. И не стал брать ни один странный факультатив, которыми прежде забивал свой график до упора.

Его новый вокальный кружок был тем еще шоу на выживание. Они занимались дважды в неделю, каждое занятие начиналось с распевки и физической разминки, а потом они в течение сорока минут горланили песни поп-див, одновременно занимаясь степ-аэробикой. Петь и выполнять настолько интенсивные упражнения весьма сложно, но целью всего этого была стабилизация пения. Их преподаватель — красивая афроамериканка с этим шикарным афро-облаком волос в качестве самой яркой детали внешности, любила повторять, что сильный и стабильный вокал — это про сложные тренировки, которые со стороны могут показаться зверством. Она напоминала, что Бейонсе ежедневно пробегала пять километров, одновременно исполняя песни, что Бритни всегда репетировала танцы только с живым исполнением, что не суметь спеть балладу, стоя в вагоне поезда — это стыд и позор для вокалиста.

Скарлетт была в этом кружке с момента своего поступления в школу. Дану после сорока минут упражнений хотелось лечь и умереть, а эта девчонка подходила к нему, делала растяжку и весело болтала обо всем подряд. Дану с ней было весело. Говорили они преимущественно о пении и танцах, но всегда у всех на виду. В их вокальном кружке было всего девять человек, и парней, включая Дана — трое. Один из них — открытый гей.

Прежде вокруг Дана были преимущественно парни. Не то, чтобы он сторонился девушек, просто так сложилось. А тут — приставучая подруга. Дан очень сильно сомневался, что он нравится Скарлетт. Она просто так сильно хочет стать популярной и знаменитой, что твердо решила вытрясти из Дана рецепт успеха. Ничего романтического в ее интересе не было. А если она что-то и чувствовала, как утверждала Эшли, она никак это не демонстрировала, ведя себя скорее как... даже не друг, а какой-то дворовой братан.

Ссориться со Скарлетт Дан не хотел — ему нравилась ее непосредственность, да и на вокале с ней было весело. Ссориться с Эшли ему тоже не нравилось, но ее позиция «перестань с ней общаться ради меня» выбешивала так, что он временами забывал, что он взрослый и должен вести себя адекватно, а не ссориться с ревнующей девушкой посреди школьного коридора.

— А говорят, корейцы не любят ссориться на людях, — усмехнулся БигБи.

На уроках корейского, которые БигБи до сих пор посещал, учили не только языку, но и культуре... хотя скорее стереотипам.

— Люди, которые это говорят, просто никогда не видели скандалящих корейнок, — выдохнул Дан, падая на свое место в столовой.

Эшли сидеть с ним не захотела — ушла с подносом к подругам.

— К чему в этот раз она приревновала? — уже гораздо тише спросил БигБи.

— К твоему сообщению, — криво усмехнулся Дан. — Не поверила, что написал ты, а не Скарлетт.

БигБи прыснул со смеху. На другом конце столовой Эшли пренебрежительно фыркнула бросив на него недовольный взгляд. Она после лета словно постоянно проверяет его на прочность. Ей всегда мало внимания. Дан оказался на распутье. Закончить эти отношения, или подождать, пока она перестанет злиться... Несмотря на то, что первый вариант проще, Дан склонялся ко второму. Он хотел хотя бы попробовать сохранить отношения... хотя это Эшли еще не знает, что следующим летом он собрался уезжать в Корею жить...

Об этом знали уже многие. Несмотря на то, что Дан еще не подавал заявление ни в одно агентство, он твердо решил, что все равно поедет туда как минимум на год. Присмотрел даже годовой образовательный курс — при одном из университетов Кореи студенты любого ВУЗа мира могли изучать музыку азиатских стран. В курс входили музыкальные инструменты, их звучание, известные мелодии и все в таком духе. Популярностью он не пользовался — каждый год там занималось пять-шесть человек — но Дан уже решил, что поедет учиться, если его откажут принимать на стажировку в качестве трейни.

Дан обсудил решение с родителями. Независимо от того, будет он трейни или нет, он подает документы в Нью-Йоркский университет, где работает мама. Так как он является ребенком профессора, у него есть квота на поступление, да и оценки хорошие — его гарантированно примут. В этот же год оформляет академический отпуск и едет в Корею. Если за год ничего не происходит, то... наверное возвращается. Академ может действовать в течение двух лет подряд, так что может и задержаться, но и сам Дан понимал, что в его случае — год, не больше. Потом он либо готовится к дебюту с Кореей, либо начинает строить карьеру в США... хотя тут, скорее, продолжает — Тимоти назвал его «золотым ребенком» не просто так. Из семи выпущенных песен три попали в чарт Billboard, альбом уже получил золотой сертификат, и от следующих релизов явно ждут тоже достаточно высоких результатов. Это гарантирует ему рабочее место в студии, если он решит заняться этим профессионально.

Кроме родителей, о решении Дана ехать в Корею знали близкие друзья — БигБи, Эйдан, Джереми и Чак. И они старательно хранили его секреты — и этот, и свое знание о том, кто написал главный хит этой осени. Эшли он все это не рассказывал, что тоже говорило о многом. Он не доверял ей. Не знал, что будет, когда они расстанутся. Когда у них все только начиналось, она казалась прикольной понимающей девчонкой. Не домашней скромницей, но и не оторвой. Сейчас... все стало гораздо сложнее.

Глава 32

Надо расстаться

Стоит признать, что и поводов для недовольства у Эшли хватало даже без ревности. Раньше они виделись постоянно. Не просто вместе обедали, а еще и гуляли после школы, ходили в кафе, бывали друг у друга дома. В июле и начале августа Дану еще удавалось встречаться с ней так же часто, как раньше, но потом был Месяц Моды, который он провел в разъездах, потом начало учебы, когда он срывался на фотосессии и работал в студии уже несколько раз в неделю, а не только по субботам.

Все усложнялось тем, что это совпало с переходом их отношений в более... взрослую стадию. Они переспали на выпускном. Нельзя сказать, что после они зажимались на каждом углу, но в таком возрасте сложно противостоять собственным гормонам. И сложно не только Дану — Эшли и сама нередко бывала инициатором секса. В июле и начале августа она встречались уже не только ради походов в кафе.

И тут в конце августа Дан уезжает, полтора месяца проводит в разъездах, не всегда даже отвечая на ее звонки, а потом начинается учеба и работа одновременно, и вот он уже не может встречаться с ней так же часто, как раньше. Он понимал, как это может казаться со стороны — что он добился своего и теперь игнорирует ее.

Ситуация для Дана выходила неприятной. С одной — он чувствовал, что поступает не совсем красиво по отношению к шестнадцатилетней девушке. С другой — он не знал, как иначе, ведь отказаться от собственных амбиций для него тоже невозможно. Вот и получалось, что тянуть с этим — только делать друг другу хуже. Зачем трепать нервы друг другу, если их отношения откровенно не складываются?

У Дана всегда перед глазами был образец родителей, которые смогли сохранить страсть в отношениях, а не просто по привычке жить вместе. Они уделяли друг другу время, постоянно ходили на свидания, четко разделяли личные пространства друг друга и уважали хобби и привычки. И у папы, и у мамы были собственные, не общие друзья, увлечения, даже традиции. Но хватало и общего. Например, они каждый месяц ходят танцевать латиноамериканские танцы в одну студию, которая как раз и специализируется на танцах для супружеских пар.

И он. Через год отношений отчетливо понимающий, что не способен терпеливо отстаивать свою точку зрения в споре с той, которая просто хочет вернуть все, как было раньше.

Он позвал Эшли погулять вечером. Возле ее дома располагался небольшой сквер рядом с баскетбольной площадкой — он до сих пор иногда ходит сюда с БигБи побросать мяч, избавиться от напряжения за игрой и пустой болтовней. А сейчас они сели на скамейку и как-то неловко замолчали. Эшли опасливо косилась на него, явно чувствуя, что он не просто так позвал ее просто гулять, а не в кафе, как обычно.

Дан тяжело вздохнул, набираясь смелости и произнес:

— Нам нужно расстаться.

Эшли тяжело вздохнула, но ответила ровным и холодным тоном:

— Это потому что тебе нравится кто-то еще?

Дан, даже борясь с ее ревностью последние несколько месяцев, удивленно обернулся:

— Что? Нет! Просто... я так больше не могу, ты явно... тоже. Мы постоянно ссоримся

Очевидно, что не собираемся меняться. Мне нравится моя работа, нравятся мои увлечения...

— И ты не готов отказываться от общения с девушками ради меня.

Дан снова тяжело вздохнул. Он все пытался понять — она такая потому что ей шестнадцать, или это вне возраста?

— Как ты представляешь, я должен отказаться от общения со Скарлетт?

Эшли недовольно фыркнула:

— Вот видишь, ты сразу о ней вспомнил!

— Потому что из-за нее мы чаще всего ссорились. Но ты не ответила: как ты себе представляешь это? Мы с ней вместе состоим в кружке, где нас всего девять человек. Она болтлива. Не только со мной, а в принципе. Как я должен перестать с ней общаться? Игнорировать ее? Сбегать, когда она приближается? Чтобы не видится со Скарлетт, мне нужно отказаться от кружка, без которого я не смогу заниматься пением так же интенсивно, как сейчас.

Про то, что ему нравится с ней общаться, как с человеком, он говорить не стал. Эшли недовольно нахмурилась. Она злилась и молчала. Какое-то время Дан просто рассматривал ее профиль. Красивая. Почему вообще так получилось? Почему этого не было раньше? Год назад, когда он начал набирать популярность в интернете, Эшли даже радовалась за него...

— Но я не хочу расставаться, — внезапно уязвимо сказала она. — Я... я просто...

И разревелась. Наверное, не следовало так делать, но раньше Дан ссорился только с родней и истеричками — его первые серьезные отношения, помнится, закончились разбитой вазой и громкими криками о том, какой он козел. С Эшли все иначе.

Дан обнял ее. Эшли уткнулась ему в плечо и разревелась еще более горько. Причитала даже что-то про любовь, но словно и не пыталась его переубедить. Наверное и сама понимала, что это невозможно. Он не перестанет общаться с людьми, она — не перестанет ревновать. Но взрослое осознание вступило в конфликт с юношеским максимализмом, привязанностью и чувствами — может и не какой-то неземной любовью к нему, но абы кому в пятнадцать лет нюдсы не шлют.

Ему пришлось проводить Эшли до квартиры, а уже после брести домой самому. На светлой толстовке, в которой он ходил на разговор, ярко выделялось пятно от макияжа Эшли — как минимум ресницы она красила и явно не водостойской тушью. Было грустно и стыдно. Но одновременно стало легче — то самое ощущение сброшенного с плеч груза.

Расставание повлекло за собой повышение интереса к его персоне среди девушек. Вот только раньше он был просто симпатичным блогером и засматривались на него просто некоторые, остальные считали классным и прикольным... теперь же, будучи моделью и не имея официальной девушки, он стал предметом странной женской охоты. Странной, потому что вились вокруг него явно не те, кому он в нравился как парень.

Есть в частных школах такой тип девушек, о чем купленном дипломе знают практически все. Нет, они не тупые. Просто не делают сами проекты, нередко и экзамены сдают не сами, а в школу ходят скорее чтобы тусоваться и потому что в этом штате за прогулы детей родителей могут лишить родительских прав. А их богатые родители подобного, разумеется, не хотят. В случае частной школы искусств, это такой тип девушек, которые грезят славой. Они и прежде звали его на свои вечеринки, да и заигрывали нередко. Но унижаться, делая все это перед официальной девушкой — моветон. Теперь же, когда он парень свободный, можно перейти к тяжелой артиллерии, не стесняясь смешков соперниц из-за неловких ситуаций — все же Эшли была вовсе не милой тихой ланью и скандалить

могла не только с Даном, но и со всякими «швабрами».

— Если бы это было этично, я бы ей заплатил за роль моей девушки, — честно признался Дан, вытирая со щеки липкий блеск Ирэн — она решила на прощание чмокнуть его. Метила в губы, Дан успел увернуться.

БигБи прыснул со смеху. Ужимки и прыжки школьных хищниц были не слишком заметны издали, все же девушки переживали о своей репутации, но для Дана и его близких друзей открытие охотничьего сезона не прошло незамеченным. Ирэн так вообще умудрилась «ошибиться чатом», спросив его мнение о новом нижнем белье. Разумеется, абсолютно прозрачном и в приложении к чулкам и красной помаде. Ведь именно так девчонки фоткаются, чтобы показать подружкам новый комплект белья. Дан вообще сомневался, что девчонки таким делятся. Спросил у Мэри — она сначала долго ржала, потом честно ответила, что некоторые могут, но она бы постеснялась.

— Можешь попросить кого-то из знакомых сыграть роль девушки, — предложил Эйдан.

— Кого? — хмыкнул Дан. — Только если кого-то из вас, парни.

Они опять радостно заржали, но все же начали называть попеременно имена их общих знакомых. Большинство из них либо были слишком скромны, чтобы дать отпор этим хозяйкам жизни, либо... либо именно к ним Эшли и ревновала... это было бы не менее не этично, чем если бы он попросил ее сыграть роль до конца учебного года. Бог с ними, с хищницами. Как-нибудь переживет, они явно не опаснее сумасшедших фанаток, которые иногда буквально пытались оторвать от него кусочек.

Глава 33

Музыкальный талант

До Рождества Дан написал песню «Sorry», мысленно посвятив ее расставанию с Эшли. После праздников, на каникулах, они с Тимоти начали усиленно работать над его альбомом с балладами. После череды танцевальных песен было даже несколько непривычно записывать такие длинные партии живого звука — в альбоме будет много фортепиано и гитары.

Именно в инструментале и была главная причина долгой записи. Музыкантов ведь приходилось приглашать в студию, потому что компьютерный звук все равно слышится иначе, чем живое исполнение. Каждый музыкант — это сначала репетиция, потом несколько дублей записи. Следующий музыкант. И следующая мелодия. Только на создание инструментала для девяти песен — пять его и четыре кавера — ушло две недели. А потом его голос они записали за три дня.

Sorry он включил в альбом, несмотря на то, что представители лейбла уговаривали ее продать, переписав для более яркой баллады. Дан отказался. Песня вышла слишком уж личной, он категорически не хотел, чтобы ее исполнял кто-то еще... годика через два — возможно. Сейчас — однозначное нет.

Готовые треки отдали продюсерскому центру — создать обложку, подготовить к загрузке на платформы. Публикация в сети планировалась уже в феврале, так что Дан пока расслабился. Он участвовал в съемках, занимался вокалом, потихоньку писал музыку, подготовил с Тимоти три песни для Jovial Attack, записывать которые будут не раньше осени и уже наверняка без Дана, выполнил еще две песни на заказ для альбома Лиама, с которым работал над рождественской мелодией.

Песня к Рождеству, к слову, стала очень популярна. Для Тимоти это было ожидаемо, а вот Дан немало этому удивился. Но еще раньше он удивился номинации Jovial Attack на Грэмми. Дану заранее сказали, что шансы выиграть в номинации лучший танцевальный альбом близки к нулю просто из-за малой популярности группы и... автора песен. Но даже номинация — уже ценно.

В самом конце января вышла песня Кети Пэрри, моментально ставшая хитом. Повторилась история с заглавкой Jovial Attack — казалось, что знакомые до боли слова звучат просто из каждого утюга. Пока он с мамой и менеджером ехали в аэропорт, чтобы отправиться в Париж для съемок в рекламной кампании, эта песня по радио сыграла трижды. И еще по разу — две песни Jovial Attack. Мама над ним посмеивалась каждый раз, когда начинала играть знакомая мелодия. Менеджер с подозрением косился в сторону Дана, но вопросов не задавал. В модельном агентстве, разумеется, не знали о том, что Дан пишет музыку.

Февраль слился в сплошную работу. Съемки, показы, съемки, показы. Он пропустил месяц школы и, вернувшись домой, планировал исправлять проблемы с оценками — хоть ему и шли навстречу, ставить баллы за красивые глаза и шесть кубиков пресса они все еще отказывались.

Но сначала он отправился в студию — его альбом вышел пару дней назад и хотелось обсудить это волнительное событие с Тимоти.

Тот встретил его смущенной улыбкой.

— Ты садись, — предложил он.

— Начало мне не нравится, — осторожно присел Дан.

— Нет, все хорошо... просто они сделали вещь, которую я не ожидал. В общем — вот.

И он выложил перед Даном коробку CD-диска со знакомой обложкой — множество теней птиц на фоне облачного закатного неба. Это обложка его альбома. Поверх знакомой картинки, которую Дан сам выбрал, значилось название альбома — «Sorrow» и такое непривычное для американца имя — BongHyun.

— Физический альбом? — неверяще уточнил Дан. — Но планировался же только диджитал...

— Главный сказал сделал минимальный тираж. Пять тысяч экземпляров. Пятьсот оставили здесь, кажется, их планируют вкладывать в качестве подарка партнерам. И... они будут крутить тебя по радио.

Дан сощурился:

— Радио? Это же неформат...

Тимоти покачал головой:

— Для баллад нет неформата. У тебя красивый голос, песня уж больно хорошо и они явно решили попробовать.

Дан нахмурился:

— Зачем? Я не буду дебютировать в США по целому ряду причин, в тур меня не отправить, на шоу ходить не буду. Чтобы продать пять... четыре с половиной тысяч экземпляров альбома?

Тимоти тяжело вздохнул, но улыбался по-прежнему доброжелательно:

— Не стоит думать о нашей сфере только как о бизнесе. Мы все приходим сюда идеалистами, мечтающими делать музыку. Абсолютно все. Это потом на первый план выходят чарты, деньги и номинации. Считай, что это неловкий подарок от нашего главного: они решили вложиться в радио ради твоего очень далекого будущего. Без продвижения и клипа эта песня все равно не сможет стать супер-популярной. Но, если ты через пару лет запоешь, это станет событием — голос у тебя достаточно узнаваем.

Тимоти выложил перед Даном целую стопку таких же дисков:

— Вот. На сувениры. Возможно когда-нибудь эти диски будут очень дорогими из-за малого тиража.

Сделать Дан ничего не мог. Лейбл не мог требовать от него продвижения или участия в туре — его контракт затрагивал только и исключительно написание и исполнение песен. Но они оставили себе лазейку: право выпуска и перевыпусков альбома полностью в их власти. Дан и подумать не мог, что они могут вложиться в физический диск и уж тем более — в продвижении на радио. Но... Через пару дней вечернее радио часто «баловало» слушателей голосом Дана.

С точки зрения стриминга, альбом был очень удачным. Все песни Дана постоянно были в крупных плейлистах, «Sorrow» даже занимал лидирующие строчки в топах музыкальных платформ и умудрилась попасть в чарт Billboard аж на двадцать второй строчке. Небывалое достижение для малоизвестного исполнителя, которого еще и никто не видел в лицо.

Все это обеспечивало Дану приятную зарплату. Раз в месяц стриминговые площадки передает деньги за прослушивания основным правообладателям — лейблу. Лейбл рассчитывает кому и сколько оттуда нужно заплатить, деля роялти между авторами текста, музыки, аранжировки, исполнителем и самим лейблом. На это у него уходит месяц, после

они отправляют деньги тем, кому они причитаются. Так как песни Дана выходили достаточно плотно и были весьма популярны, его выплаты были соизмеримы с зарплатой: две-три тысячи долларов в месяц. Первые деньги ему пришли в декабре, там было еще относительно немного — чуть больше тысячи долларов, но после цифры только росли.

В апреле состоялась премия Грэмми. Jovial Attack, как и предсказывал Тимоти, статуэтку не взяли, но показали яркое выступление. Впрочем, их главная премия впереди — в плане яркости шоу и понятности вознаграждения VMA однозначно обгоняет Грэмми.

А уже в конце апреля, когда Дан активно готовился к выпускным экзаменам, дебютировала и Сандра Миллер, которую тут же окрестили «Новой Бритни Спирс». Дан не выдержал — послал ей цветы и посоветовал быть осторожнее с мужчинами по имени Джастин и Кевин. Эта хамка выложила букет в своем инстаграмм, написав, что ей их отправил автор ее песен.

А еще Дан познакомился с Кэти Пэрри. Та немало удивилась тому, что он такой молодой, подарила диск и посоветовала не бросать музыку — у него явно талант.

Все это даже заставило его сомневаться в решимости ехать в Корею. Может не стоит? Может все же попробовать свои силы в США?

Но он вспоминал, что вляпался во все это не только потому что у него зависимость от творчества и славы... а потому что он хочет помочь Минсоку и Хэвону обрести лучшую судьбу, чем она была в его прошлом.

Глава 34

Прослушивание

Крупные открытые прослушивания в агентства талантов объявляют каждые два-три года. Это масштабные события, нередко их в том числе снимают для соцсетей, могут быть и концертные прослушивания, куда приглашают людей с улицы. Там несколько фильтров отсеивания, насколько знает Дан. Сначала — прослушивание в живой очереди, иногда группами, которые загоняют в разные залы, где просят станцевать или спеть. Минск, который несколько раз участвовал в открытых прослушиваниях, рассказывал, что парней с его внешностью нередко цепляют прямо в общей очереди, вызывают из строя, просят показать что-нибудь и, если есть хоть какие-то навыки, отправляют домой с допуском во второй тур. Потом будет еще одно прослушивание, уже нормальное. Делается это для того, чтобы в первый день избавиться от всяких неадекватов без каких-либо навыков, которые пришли чисто поржать. Поэтому пройти первый тур относительно просто — достаточно быть симпатичным или уметь хоть что-то. На втором туре уже комиссия, оценка навыков и все это на камеру. Несколько дней на решение комиссии, после чего лучших приглашают на собеседование, в ходе которого пытаются понять, что это за ребенок, чего он хочет и готов ли работать. И уже по результатам собеседования принимают решение брать или не брать трейни.

Дан не участвовал в открытом прослушивании. Его нашел скаут, пригласил на закрытое прослушивание, которые проходят чаще — один, два, а то и три раза за год. Там все быстрее, потому что туда приглашают детей, которые уже более-менее подходят под стандарты или же занимались пением и танцами в каких-то школах и кружках. На закрытых прослушиваниях само выступление и собеседование проходят в один день, нередко по видеозвонку.

Сейчас же Дан шел вообще третьим путем. Так как парней в к-поп приходило меньше, чем девушек, а востребованность мужских групп достаточно высока, то прием именно мальчиков идет круглогодично. Для этого нужно заполнить заявку по образцу и ждать ответа. Шанс ответа невелик, заявки просматриваются не особо часто, принимают таким образом немногих. В прошлом для выступления Дан записал танец, сейчас — пение, добавив в текст письма ссылку на плейлист со своими танцами, которые он нередко выкладывал на Ютуб. Оставалось только ждать.

Но были и сомнения в успехе. Он нарушил много «правил трейни». У него была девушка. Он снимался в нижнем белье. Ходил по подиуму в прозрачной одежде. Жарко обнимал на фотосессиях женщин, которые старше его. У него уже немало контрактов, в которых к-поп агентство никак не фигурирует и, следовательно, его прибыль пройдет мимо них, что обычно не нравится корейским начальникам... будто в данном случае они что-то делают для получения этой прибыли.

При этом Дан знал, что стать частью корейского агентства талантов — реально. Его уже пригласили. Агентство UQ не боялось скандальных артистов, поэтому они сами писали ему на рабочую почту, что готовы принять его. Дан написал, что хочет сначала закончить школу, поэтому пока вынужден оставить вопрос без ответа. На деле, конечно, он оставил их как запасной вариант. Понимал, что там могут создать группу хоть специально под него, но хотел бы как минимум попробовать собраться с друзьями из прошлой жизни.

Агентство КАС любили большие мальчишеские группы. В группе Дана было девяти человек. Они хорошо общались между собой... фанатам говорили, что они — семья, причем даже не особо врали. В семье ведь тоже некоторых родственников ненавидишь, но избавиться от них нет возможности. Но... в их случае все ссоры были временным явлением, они действительно неплохо ладили. Так как их группа далеко не сразу стала популярна, то эти годы без огромной славы в изнурительной работе заметно их объединили. Но все же были те, кого Дан считал... да, пожалуй братьями. Это Хэвон — их младшенький, и Минсок — любимый «старший братец». Когда агентство расселило их по трем квартирам, чтобы у каждого была своя спальня, они втроем жили вместе... что, впрочем, не помешало Дану не заметить проблемы, которые у них начались на самом пике его личной карьеры.

Есть только один нюанс. Ни с Хэвоном, ни с Минсоком он не виделся до начала подготовки к дебюту. Хэвон его младше больше, чем на год. Когда Дан приехал стажироваться, Хэвону было пятнадцать и он стажировался в младшей группе. А Минсока и вовсе вызвали точно к началу подготовки. Готовиться к дебюту они начали уже зимой, тогда он и познакомился с обоими парнями.

Так много всего уже изменилось... получится ли у Дана встретить их снова? Особенно Минсока. В отличие от Хэвона — подростка с мечтами стать певцом — старший был уже взрослым парнем, учился в университете и подрабатывал после него. Кроме того, незадолго до приглашения в КАС Минсок проходил прослушивание в другое агентство и его пригласили на стажировку, но он отказался из-за того, что уже познакомился с ними и Виктор его отговорил. А сейчас... сейчас Дан даже не был уверен, что Виктор остался на своем месте. В этом году будет восемь лет с начала его стажировки и, по его словам, мысли об уходе из агентства приходили к нему не единожды. Вдруг он уже ушел? Или даже так: если он остался, захочет ли он видеть Дана в той группе, для которой он сам пишет песни? Ведь Дан уже вовсе не тот милый и скромный паренек, который с восхищением смотрел на Виктора, не замечая многие его... не самые положительные качества...

Как бы там ни было, но сначала Дану предстоит сдать экзамены. Неизвестно еще, что там дальше будет с корейским шоу-бизнесом, а для поступления в университете нужен школьный аттестат.

Поэтому весной он много зубрил. Танцевал, пел, вел блог, иногда выезжал на съемки, но постоянно зубрил, готовясь сдать экзамены на достойный балл. Записался на более раннюю сдачу — контракт требовал его присутствия на мужской недели моды в Париже, поэтому он не мог сдавать среди последних.

И, так уж вышло, что результаты экзамена упали на его почту одновременно с ответом от КАС. Так он узнал, что получит хороший аттестат — наверняка даже войдет в число счастливых обладателей пометки Honors в аттестате [*В США есть что-то вроде красного диплома. Принцип такой. Есть ученики с высоким средним баллом и высокими оценками за выпускной экзамен — они получают диплом с пометкой Honors, который дает доступ в хорошие университеты. Кроме просто пометки есть диплом образца High Honors, для получения которого нужно входить в десять процентов лучших учеников школы, где учитывается уже не только оценки, но и внеклассная деятельность, в основном олимпиады и соревнования. Здесь Дан надеется только на приписку Honors, без диплома особого образца.*]

КАС приглашали его на онлайн-собеседование, предложив на выбор три даты. Дан с папой выбрали ближайшую и около получаса говорили с представителем агентства по-

корейски. Волнение было сильным, но агентство согласилось взять Дана на его условиях — не разрывая контракт с модельным агентством и не претендуя на прибыль с контрактов до его дебюта на корейской сцене.

— Ты им не сказал, что сам можешь писать музыку и тексты? — неуверенно уточнил папа, когда звонок завершился.

Дан кивнул:

— Не сказал. Подумал, что лучше пока оставить это при себе... посмотрю сначала, как все пойдет.

Папа кивнул. Он пристально его рассматривал, отчего Дан решил воспользоваться тем, что официально ему шестнадцать — малодушно обнял папу, чтобы не чувствовать неловкости из-за его взгляда. Родителям не нравилась его идея ехать в Корею... ничего удивительного в этом нет, Дан своей взрослой частью полностью понимал их волнение. Тем более — они прекрасно знали, какие нравы царят в их родной стране и насколько их семья далека от этих нравов. Лукизм, патриархальное общество, сверху трудоголизм и поздние браки по расчету — четыре кита, из-за которых его маму можно привести в бешенство. Они все воспитаны в других условиях, они действительно слишком американцы, поэтому даже тетя Нарн временами кажется немного странноватой из-за некоторых своих слов. А ведь и она, и бабуля не вписываются в типичное представление корейцев об одиноких женщинах — они те еще бунтарки. Мама Дана в Корее была бы вообще какой-то Жанной Д'Арк.

Глава 35

Модный выбор

В июне Дан улетал на неделю моды. Несмотря на то, что он сдал экзамены одним из первых, этим летом позволить себе полную загруженность на работе он не мог — сдавал некоторые зачеты, готовил сопроводительные письма, собирал характеристики. Но все же перед отлетом в Милан в его модельном агентстве сказали, что на данный момент он у них самая высокооплачиваемая модель среди мужчин.

Дан и сам это видел по количеству заказов и все более растущему ценнику. Он не мог сниматься для рекламы одежды тяжелого люкса из-за контракта с Louis Vuitton, но это не распространялось на более демократичные бренды, косметику, ювелирку, парфюмерию, спортивную одежду. Весной у него было два крупных контракта: Cartier и Adidas. Даже неловко ставить такие разные бренды рядом.

За год личный счет Дана значительно вырос. В прошлом июне там было сто пятьдесят тысяч долларов, в этом — девятьсот. И это еще не начали приходить выплаты за контракт с Louis Vuitton, они выплачивали ему определенные суммы за каждую рекламную кампанию. Шансы, что в Корею он полетит в прямом смысле миллионером, были весьма высоки. Пока что эти деньги практически никак не были задействованы. Часть он вложил в акции, но основной капитал лежал под процент на банковском счету. Дан предполагал, что может впоследствии вложить это в акции агентства КАС, но не хотел делать это заранее: вдруг что-то пойдет не так и он не сможет у них дебютировать?

Его знакомые из блогосферы вообще не понимали, почему он до сих пор не монетизирует блог на полную. Почти все люди, имеющие блоги от миллиона и выше, открывали какие-то продажи — кто-то торговал курсами, кто-то мерчем, кто-то пытался создать свою линию косметики или смешных гольф. Но смысл? Все равно придется закрыть, если он дебютирует в Корее. При этом на разработку и производство этого «чего-то» уйдет немало времени, а у Дана с ним некоторые проблемы. Но да, продавай он какие-нибудь значки со своими фотками, заработал бы больше. Если бы придумал нечто более оригинальное, чем значки, то мог бы уже быть миллионером.

Деньги для него были далеко не на первом месте, хотя однозначно значимы. Ощущение финансовой свободы приятно, оно дает возможность чувствовать себя менее уязвимым — он, по крайней мере, может не беспокоиться о деньгах.

Но все же больше ему нравилось ощущение занятости и востребованности. Быть может это последствия того первого, настоящего детства, когда он был малозаметным подростком с мечтами о славе. А может это просто выработанная привычка быть занятым. Но он, несмотря на усталость и некоторые малоприятные моменты, чувствовал себя счастливым в этом хаосе. Съёмки, поездки, показы, интервью для прессы, работа над блогом.

Аккаунт YouTube он обновлял крайне редко — времени не хватало. А вот инста пополнялась регулярно, в большей степени, конечно, через сториз. У него бешенные просмотры, многим интересно знать, как устроена индустрия моды изнутри, а Дану нередко давали разрешение снимать и выкладывать сразу, не дожидаясь выхода рекламы или журнала.

Ценник за рекламу в блоге рос. Начинал он когда-то с пары сотен долларов, сейчас ему платили от десяти тысяч за фото в одежде бренда. Бренды так относились вовсе не ко всем

блогерам, к слову. Многие миллионники продолжали рекламировать одежду либо за саму одежду, либо за гораздо более скромные гонорары. У Дана просто очень высокий индекс вовлеченности. Невероятным для себя самого образом он умудряется поддерживать интерес подписчиков к своим постам. К июню у него было уже три с половиной миллиона подписчиков, а его посты собирали по два миллиона лайков — то есть вовлеченность аудитории более пятидесяти процентов. Это редкость, у большинства блогеров процент вовлеченной аудитории от общего числа подписчиков — тридцать или около того. И Дан. Шестьдесят пять. Хотя, конечно, это еще и потому что Мэри иногда чистила у него ботов и всякие сомнительные аккаунты, используя для этого специальные программы. Без этой «процедуры» его блог был бы больше, но с худшими результатами.

В этот приезд в Париж Дан снимался в документальном фильме Louis Vuitton, показывая как он готовится к показу. После была подобная съемка для новой сумки — унисекс вариант, который могут носить как мужчины, так и женщины. Все это, разумеется, хорошо оплачивается и еще сильнее поднимает его узнаваемость.

В самолете, спеша на собственную выпускную, Дан читал свой первый парфюмерный контракт. Марка Vulgarì решили полноценно зайти на азиатский рынок и им нужно сменить рекламу. Обычно в их рекламе парфюма снимаются зрелые мужчины, чтобы щетина, волевой подбородок и густые насупленные брови. И это категорически не подходит азиатам, где ценят более мягкую внешность.

Дану нравился парфюм Vulgarì, но вот в Азии обычно предпочитают легкие ароматы, чтобы едва ощущались на коже, в то время как итальянцы любят яркие запахи. Но... должна ли Дана заботить успешность бренда? Да и предлагают ему не крупный запуск, а создание рекламного контента для магазинов. Платят при этом прилично. Вопрос: хочет ли Дан, чтобы его лицо висело во всех парфюмерных магазинах Азии над стендом с ароматами Vulgarì? Скорее да, чем нет.

В этом году он впервые полетел в Париж бизнес-классом. Уже и летать становилось неудобно в экономе — рост у него может и не самый высокий, но вот длинные ноги сложно пристроить в этом проходе. Да и позволить себе мог. На счету почти миллион долларов, имеет право.

А вот его менеджер Томас путешествовал в эконом-классе, что являлось абсолютной нормой. Поэтому свое решение по контракту он сказал ему уже по прилету, в аэропорту. Томас тут же начал звонить в агентство. Там, разумеется, были не слишком довольны тем, что их лучший парень уезжает в Корею, когда его карьера идет в гору. И они ожидаемо пытались сделать как можно больше до того, как вести дела с ним станет особенно сложно. Так что Дан был уверен, что договор с Vulgarì подпишут так быстро, насколько это вообще возможно.

До конца контракта с агентством оставался год, даже чуть меньше. Но за время совместной работы на нем уже прилично заработали. Для всей индустрии он был примером медийной модели мужского пола. Прежде такое бывало редко. Это женщины-модели становятся настолько популярны, что их имена знакомы широкой публике, мужчины обычно подобным похвастаться не могут. Но модель Даниэль Хан — это бренд, такая история одновременно и раннего успеха, и американской мечты, и современной нацеленности на расовое разнообразие.

И популярным его сделал вовсе не блог. Дан отчетливо понимал, что ничего подобного бы не случилось, если бы не Louis Vuitton. Они многое вложили в ту первую рекламу с ним,

они намеренно наделали шума вокруг его возраста, ведения блога, они в том числе заказывали хвалебные статьи о его походке и ауре. Не потому что за тот ужин в ресторане два влиятельных человека влюбились в него и решили сделать его знаменитым. А потому что это помогло им раскрутить их коллекции. Можно каждый раз вкладывать сотни тысяч долларов на сложные шоу, приглашать дорогих моделей и все равно быть просто одним брендом из перечня таких же... а можно наделать шума вокруг заголовков «Блогер из США становится символом новой мужской моды». Они начали ребрендинг с мужской коллекции вовсе не потому что Ким Джонс так уж гениален. Это было сделано потому что в мужской моде они реально имели возможность выделиться.

Дан полноценно осознал это только спустя год. И искренне восхищался тем неизвестным, что это придумал. Была ли это мадам Арно? Он не знал наверняка. Не восхищался. Ему есть чему поучиться, ведь они повысили свои продажи не напрямую через рекламу одежды, а косвенно — оплатив статьи про лицо рекламной компании. Заодно с ноги влетели на азиатский рынок, где прежде были вовсе не самыми успешными. И да, это потому что они выбрали не какого-то айдола, который и так популярен, а будто сказав, что не видят разницы между расами — смотрите, мы нашли в Нью-Йорке азиата и он нам понравился настолько, что стал лицом нового запуска.

Насколько Дан знал, так еще не делали. Бренды не раскручивают своих моделей. А эти придумали такую схему, создали новостную повестку, практически дали Дану хорошего ускоряющего пинка, а сами пристроились следом. И его востребованность как модели росла тоже не потому что он так уж невероятен. Все хотели привлечь к себе внимание, поэтому его и звали на показы. То есть несли его популярность все выше и выше. До тех пор, пока все в индустрии не поверили, что Даниэль Хан очень хорош как модель. Теперь Louis Vuitton больше не нужно в него что-то вкладывать, он отрабатывает прежние вложения, нося их одежду постоянно и демонстрируя это в блоге.

Это не было прописано в каком-либо контракте. Никто из них не клялся друг другу в вечной любви и дружбе, поэтому особенно ценно. Надеялись ли они на то, что Дан будет им благодарен? Не факт. Но он был благодарен. И, если они предложат продлить контракт, он сделает все, чтобы это произошло, даже если его корейское агентство будет против.

Глава 36

Классический выпускной

Все мысли о моде и музыке пришлось отложить ради выпускного. Чтобы не идти одному, Дан все же позвал Скарлетт. Эшли, скорее всего, воспримет это как подтверждение своих подозрений, но не может же он всю жизнь оглядываться на чувства своей бывшей? Для него этот вечер все равно что часть работы. Ему нужны качественные фото и желательно бы картинка успеха. А это значит — девушка рядом. Потому что успешный выпускник не может пойти на выпускной один. И не только потому что это противоречит образу классного парня. Просто... у него так много подписчиков-девчонок, они часто шлют ему разные сообщения и он отчетливо понимал, что они будут возмущены тем, что он не позвал хоть кого-нибудь. Вроде того, что парни вечно трусят, а для девочек это важно.

Дан в этот раз не стал нанимать лимузин, заехал за Скарлетт на своем Porsche, хотя поездку сложно назвать романтической — он вез с собой фотографа, который еще и отснял некоторое количество фотографий у машины.

Скарлетт надела весьма провокационное платье с обнаженными плечами и высоким разрезом на длинной юбке. Оно создавало иллюзию «голого» платья, только в более скромном воплощении — поверх мини-платья в тон кожи накладывались слои черного гипюра и кружева, создавая ощущение, будто под платьем нет белья, но при этом оно качественно закрывает все стратегически важные места.

— Ох, ради этого наряда я качала жопу последние полгода, — весело ответила Скарлетт в ответ на его комплимент.

Черный наряд она дополнила крупными золотыми украшениями, золотой обувью и клатчем, поэтому и букетик Дана был золотой: желтые пионы щедро украсили золотыми блестками, а листья и вовсе покрасили из баллончика.

Выглядели они ярко. Скарлетт крошечная рядом с ним — ростом она где-то в районе метр шестидесяти, ее не спасали даже высоченные каблуки, на которых она весьма бодро бегала. В зеркале они походили на выпускников в духе сериала про золотую молодежь, мама Скарлетт даже пошутила о том, что они скорее походят на ведущих какой-нибудь премии, чем на старшеклассников.

Потом Дану это же писали в сети. Зато Скарлетт добилась своего — ее заметили. В школе она была и так достаточно популярна, а уж в паре с Даном привлекла еще больше внимания.

О том, что она идет на выпускной вместе с Даном, было известно заранее, так что вальс короля и королевы бала они танцевали вместе. БигБи по секрету потом рассказал, что это было спланированной акцией. Дана хотели короновать из-за его реакции в прошлом году: многим показалось забавным сделать его дважды королем школы. А за Скарлетт голосовали не только потому что они в паре, но и потому что все вспомнили, что кто-то из коронованных персон должен войти в ученический совет... который очень подойдет Скарлетт — она-то, в отличие от Дана, продолжает учиться. Именно поэтому Скарлетт получила самую желанную девчачью цацку. В ее ярко-рыжих волосах корона практически терялась, но улыбалась она так широко, как будто стала как минимум Мисс Мира.

После веселой, но приличной официальной части, почти весь выпускной курс ехал на свою собственную вечеринку, в снятый домик за пределами Манхэттена. И вот там уже пиво

лилось рекой, играла громкая музыка и велись максимально дурацкие игры. В школе Смит-Вестон никогда не было большого числа выпускников: обычно выпускалось где-то в районе пятидесяти человек, в то время как в муниципальных школах это число будет в районе ста пятидесяти. Из них не все пошли по эту вечеринку. Кто-то праздновал своей, более тесной компанией, кто-то просто сторонился подобных сборищ. Но у некоторых выпускников, как у Дана, партнеры были не из выпускного класса, так что примерно в тот день в доме было где-то около сорока человек.

Дан мало пил, но много смеялся. Дурацкие танцы, пошлые шутки. Они своей небольшой компанией забаррикадировались на остекленной веранде и вспоминали какие-то особенно забавные случаи. Мест было так мало, что Скарлетт залезла Дану на колени и прижалась так тесно, что он впервые за все время общения с ней начал подозревать ее в не совсем дружеских планах на свой счет. Пил он, может, и немного, но как раз достаточно для того, чтобы идиотские идеи казались вполне веселыми.

Именно поэтому, когда Скарлетт неуклюже опрокинула на свое шикарное платье банку с пивом, он повел ее наверх, чтобы помочь... да и на него немного пива все же попало... Последнее было скорее оправданием, конечно. Он был достаточно пьян, чтобы его любопытство перевесило здравый смысл.

Общая ванная на первом этаже, разумеется, была занята кем-то блюющим. Дан не бывал на подобных вечеринках в этой своей жизни, но знал, что это классика подобных попок из прошлой подростковой жизни, где он нередко ходил на вечеринки с алкоголем, пусть и почти не пил.

Первые две спальни на втором этаже закрыты, из-за дверей третьей слишком явно слышались стоны, но в конце коридора была открыта дверь и Скарлетт, смеясь, потащила его к ней:

— Там точно еще не занято! — весело заявила она.

Было свободно. Дверь в ванную тоже нараспашку, вроде никого. Скарлетт захлопнула дверь спальни и практически повисла на Данае, вынуждая его немного наклонить голову.

— Ну и что ты творишь? — уточнил Дан.

Ему и правда было интересно: зачем ей это и почему сейчас?

Скарлетт недовольно надула губы. Она походила на персонажа какого-то мультлика, такую внешность особенно любят в Азии — маленькое личико с острым подбородком, большие глаза и крохотные пухлые губки, кажущиеся круглыми — их ширина и высота, если можно так сказать, были почти равны. Ожившая Джессика Рэббит. Из образа рисованной красотки выбивался только длинный тонкий нос и яркие веснушки, которые покрывали ее лицо так плотно, что скромные пятнышки Дана даже неловко называть веснушками.

— Я тебе не нравлюсь?

— Я первый задал вопрос, — качнул головой Дан.

— Я творю себе веселую юность и выпускной как в кино, — уверенно заявила Скарлетт.

Дан даже немного растерялся от такого ответа. А Скарлетт продолжила:

— Не уверена, что на свой настоящий выпускной рядом со мной будет парень, с которым я смогу быть немного безумной, так что почему бы не сейчас? Ты свободен, у меня никого нет. Через пару недель ты уедешь из города и, скорее всего, мы вообще никогда больше не увидимся. Защиту я принесла.

И она так внимательно посмотрела на Дана, что он прям почувствовал себя той самой девчонкой, которую клеили на вечеринке. Скарлетт стояла слишком близко, а этому телу

вообще-то физиологически шестнадцать. От вечного сперматоксикоза его спасала скорее высокая занятость, чем взрослое сознание. А сейчас, немного выпив, и сознание посчитало резоны Скарлетт достойными. Он сам поцеловал ее, нашарил рукой замок на двери, чтобы никто не ворвался в комнату в самый ответственный момент.

Выпутывать ее из тесного платья было не так-то просто. Пол слегка подрагивал от громкой музыки, а свет они не включали. Кажется, что-то из украшений не выдержало такого накала страстей, порвалось и улетело куда-то. При условии, что они оба с ног до головы в люксовых брендах, это может быть ощутимой потерей.

В крохотном золотом клатче Скарлетт, кажется, вообще не было ничего кроме блеска для губ, телефона и россыпи презервативов. Они вывернули все это на кровать, слепо пытаясь найти нужный предмет.

Девственницей она явно не была — оседлала Дана так, будто это ей тридцать на самом деле. Да и стоны не сдерживала. Когда Дан повалил ее на кровать, умудрилась еще и спину ему расцарапать.

Даже странно, что такого секса у Дана никогда не было. Чтобы страсть, поспешное раздевание, болезненные поцелуи и вообще себя не сдерживать. Когда все закончилось, они — мокрые от пота — какое-то время молча лежали на кровати в обнимку, а потом Скарлетт осторожно выбралась:

— Не знаю, принято ли так поступать, но я собираюсь принять душ. Интересно, здесь есть полотенца?

Так как Дан со своего выпускного снова возвращался в понедельник утром, его снова застала старшая сестра. Он явно специально заняла это место на диване, а когда Дан зашел в квартиру, направилась к нему:

— Боже, братишка, ты выглядишь хуже, чем в прошлом году! — расхохоталась она.

Дан был все еще немного пьян — алкоголь не до конца выветрился. Он все никак не мог снять с себя туфли. Одеваясь в той спальне он завязал шнурки на узелок и теперь имел все шансы резать шнурки на дорогих ботинках.

— В прошлом году я не пил, — ответил он.

Узелок внезапно поддался и Дан наконец-то вылез из надоевшей обуви. Встал, чтобы практически нос к носу... точнее — нос к шее, она ведь значительно его ниже — столкнуться с Мэри.

Она нахально отодвинула в сторону воротник его рубашки и восхищенно присвистнула:

— У-ля-ля! Да ты, я смотрю, не только пил. С кем безобразничал?

Дан болезненно нахмурился и молча обошел сестру. Безобразничал. Неплохое определение для события, за которое ему уже стыдно. Вот зачем? Учитывая характер и желания Скарлетт... через пару лет она еще может всем радостно рассказывать, каков Дан в постели. И что с этим делать? Только что надеяться на ее благоразумие... или что ей никто не поверит.

— Дан! — возмутилась сестра, засеменив за ним следом. — Ты что, опять скрытничать будешь? Я же умру от любопытства.

— Это не смертельно, — уверенно парировал Дан. — Живи в незнании.

Как и в прошлый раз, он скрылся от любопытства сестры за дверь своей спальни.

— Вредина! — она стукнула по закрытой двери кулаком. — Как будто я не знаю, с кем ты ходил на выпускной. Не думаю, что нашлась бы смертница, которая рискнула отбить тебя

у этой рыжей бестии.

Дан снял пиджак, небрежно бросив его на диван. Засосы на шее весьма заметны. А у него съемки для журнала через пару дней... хотя какой журнал, у него фотки в форме выпускников уже завтра. Кажется, на вручение аттестата он пойдет с макияжем... или шейный платок надежнее?

Глава 37

На пороге нового

Весь июль Дан работал. Заканчивал запись своего второго альбома, который выйдет в следующем году, и делал аранжировку нескольких песен для Jovial Attack и Сандры. Плюс журнальные съемки. Оформление документов. Сборы вещей.

Первоначально планировал ехать с парой чемоданов, докупив все необходимое на месте, но в итоге вынужденно заказал перевозку груза. Дома его коробки с обувью заняли сначала гардеробную в гостевой спальне, а потом и часть самой гостевой спальни, там же лежали брендовые костюмы, часть слишком ярких вещей. Теперь вечерами Дан разбирает все это, отчетливо понимая, что случайным образом его гардероб разросся до таких размеров и стоимости, что можно одевать одну к-поп группу как минимум в течении двух недель продвижения, не повторяя наряды.

Просто ради гипотетической красивой картинки дебюта в будущем Дан бы не стал перевозить свои шмотки в Корею... но ведь было еще оборудование. Синтезатор, микшеры, две гитары, мощный компьютер, широкий монитор, специальные приставки для удобства работы, короб для записи голоса, хорошие микрофоны — за полтора года работы с Тимоти Дан постепенно собрал для себя кучу домашнего оборудования, покупать которое заново в Корее смысла нет.

Так что его коллекция обуви стала просто довеском к самому важному грузу. Так как он все равно оплачивал перевозку, решил увести с собой еще и стул Louis Vuitton — к хорошему быстро привыкаешь, а такой удобный стул еще нужно умудриться найти.

Мэри посмеивалась, смотря на его сборы. В гостевой комнате росли горы коробок, а комната Дана постепенно пустела — он планировал по классике улететь сразу после своего дня рождения. Только в этот раз папа в Корею повезет не его и Мэри, как бывало обычно, а они отправятся всей семьей. Венди и Летти уже бывали у бабули в гостях, но всего раз и так давно, что ничего не помнят. А мама обычно не летала из-за них.

В Корее они могли остановиться как у бабушки в доме, так и у тети в квартире. Бабушка держит небольшой огород, у дома растут яблони и в августе они так одуряюще вкусно пахнут, что кажется — можно съесть все... на деле это какой-то особый кислый сорт, на котором бабуля готовит настойку. Есть их решительно невозможно. Но пахнут вкусно, этого не отнять.

Домик двухэтажный, но небольшой. На втором этаже аж четыре спальни, но все крошечные, а единственная кровать располагается в спальне на первом этаже, где живет бабуля. Она вообще не пользуется вторым этажом, приводит его в порядок только для гостей. Поэтому и мебели там нет — встроенные раздвижные шкафы, обогреватели, низкие столики в каждой комнате, спать приходится на футоне. Дану в этом домике нравилось и не нравилось одновременно. С одной стороны — условия почти спартанские, хотя есть и свет, и вода. Просто это все же деревня. И вот это как раз вторая сторона. Это деревня — тихая, уютная, немного старомодная и весьма аутентичная, хотя и не является историческим объектом. Для ребенка и подростка в ней много всего интересного.

Самое важное, что даже сама бабуля в этом доме не живет постоянно. Второй этаж почти полностью деревянный и там особенно сыро и холодно, а вокруг такие милые соседи, что с удовольствием присмотрят за огородом, пока бабуля живет у дочери в Сеуле.

Тетя Нары постоянно уговаривает бабулю продать дом и переехать к ней полноценно, плюнув на свои грядки с капустой и острым перцем, но для бабули дом явно значит нечто большее, чем просто стены. Она все лето мотается между деревней и городом, а осенью, после сбора урожая, все мечтает, чтобы поскорее наступила весна и она вернулась в свой дом, к грядкам с редькой и кислым пахучим яблокам.

Квартира тети Нары тоже достаточно просторная — три спальни, небольшой кабинет, все это в районе Каннам. Так как кабинет она создавала под себя, а вещей у Дана много, тетушка уже радостно сообщила, что освобождает ему большую спальню и с нетерпением ждет его приезда, чтобы заказать новую мебель для рабочей зоны.

Да, жить он планирует у нее. Вообще, до офиса КАС от этой квартиры далеко, поэтому в прошлой своей жизни он и решил жить в общежитии, уезжая к тете только на выходные. Но сейчас не представлял, как ему поместиться в крохотном помещении, да еще и с несколькими парнями. К тому же ему и раньше-то было сложно делить общие пространства с не самыми чистоплотными людьми, а сейчас это и вовсе будет кошмаром. Поэтому — такси ему в помощь. Водить машину в Корею он не мог, несмотря на наличие прав. Здесь плевали на то, что в его стране ему выдали права и он их подтвердил годом аккуратного вождения в мегаполисе. Нет восемнадцати — нет права водить.

Модельное агентство на год передало его контракты корейским партнерам и те даже обещали предоставить выбор менеджеров. Но Дану нужно еще найти себе своего, без агентства. Бабуля говорит, что лучше бы брать родственников, но Дан очень опасался наткнуться среди родственников на такой типаж «работников», которые считают важным сам процесс создания видимости работы, а не результат. При этом родственника еще и уволить сложно — потом же вся родня будет последней тварью считать. Пожалуй, лучше нанять официально... с чем тоже есть некоторые проблемы — Дану еще нужно проконсультироваться с юристом, что делать с налогами в Корею, должен ли он в принципе их платить и как это делать, если открывать свое дело он однозначно не готов.

Мыслей было так много, что последняя его встреча с Тимоти проходила как-то вяло. Впрочем, и сам его наставник о чем-то постоянно переписывался в телефоне, пока внезапно не сказал:

— Слушай, ты же в школе искусств учился. Есть на примете кто-то постарше, кто готов стать частью девчачьей поп-группы?

От настолько неожиданного вопроса Дан даже вздрогнул:

— Группы? — удивился он.

— Да, группы. Мой знакомый собирает группу под крылом лейбла. Многого готово — песни, идеи для продвижения, предварительные договоренности. Но из четырех девчонок две были сестрами и их мама внезапно словила приступ звездной лихорадки — захотела для девочек больше. Нужно экстренно найти новую. Желательно такую, чтобы могла петь, танцевать и хорошо смотрелась в кадре.

Дан удивленно хмыкнул. Да уж. Вот еще кое-что новое. В прошлом в это время музыкальная индустрия выпускала мало ярких новичков, свою долю славы получали те, кто приходит со своим. Чисто коммерческих проектов уже практически не создавали. А сейчас у них немало тех, кого они создают с нуля. Сандра — продюсерский проект, пусть девушка и знает, что она делает. Пара певцов-парней из распавшегося бойз-бенда весьма активно продвигаются как сольники. И вот теперь еще и новая группа.

— Расовые предпочтения есть? — хмыкнул Дан, вспоминая свой вокальный кружок, где

все шесть девчонок умели петь и танцевать, а выгодным крупным планом могли похвастаться трое.

— Лучше бы белая или азиатка. В группе уже есть одна афроамериканка и белая девчонка, если добавить еще одну черную девчонку, будет смотреться странно.

Дан кивнул. Мысли о Скарлетт возникли сами собой. Она, конечно, не постарше. Ей еще год учиться. Но на памяти Дана у него никогда не было знакомых, которые бы настолько хотели стать популярными исполнителями. И она красива. А еще... все время с выпускного он не мог отделаться от легкого беспокойства: что, если лет через пять она начнет рассказывать о том, что между ними было? Сейчас в голову пришло, что в плане исполнителей общество в США все еще достаточно старомодно. Если что-то подобное будет рассказывать обычная девчонка, это могут расценить как смелость. Но подобные откровения певицы приведут к тому, что хейт внутри Америки скорее достанется ей, потому что здесь все еще не поощряют, чтобы публичные личности слишком много говорили об интимном.

— Девушка, с которой я ходил на выпускной, — осторожно начал Дан. — Скарлетт.

— Имя уже хорошее. Яркое. Сколько ей лет?

Дан разблокировал экран телефона, ища в галерее фото с выпускного, попутно ответил:

— Она со мной одного года, но вроде в апреле родилась. То есть семнадцать лет. Просто... я не знаю ни одного человека, который бы больше Скарлетт хотел петь на сцене. Вот она.

Тимоти, взяв телефон в руки, восхищенно присвистнул:

— Семнадцать? Тебе не кажется, что это фото как обложка для эротического романа?

Дан расхохотался — на фото они сидели в машине, Скарлетт, дурачась, немного нереалистично выгнулась на сиденье, прижимаясь к нему. Фотограф тогда поржал, сказал что фото не для демонстрации родителям, но в итоге отправил снимок Дану — слишком уж ярко получилось.

Дан немного наклонился к Тимоти, перелистнул фото на экране:

— Вообще в жизни она скорее ведет себя как приставучая отличница. Но знает, что красива и умеет подать себя. И очень хорошо поет. Диапазон в четыре октавы. Еще... здесь не видно, но вообще она очень миниатюрная. Рост не выше метр шестидесяти, весит килограмм сорок... а то потому что накачала попу, а мышцы тяжелые.

Тимоти заржал в голос:

— Лучшая характеристика для певицы. Давай мне вот это фото, где ее лицо лучше видно. Перекину Джорджу.

Еще несколько минут просидели в молчании, после Тимоти попросил позвонить Скарлетт и узнать — согласна ли она на прослушивание.

Было даже немного неловко. Они практически не общались с выпускного. Дан скинул ей фотки, они коротко их обсудили, но после ничего.

Трубку она взяла быстро:

— Какие люди! Я уже думала, ты про меня забыл, — с легким кокетством в голосе сказала Скарлетт.

Тимоти, услышав подобное приветствие, расплылся в хитрой улыбке, смотря на Дан так, будто все-все-все про них понял.

— Немного, — ответил Дан, хотя это было ложью.

Думал он о ней, конечно, вовсе не в романтическом плане, но забыть о случившемся не

получалось.

— Я по делу, если честно, — продолжил он до того, как Скарлетт привычно начнет шутить. — Не хочешь стать частью поп-группы?

— Оу, — удивленно выдохнула Скарлетт. — Вот это действительно неожиданно. А песни этой группе будешь ты писать?

Дан поперхнулся воздухом: он никогда не говорил Скарлетт, что пишет песни для кого-то. Знали о его стажировке и плодах этой стажировки немногие: БигБи, Чак... и все, в принципе.

Услышал его замешательство, Скарлетт радостно расхохоталась:

— Брось! У меня идеальный слух, а у тебя очень узнаваемый голос, такой тембр один на миллиард. Я люблю слушать релакс-плейлисты. И умею проверять кредиты песен в стриминговых платформах. Не переживай, твой секрет я никому не раскрою.

Теперь Тимоти вообще начал смеяться, глуша рвущийся ржач, зажав рот ладонью.

— И давно догадалась? — обреченно спросил Дан.

— Да как альбом «Songow» вышел, так и догадалась. И раньше подозревала — никто не будет стажироваться больше года просто ради того, чтобы смотреть на чужую запись — но до выхода альбома не знала, над чем именно ты работаешь. Так что, твои песни будут?

— Нет. Это продюсерский проект и я в нем не участвую. Просто им нужна еще одна девушка.

— Сколько человек в группе? — деловито уточнила Скарлетт.

Тимоти на пальцах показал сначала три, потом потряс кистью и четыре.

— Сейчас двое, планируется три или четыре, — понял что имеет ввиду Тимоти Дан.

— Концепция?

— Э-э-э... — протянул Дан. — Может ты приедешь на прослушивание и сама все у них спросишь? Меня просто спросили — есть ли поюще-танцующие знакомые?

Скарлетт засмеялась:

— Ладно, прости. Это скорее любопытство. Когда и куда мне подойти? В субботу никак не смогу, но все остальные дела способна перенести.

Дан назвал место и время, Скарлетт задала еще несколько вопросов, касающихся скорее его мнения на этот счет, а потом они попрощались.

— У вас что-то было? — хитро улыбался Тимоти.

— Задавать подобные вопросы несовершеннолетним нетактично, — высокомерно ответил Дан.

Тимоти заржал:

— Это будешь журналистам говорить. Меня рассказами о собственной невинности можешь не кормить — я читал твои тексты. Но можешь не отвечать. Если бы не было, ты бы возмутился, а не уклонялся от ответа. Она дерзкая штучка.

Дан кивнул. Это действительно так.

О том, что Скарлетт взяли в группу, она сообщила ему сама. Очень искренне поблагодарила. Шепотом добавила, что он может не переживать — все его тайны, особенно выпускные, она будет тщательно хранить. А потом радостно заржала, увидев его выражение лица.

В этом году он делал день рождения в тесном дружеском кругу, превратив его заодно в прощальную вечеринку. Не он один уезжал. БигБи поступил в Нью-Йоркский университет, а

все остальные парни предпочли покинуть дом на время обучения в колледже. Чак вообще в Йель поступил. Так что прощались все со всеми.

И вот в начале августа Дан занял место в первом классе, выслушивая веселый треп Мэри о том, что он — сноб и мажор, который оплатил всей семье эти билеты — и они оставили Нью-Йорк позади. Он знал, что скоро вернется — у него показы в начале сентября — но это будет немного другое. Он прилетит словно в гости, в полупустую комнату, где он больше не живет. На ближайший год его домом будет Сеул.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net